АРХИВ ТРОЦКОГО

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СССР

1923-1927

ТОМ 1

«ТЕРРА» - «TERRA»
1990

АРХИВ ТРОЦКОГО

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СССР

1923-1927

ТОМ 1

Редактор-составитель
Ю. Фельштинский

«ТЕРРА» - «TERRA»
1990

ББК 66. 61(2)27
К 63

АРХИВ ТРОЦКОГО

ТОМ 1

Ответственный за выпуск *С. А. Кондратов*
Редактор *В.Н. Пекшев*
Художник *И. Е. Сайко*

Репринтное воспроизведение

Подписано в печать 16.04.90. Формат $60\times90^1/_{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,0. Усл. кр.-отт. 16,25. Уч. изд. л. 19,13.
Заказ 985. Тираж 100 000 (1-й завод 1 — 50 000) экз. Цена 6 руб. 90 коп.

Ассоциация совместных предприятий международных объединений и организаций.
Издательский центр «ТЕРРА». Москва, 2-ой Новоподмосковный переулок, 4.

Отпечатано на Ярославском полиграфкомбинате Госкомпечати СССР.
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

СОДЕРЖАНИЕ

1924 год

1925 год

1926 год

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В четырехтомник "Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927" объединены документы, являющиеся частью фонда Архива Троцкого bMs Russ. 13 T, хранящегося в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета. Вывезенный Троцким с разрешения советского правительства, архив был продан Гарвардскому университету незадолго до убийства Троцкого в августе 1940 года.

В настоящее издание включены практически все документы архивов за 1923–27 годы, относящиеся к вопросам внутренней политики и борьбе за власть в советском руководстве. Материалы, связанные с деятельностью Коминтерна, представлены лишь настолько, насколько зто необходимо для понимания фракционной борьбы. Кроме того, в четырехтомник, как правило, не включались архивные материалы, опубликованные ранее на русском языке в советской периодической печати (например, в "Правде") и в вышедших на Западе изданиях. В их числе следует назвать издававшийся Троцким с 1929 по 1940 годы "Бюллетень оппозиции", книгу Троцкого "Сталинская школа фальсификации" (изд. Гранит, Берлин, 1932), а также книги Троцкого "Портреты" (Chalidze Publications, 1984), "Дневники и письма" (Эрмитаж, 1986) и "Портреты революционеров" (Chalidze Publications, 1988).

Значительное число документов относится к деятельности так называемой левой оппозиции Троцкого и написаны им самим. Хронологические рамки четырехтомника не случайны. Архивные документы 1917–22 годов были опубликованы в двухтомном англо-русском издании "Бумаги Троцкого" (The Trotsky Papers, 1917–1922. 2 vv. Mouton, 1964–1971). Кроме того, в 1923 году, в связи с неизлечимой болезнью Ленина, борьба в Политбюро между Троцким и Сталиным принимает по существу открытый характер. Как свидетельствуют документы, в зтой борьбе Ленин в целом принял сторону Троцкого. Однако в зти месяцы Ленин был не только болен и оторван от дел, но и растерян. В последние недели жизни он безуспешно пытался спасти созданную им систему, которой не мог управлять никто, кроме него самого, и понимая зто, уже в полном отчаянии написал

свои последние статьи, которые Политбюро дружно решило проигнорировать, если и не формально, то по существу.

1927 год – последний год Троцкого в Кремле и в ЦК: 16 января 1928 он высылается в Алма-Ату. Левая оппозиция терпит поражение, а Сталин, разгромив своих горе-противников, берет на вооружение их политическую программу и проводит в стране коллективизацию и индустриализацию самым радикальным путем, о котором и не мечтали левые оппозиционеры, упрекавшие Сталина в "правом уклоне". Таким образом, 1928 год – это отдельная тема, и в настоящем издании она не представлена.

За исключением ряда приложений, документы расположены в хронологическом порядке. В оглавлении в квадратных скобках указаны их архивные номера. Даты написания документов, определенные составителем, даны в квадратных скобках в конце текстов. Большая часть материалов публикуется впервые и почти все – впервые на русском языке. Издание производится с любезного разрешения администрации Хогтонской библиотеки.

Юрий Фельштинский
Бостон

1923 год

С. секретно

В ПОЛИТБЮРО ЦЕКА

(По поводу письма тов. Сталина о Госплане и СТО)

1. В центре ряда моих письменных предложений, внесенных в ЦК, стоял вопрос о необходимости обеспечить правильное плановое руководство изо дня в день государственным хозяйством – под углом зрения, в первую голову, восстановления и развития государственной промышленности. Я утверждал, что органа, непосредственно ответственного за плановое руководство государственным хозяйством и способного по своим правам, обязанностям и составу осуществлять такое руководство, у нас нет. Я утверждал, что именно отсюда вытекает стремление нагромождать все новые и новые руководящие и объединяющие органы, которые в конце концов только мешают друг другу. Помимо Совнаркома и Президиума ВЦИКа мы сейчас имеем: коллегию замов (тройка), СТО, Финкомитет, Малый Совнарком, Госплан. При этом вопросы сплошь да рядом переходят в ЦК (Секретариат, Оргбюро, Политбюро). Я считал, что эта множественность руководящих учреждений с неопределенными взаимоотношениями и распыленной ответственностью насаждает хаос сверху.

Т. Сталин предлагает теперь слить СТО, коллегию замов и Финкомитет. Это предложение, независимо от своей непосредственной практической ценности, является во всяком случае признаком нецелесообразности существования самостоятельной коллегии замов и самостоятельного Финкомитета.

Когда я вносил в первый раз свое предложение о Госплане как об объединяющем хозяйственном органе, я не мог, разумеется, оценить предложения т. Сталина, потому что это последнее внесено на два года позже моего предложения. Притом чрезвычайно важное по существу предложение т. Сталина о реорганизации центральных органов вносится т. Сталиным *попутно в порядке критики моих повторных предложений.*

2. Ошибочную сторону нашей хозяйственной политики последнего периода я видел в самодовлеющей постановке финансовых вопросов. Скачущий рубль не может быть регулятором хозяйства и потому финансовая

диктатура сплошь да рядом вырождается в азартную спекуляцию за счет государственного хозяйства. Временно такая политика может давать фиктивные успехи. Но она неизбежно подготовляет свое собственное поражение.

Во главу угла я считал и считаю необходимым поставить интересы объединенной государственной промышленности – со всеми необходимыми оговорками – равняться по интересам этой последней. Этим объясняется мое предложение председателя ВСНХ сделать председателем Госплана, дабы разработка всех плановых вопросов шла прежде всего под углом зрения интересов промышленности. Если бы перспектива была при этом нарушена, поправки могли бы итти сверху со стороны СТО. Проект т. Сталина исключает из СТО все ведомства, в том числе и ВСНХ, но оставляет там Наркомфин. Этим самым неправильное взаимоотношение между финансами и промышленностью находит в проекте т. Сталина новое организационное выражение.

3. Далее т. Сталин привлекает к этому организационному вопросу вопрос о личных назначениях. Это вынуждает и меня остановиться на этом вопросе. Совершенно верно, что через несколько недель после своего возвращения к работе т. Ленин предложил мне занять место зама. Я на это ответил, что если ЦК назначит, то, разумеется, как всегда подчинюсь постановлению ЦК, но что буду смотреть на такое решение, как на глубоко нерациональное, целиком идущее против всех моих организационных и административно-хозяйственных воззрений, планов и намерений.

Причины, которые я развил в разговоре с т. Лениным, таковы:

а) Самое существование коллегии замов считаю вредным, так как отрывая наиболее ответственных товарищей от определенных административных и административно-хозяйственных постов, коллегия замов создает для них неопределенное положение, при котором все они отвечают как бы за все и в то же время как бы ни за что. Считал и считаю, что необходимо и достаточно иметь постоянного зама по Совнаркому и, может быть, другого по СТО с правильным их взаимоотношением (СТО – комиссия Совнаркома).

б) Вторая причина, на которую я указал т. Ленину, – это политика Секретариата ЦК, Оргбюро и Политбюро в советских вопросах. Последние два года были временем очень частых решений Оргбюро, Секретариата и Политбюро по вопросам, например, военным – решений, выносившихся фактически помимо заинтересованного ведомства и даже за его спиной (частые сокращения армии вместо обдуманных плановых сокращений, что приводило к чрезвычайной дезорганизации и к чрезвычайному увеличению расходов вещевого и продовольственного снабжения; такие же явления в бюджетной части, аналогичные явления в области личных назначений...). Все это совершенно нарушало возможность правильной работы, отбора и воспитания работников и сколько-нибудь правильного расчета и предвидения сколько-нибудь планового хозяйства. Естественно, если при таком положении, которое не было тайной ни для кого из ответственных работников военного ведомства, я не считал возможным брать на себя ответственность еще и за другие учреждения.

Т. Ленин ответил, что против моего желания он не станет предлагать назначить меня замом. Указав на то, что руководящий аппарат и подбор работников у нас действительно крайне плохи и что нам нужна особая авторитетная партийная комиссия для рассмотрения вопроса о более правильном подборе, воспитании и продвижении работников и о более правильных организационных взаимоотношениях, т. Ленин предложил мне вступить в таковую, когда он более определенно обдумает ее функции и состав. Я с полной готовностью согласился. Больше, однако, т. Ленин до своего нового заболевания не поднимал вопроса об этой комиссии.

4. Т. Сталин, выдвигая проект о назначении меня замом (предложение, которое никогда не вносилось ни в Политбюро, ни в пленум и никогда не обсуждалось в них), предлагает "отдать под специальную заботу" мою ВСНХ. Такая постановка вопроса, как указано выше, в корне неправильна. Под специальной заботой ВСНХ должно находиться у председателя ВСНХ. Роль специального "попечителя" только раздваивает ответственность и вносит неопределенность и путаницу в ту область, где важнее и ценнее всего определенность и ясность. Нам нужно правильное практическое согласование работы хозяйственных ведомств, а вовсе не двухэтажное руководство каждым из них в отдельности.

ПРИМЕЧАНИЕ: Совершенно неверно, будто бы предложение т. Сталина есть предложение т. Ленина, как говорится в пункте 4. Т. Ленин предложил мне взять под свое наблюдение именно не хозяйственные ведомства, в первую голову, Наркомпрос.

5. Без объединяющего плана и объединенного руководства никакая хозяйственная работа невозможна. План должен быть не академическим, а практическим. Отделить план и наблюдение за исполнением невозможно. Наш плановый орган – Госплан; высшие органы (СТО, Совнарком, Финкомитет, коллегия замов, ЦК) вынуждены либо полагаться на Госплан, либо импровизировать и создавать бесчисленные комиссии. Единственный выход из положения прибрать Госплан к рукам, т. е. дать в его состав для постоянной текущей работы ответственных работников, комбинируя их в надлежащем сочетании со спецами. Нужно, чтобы высшие учреждения получали от Госплана доброкачественный материал, хорошо разработанный, просмотренный, согласованный и притом, само собой разумеется, под советским, коммунистическим углом зрения.

При таком, правильно действующем Госплане вверх будут восходить только крупные принципиальные вопросы, требующие законодательного решения или принципиально нового направления.

Для аналогии скажу, что Госплан будет играть роль штаба, а СТО роль Реввоенсовета.

15 января 1923 г. *Л. Троцкий*

Сов. секретно

ВСЕМ ЧЛЕНАМ И КАНДИДАТАМ ЦК

Письменный обмен мнениями по вопросу об организации центрального хозяйственного аппарата имеет, разумеется, свои неудобства. Но он имеет также и то крупное преимущество, что вводит ближе в существо вопроса всех членов ЦК, которые на заседаниях пленума вынуждены бегло рассматривать вопросы, накопившиеся в течение двух, а иногда и более месяцев.

1. Совершенно очевидно, что Совнаркому, кроме постоянного председателя, нужен заместитель как руководитель работ Совнаркома. Так как СТО есть важнейшая комиссия Совнаркома, то возможно назначение второго заместителя – специально для СТО. Но совершенно очевидно – и по существу работы и по формальным соображениям – что заместитель вне руководящей работы в Совнаркоме и СТО невозможен. Нельзя давать людям какие-то неопределенные права и обязанности заместителей вообще. Что это за институт "заместитель, как таковой"? И ярче всего неправильность такой постановки дела подчеркивает последнее предложение тов. Сталина: "Ввести в реорганизованный СТО еще одного зама от Украины". Что это значит "зам от Украины"? Кого замещает этот зам? Председателя Союзного Совнаркома? Или это заместитель председателя Украинского Совнаркома?

Я допускаю, что ввиду организации Союза может понадобиться участие в работах Совнаркома (или СТО) лица, отстаивающего интересы Украины. Можно понять, если такое лицо будет называться наркомом по делам Украины. Но дать ему звание зама можно лишь для того, чтобы всем разъяснить, что это звание не имеет никакого практического значения, другими словами, что это чин, а не должность.

2. Каковы доводы в пользу умножения замов. Доводы те, что много работы. Работы действительно немало. Но присмотримся к делу конкретнее.

а) Зам тов. Каменев. В качестве председателя Московского Совета руководит хозяйственной и культурной работой важнейшего города и важнейшей губернии в республике. *Кроме того* выполняет обязанности зама.

б) Зам тов. Цюрупа. В качестве наркомрабкрина имеет задачей проверять деятельность всех вообще государственных учреждений и под углом зрения целесообразности, и под углом зрения законности. *Кроме того* состоит замом.

в) Зам тов. Рыков. Выполняет только обязанности зама.

г) Предполагается назначить замом тов. Троцкого, который состоит наркомвоеном и которого предполагается еще назначить либо пред. ВСНХ, либо пред. Госплана.

Таким образом, почти каждый делает несколько дел, а одно и то же дело раздается нескольким. От этого получается, конечно, не экономия сил, а наоборот, их расхищение. Совместительство у нас, по общему пра-

вилу, ни в каких областях не давало положительных результатов. Нужна более углубленная специализация на всех вопросах, в том числе и на замстве.

Если решить, что тов. Каменев полезнее в качестве зама, -- нужно освободить его от Московского Совета, руководство которым представляет самостоятельную и притом все усложняющуюся задачу.

Если придавать серьезное значение Рабкрину (разумеется, не как универсальному воспитателю всего народонаселения, а как советскому госконтролю), то нужно освободить тов. Цюрупу от функций зама. Если же наоборот – освободить его от Госконтроля, назначив замом. При таком решении вопроса (то есть в качестве замов – мы, тов. тов. Рыков-Цюрупа или же Рыков-Каменев) * получилось бы несравненно более экономии сил, а значит, и порядка.

Думать, что можно достигнуть вневедомственности или надведомственности учреждения тем, что членов его освободить от определенных обязанностей и дать им звание – замов, в корне неверно. Если нынешние члены Совнаркома и СТО слишком узкие ведомственники, надо поставить во главе ведомств, по крайней мере, наиболее ответственных и компетентных работников. Другого пути нет.

ПРИМЕЧАНИЕ: Как обстоит ныне дело с замством, видно из официального распределения работ между ними. Из хозяйственных ведомств попечению тов. Цюрупы подчинены: Наркомзем, НКПС, Наркомпочтель, ВСНХ; тов. Рыкову – Наркомфин, Комвнуторг, Госплан, Госбанк и пр. В то же время тов. Цюрупа в качестве наркомрабкрина должен следить за всеми комиссариатами под тем же углом зрения: "проверка исполнений, наблюдение за сокращением штатов и за улучшением аппарата". У замов как замов никакого аппарата наблюдения и контроля нет. Один наблюдает за ВСНХ, а другой – за Госпланом. Может ли быть успешным такой режим? А ведь нам предлагают еще увеличить количество замов, этих почетных попечителей над ведомствами и без... определенных занятий.

3. Тов. Сталин против "обращений к прошлому". Но инициатива таких обращений целиком на его стороне. Я внес после последнего Пленума заявление в ЦК о необходимости ликвидации центрального хаоса в аппарате управления хозяйством. Тов. Сталин в ответ на это внес впервые свои предложения по поднятому вопросу. Дальнейший спор мог бы вполне уместиться в рамки вопроса о том, какие учреждения с какими сливать, кого куда назначать и проч. Но тов. Сталин обратился "к прошлому" и рассказал о том, как меня собирались назначить замом, но я отказался.

Только потому я оказался вынужденным рассказать о беседе с тов. Лениным и о мотивах, которые я приводил в пользу моего отказа.

Теперь тов. Сталин снова говорит: не нужно обращаться к прошому, иначе он, тов. Сталин, может нечаянно вспомнить и рассказать (чтобы показать другим, как это плохо и неуместно), что "тов. Троцкий, кажется, полтора или год тому назад уверял нас в Политбюро, что дни советской власти сочтены – кукушка уже прокуковала" и проч. Совершенно очевидно, что если первый раз тов. Сталин обратился к прошлому по сообра-

* Так в документе. – *Прим. сост.*

жениям политическим и вынудил меня внести поправки, то второй раз он делает это уже по соображениям педагогическим: с целью показать, что обращение к прошлому может довести серьезного человека до кукушки.

Да, мне не раз приходилось в Политбюро – и не полтора года, полгода тому назад, в ответ на поверхностный и, с моей точки зрения, непростительный оптимизм тех или других товарищей говорить: если будем так хозяйничать, то и кукушке не дадим времени прокуковать. Если это оценивалось кем-либо как "пессимизм", то я неизменно отвечал: да, я не оптимист в нашей бесхозяйственности, ибо это оптимизм за счет ряда интересов нашей революции. Чаще всего я выдвигал этот довод, когда у нас в Политбюро решалось в одно заседание 10–12 огромной важности практических хозяйственных вопросов, без малейшей подготовки, после десятиминутного обсуждения, на слух и на глаз. В борьбе против этого режима я не раз упоминал кукушку, а если мы создадим особый корпус замов, из которых каждый в отдельности отвечает за все и ни за что, то без кукушки трудно будет явиться на заседание СТО.

"Неужели нужно воскресить все эти воспоминания?" – спрашивает тов. Сталин, после того как он их воскресил. Нет, можно бы и не воскрешать, отвечу я.

4. В своем письме от 15 января я писал, что предложение о моем назначении замом "никогда не выносилось ни в Политбюро, ни в пленум и никогда не обсуждалось на них". Тов. Сталин делает неожиданную для меня попытку опровергнуть это на основании документов. Опять-таки я вынужден остановиться на этом в нескольких словах, ибо документы эти могут с неожиданной для меня самого яркостью ввести всех членов ЦК в то, как иногда решаются вопросы. Тов. Сталин приводит записку т. Ленина от 11 сентября, в которой предлагается назначить тов. Каменева и меня замами ввиду того, что "тов. Рыков получил отпуск с приезда Цюрупы" и проч. Об этой записке тов. Сталин сообщил мне по телефону. В это время я сам просил о четырехнедельном отпуске (и получил его) – главным образом для подготовки к намеченным для меня докладам на предстоящем тогда международном конгрессе. Таким образом, совершенно независимо даже от моего принципиально отрицательного отношения к расширению замства совершенно очевидно, что та практическая задача, которую хотел разрешить т. Ленин ввиду отпуска тов. Рыкова, совершенно не разрешалась назначением меня замом, так как на предстоявшие недели я сам получил отпуск, а в дальнейшем наступил конгресс, целиком меня поглотивший. Совершенно очевидно, что эти неоспоримые практические соображения были бы достаточны, по крайней мере, для отложения вопроса о моем назначении, даже в глазах тех товарищей, которые были сторонниками того назначения. Казалось бы, если все же хотели решить вопрос сейчас или зафиксировать мнение Политбюро, то нужно было созвать заседание Политбюро. После краткого разговора с тов. Сталиным по телефону я был убежден, что самый вопрос снимается, по крайней мере, до моего возвращения. Но нет. Голосование (по телефону или письменно с моей отметкой на документе) было все же произведено, и я впервые узнал о результатах его только теперь из письма тов. Сталина.

Оказывается, что Сталин и Рыков голосовали "за", Томский и Каменев "воздержались", Калинин "не возражал".

После этого Политбюро на заседании своем от 14 сентября вынесло постановление, в котором "с сожалением констатирует категорический отказ тов. Троцкого". Из текста письма тов. Сталина члены ЦК могут подумать, будто я присутствовал на этом заседании Политбюро. Ничего подобного. Я уже находился в отпуску. Тем не менее, несмотря на практическую неотразимость моих доводов, по крайней мере в пользу отложения вопроса, Политбюро *в мое отсутствие* "с сожалением констатирует" и проч. Я совершенно не вхожу в оценку всего этого эпизода, который был поднят не мною. Но я еще раз констатирую, что вопрос ни разу не вносился в Политбюро и не обсуждался на нем – по крайней мере, в моем присутствии. А я думаю, что мое присутствие было бы не лишним, так как дело шло о моем назначении.

5. Для того, чтобы *основной* вопрос, подлежащий разрешению, не отошел на задний план ввиду этих экскурсий в прошлое, инициатива которых, как указано, целиком принадлежит тов. Сталину, я даю дальше точные выписки по интересующему нас основному вопросу из моих внесенных в ЦК предложений от 7-го августа 1921 года и моего письма, внесенного в Политбюро 29-го апреля 1922 года.

Л. Троцкий

20 января 1923 г.

I приложение

7 августа 1921 г.
ПЛЕНУМ ЦК

На X съезде партии и на Всероссийской партийной конференции намечены новые пути экономической политики. Необходимо, однако, констатировать, что осуществление намеченных директив в области непосредственной хозяйственной деятельности советских органов, проведение соответствующих декретов и усвоение широкой массой партийных и советских работников новых начал экономической политики – совершается слишком медленно и не идет тем темпом, которого требует ужасающее положение народного хозяйства. Одной из главных причин медленного проведения новой политики, а также той практической путаницы и идейной смуты, которые ею вызываются, является крайне несистематический характер разработки намеченных начал. В области хозяйства политика крупных поворотов, тем более внутренне несогласованных, совершенно недопустима. Отсутствие действительного хозяйственного центра, который следит за хозяйственной деятельности, варьирует ее опыты, учитывает и обобщает результаты, практически объединяет все стороны хозяйственной деятельности и таким образом на деле вырабатывает внутренне согласованный хозяйственный план, отсутствие такого действительно хо-

зяйственного центра приводит не только к тягчайшим для хозяйства потрясениям, как топливный и продовольственный кризисы, но и исключает возможность *плановой внутренне согласованной разработки новых начал хозяйственной политики. Отсюда система толчков и контртолчков, тяжело отдающихся внизу, на корнях нашего хозяйства.*

При новом курсе, как и при старом, главной задачей является восстановление и укрепление крупной национализированной промышленности. В организационном отношении эта первостепенной важности задача достижима только при установлении действительного единства управления. Постоянные столкновения хозяйственных, профессиональных и партийных органов, особенно по вопросам личных назначений и перемещений, способны были погубить самую здоровую промышленность. При нынешних условиях руководство государственным хозяйством есть на три четверти вопрос подбора и сочетания работников всех степеней ответственности. Эта работа может быть выполняема только при наличности единства воли в управлении национализированной промышленностью.

Промышленные предприятия будут, следовательно, в ближайший период разбиты на три группы: государственные, находящиеся в определенных договорных отношениях с государством (производственные кооперативы, государственные управления на договоре и пр.) и сдаваемые в аренду на частно-капиталистических началах.

Взаимоотношение этих предприятий с государственными органами и учреждениями и предприятиями, особенно с железными дорогами, речным транспортом, РКИ и пр. и пр., станет неизбежно новым источником волокиты, придирок и злоупотреблений. Необходимо в этом отношении, с одной стороны, перенести инициативу и ответственность на места, а с другой стороны, обеспечить такую *работу центрального хозяйственного аппарата, которая давала бы действительную и притом непрерывную регулировку хозяйственной жизни, активно устраняя бюрократические помехи и помогая установлению простейших взаимоотношений между зависящими друг от друга органами и предприятиями.*

При такого рода – единственно правильной – постановке задачи Госплана он подлежит полной реорганизации в смысле состава и методов работы. Хозяйственный план не может быть выработан теоретически, он должен вырабатываться в процессе его практического осуществления. Это значит, что хозяйственный план может вырабатывать только тот, кто его осуществляет. В этом отношении нынешнее положение Госплана исключает всякую возможность действительно планового руководства хозяйством. Совершенно очевидно, что СТО фактического непрерывного руководства хозяйством не осуществляет и осуществлять не будет. Задача СТО сводится к установлению основ хозяйственной политики, к общему наблюдению над хозяйственной работой и к практическому разрешению тех казусов, которые неразрешимы на других ступенях хозяйственной организации.

Хозяйственный план должен необходимо строиться вокруг крупной национализированной промышленности как стержня. Вокруг этого стрежня должен быть построен и Госплан. Кто практически руководит про-

мышленной жизнью, тот должен идейно и организационно руководить выработкой, проверкой, регулировкой осуществления хозяйственного плана из дня в день, из часу в час. При недостижении соглашения в Госплане вопрос переносится в СТО. Но по общему правилу единства хозяйственного плана вырабатывается и обеспечивается в повседневной работе Госпланом под углом зрения крупной национализированной промышленности как руководящего хозяйственного фактора.

Троцкий

II приложение

23 августа 1922 г.

ЗАМПРЕД СТО
ЗАМПРЕД СНК
копия в секретариат ПОЛИТБЮРО

Важнейшие и неотложнейшие административно-организационные хозяйственные мероприятия у нас, по моей средней оценке, принимаются с запозданием на полтора-два года. Возможно, что срок для серьезного обсуждения и разрешения вопроса о плановом органе еще не подошел. Тем не менее, не считаю себя вправе отказаться от подготовительных соображений к его разрешению.

С переходом на новую экономическую политику важнейшим рычагом хозяйственного плана являются государственные финансы. Их распределение предопределяет хозяйственный план. Вне установления размеров эмиссии и вне распределения денежных средств между ведомствами нет и не может быть сейчас никакого хозяйственного плана. Между тем, насколько я могу судить, Госплан к этим основным вопросам не имеет никакого отношения. Потому ли, что план Госплана идет мимо хозяйственных задач нынешнего года? Потому ли, что Госплан ничего не может прибавить при обсуждении и разрешении этих вопросов? Какое бы из объяснений ни принять, совершенно очевидно, что мы имеем в корне ложную организацию.

Между малым Совнаркомом и большим создана тройка в качестве препоны. Разумеется, препоны полезны, как полезны тормоза. Но никому еще не удавалось ездить на тормозе. Нужен рабочий механизм. Нужен активный распределительный и регулирующий аппарат. Где он? Каким образом могло случиться, что при обсуждении вопроса о распределении денежных средств и размерах эмиссии никто в Политбюро не вспомнил о Госплане? Что это значит? На партийном съезде один из осведомленных ораторов, чуть ли не тов. Пятаков, сообщил, что из всех денег, ассигнованных на промышленность, одна четверть была ассигнована специально на торф. Я не знаю, верно ли это, и если верно, то чем вызвано. Во всяком случае, совершенно очевидно, что тройка не может в процессе рассмотрения теку-

щих кредитов решить, сколько нужно на торф, сколько нужно на уголь и пр.

Тов. Цюрупа заявил, что Наркомфин режет графины пополам и таким путем наводит экономию. Другими словами, исходя из чисто эмиссионных соображений и свободной от контроля хозяйственной "материи" Наркомфин разрушает хозяйство и его органы. По заключению тов. Цюрупы, возможно чрезвычайное сокращение бюджета без ломки графинов, а целесообразно. *Но целесообразно – это значит по плану.* Тов. Цюрупе придется, очевидно, понаблюсти, чтобы и в других ведомствах смета сокращалась, но не в порядке публицистических налогов, а в порядке плана – *плана государственного хозяйства* – Госплана.

Через какой же орган можно это осуществить? Как приступить к этой работе без органа, который занимается согласованием и введением в известные рамки нынешнего нашего хозяйства с заглядыванием хотя бы на несколько месяцев вперед?

Каким образом можно требовать исполнительности и правильности отчетности у отдельных ведомств и органов, если у них нет ни малейшей уверенности относительно того, как будет выглядеть завтрашний день? Как можно создать самую скромную устойчивость в работе без хотя бы грубого и приблизительного, хотя бы краткосрочного плана? Как можно создать план, хотя бы и грубый и краткосрочный, без планового органа, не витающего в академических небесах, а непосредственно контролирующего, связывающего, регулирующего и направляющего наше хозяйство?

Очень может быть, что нынешний Госплан производит очень ценную работу. Но это не работа Госплана. Это работа Академического совета при Госплане. Академический совет должен работать по заданиям Госплана. Но Госплана никакого нет. Академический совет ложно присвоил себе его наименование и этим вводит в заблуждение. А мы по каждому вопросу создаем бюджетную комиссию, экономическую комиссию, тройку и пр. и пр. и таким путем ведем хозяйство к дезорганизации, разрушению и дальнейшему упадку.

Л. Троцкий

Копия
Сов. секретно

ВСЕМ ЧЛЕНАМ ЦК

Я тоже думаю, что переписку мою с тов. Сталиным, как исчерпавшую себя, можно закончить следующими выводами:

1. Реорганизация СТО совершенно не решает поднятого мною вопроса о практическом объединении хозяйства изо дня в день, так как пять замов, между которыми распределяются комиссариаты, вовсе не являются "неведомственными". Каждый зам, если он будет серьезно заниматься "своими" комиссариатами, станет главой ведомства, только комбинированного.

2. Что Госплан не выполнял сейчас работы по практическому согласованию хозяйства во всем объеме — это верно. Но и никто ее не выполнил. Она выполнялась сама собой — путем кризисов, прорех, потерь, новых кризисов и пр. Только реорганизация Госплана из учреждения, выполняющего отдельные задания, в хозяйственный штаб способна создать нормальные предпосылки для работы СТО, Совнаркома, Финкомитета и проч. Последние назначения в составе Госплана, произведенные Политбюро, убеждают меня в том, что мы удаляемся от этой цели, а не приближаемся к ней.

3. Работа зама в нынешней ее постановке противоречит целиком всем моим навыкам и представлениям о целесообразно организованной работе. Назначение меня на такую работу означало бы в моих глазах ликвидацию меня как советского работника.

4. Думаю, что назначение "украинца" в качестве зама означало бы ликвидацию одного из украинцев.

5. Совершенно очевидно, что я не протестовал против постановления Политбюро, состоявшегося относительно меня в мое отсутствие. В этом тов. Сталин прав. Но я не протестовал и против многого другого.

6. "Старые документы", которые я привел, имеют для меня то значение, что формулируют практическую задачу, как она стояла перед нами полтора года тому назад и как она в основе стоит перед нами сейчас.

Л. Троцкий

25 января 1923 г.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ СЕКРЕТАРИАТА О РАСПРЕДЕЛЕНИИ ФУНКЦИЙ МЕЖДУ ПЛЕНУМОМ ЦК, ПОЛИТБЮРО, ОРГБЮРО И СЕКРЕТАРИАТОМ ЦК

1. Расширить состав ЦК до 50 человек с привлечением новых, выдвинувшихся на практической партийной и хозяйственной работе товарищей, главным образом рабочих (директоров, руководителей областных организаций, наиболее авторитетных членов национальных компартий и пр.). Это необходимо не только для обеспечения прочной связи с местами, но и для того, чтобы облегчить дело формирования новых кадров политических руководителей из числа пока еще малоопытных, но достаточно выдвинувшихся товарищей.

2. 23-й и 24-й параграфы Устава о ЦК оставить без изменения, вставив фразу об экстренных заседаниях пленума и добавив, что в промежутках между съездами основное политическое и организационное руководство партии остается за ЦК. Без этого добавления функции пленума ЦК остаются неясными.

3. Параграф 25-й Устава изменить таким образом:"Для руководства текущей политической работой ЦК выделяет Политбюро в составе семи членов ЦК, обязывая его существенно важные политические вопросы передавать на разрешение пленума ЦК, очередного или экстренного,

смотря по обстановке". Это изменение умаляет права Политбюро в пользу пленума ЦК. Оно необходимо, так как без такого изменения расширение состава ЦК теряет смысл.

4. Для руководства общей организационной работой ЦК выделяет Организационное Бюро из семи членов ЦК.

5. Для ведения текущей организационной и исполнительской работы, а также для подготовки материалов по вопросам, подлежащим обсуждению пленума, Политбюро и Оргбюро, ЦК выделяет постоянно работающий Секретариат из трех членов ЦК.

6. Для предварительного просмотра вопросов, поступающих на повестку Оргбюро или Секретариата ЦК, и направления их в одно из этих учреждений при Секретариате создается Совещание заведующих отделами ЦК под председательством одного из секретарей ЦК.

7. Секретариат распределяет партийные силы не свыше губернского типа. Единогласно принятые решения Секретариата, не опротестованные в течение 48 часов с момента вручения протоколов заседания ни одним из членов Оргбюро, считаются постановлениями Оргбюро.

8. Оргбюро распределяет партийные силы не свыше областного типа. Состав Облбюро ЦК, ЦК национальных компартий и краевых комитетов может быть изменен Оргбюро ЦК лишь с санкции Политбюро.

9. Работники общереспубликанского типа распределяются Политбюро по представлению Оргбюро.

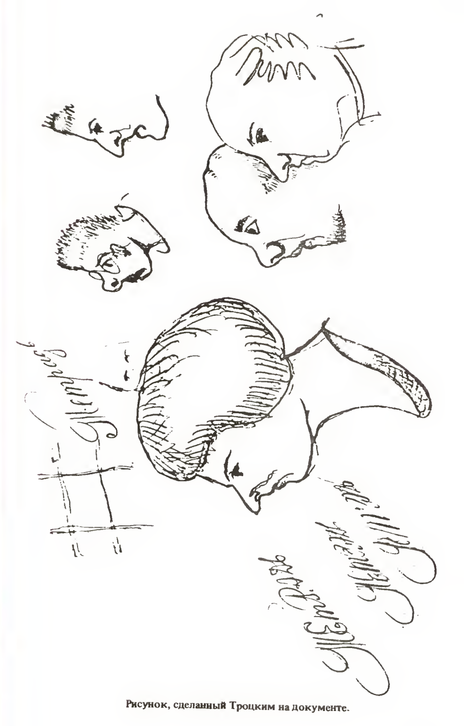
10. Решения Оргбюро опротестовываются в Политбюро, решения Секретариата – в Оргбюро, причем в обоих случаях решения исполнением приостанавливаются.

11. Решения Политбюро могут быть опротестованы в пленум ЦК без права приостановки исполнением.

Л. Троцкий
Верно: *Е. Шерлина*

29 января 1923 г.

1. Дискуссия
Провоцировать
Ларин
2. Инспектора под ЦК или под ЦКК? "Не бояться ЦК".
3. Поскольку партия чересчур сливается с государством, постольку конт[рольные] ком[иссии] перенимают партийно-политические функции.
4. Сегодня ничего не утверждать.
5. Молотов, право опробирования.
[К пункту 3] Три члена могут перенести [заседание пленума].
6. Инспектора ЦКК. ЦКК агенты ЦК.
7. Старые конспиративные вопросы.
[К пункту 7] за тремя подписями [неопротестованные в течение 48 часов с момента вручения протоколов заседания членами Оргбюро] или Политбюро входят в силу.
[Рукописные приписки Троцкого на страницах документа. – *Прим. сост.*]

Рисунок, сделанный Троцким на документе.

МОСКВА, Воздвиженка, 5. Коммутатор ЦК
1–05–27, 1–05–28, 1–05–30
Прн ответах ссылаться на наш №, число и отдел

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! *Строго секретно*

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ)
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Отдел: Бюро Секретариата

№ 22981/с 8 февраля 1923 г.

тт. ТРОЦКОМУ, РЫКОВУ

Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК РКП от 8/II–23 г. № 48

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
16. О сроке докладов комиссий тов Троцкого о промышленности и тов. Рыкова о заработной плате. (тов. Сталин)	16. Поставить доклады тт. Троцкого и Рыкова о работах их комиссий в следующий четверг в Политбюро.

Секретарь ЦК: *И. Сталин*

Правила о порядке хранеиия см. на обороте

ПОРЯДОК ХРАНЕНИЯ СЕКРЕТНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЦК РКП (Б-ов)

А) 1. Круг лиц, коим должны рассылаться выписки из протоколов ЦК РКП, партийных комитетов и отдельные распоряжения секретарей ЦК и парткомов, определяется одним из секретарей ЦК и секретарями парткомов и адресуются ими персонально.

2. Безусловно воспрещается передача выписок и отдельиых распоряжений ЦК н парткомов лицам, коим выписка или распоряжение не адресованы.

3. Выписки и отдельные распоряжеиия ЦК и парткомов иадлежит хранить в особых личных делах и ни в коем случае не допускается приложение их к советскому и профсоюзному делопроизводству.

4. Безусловно воспрещается копирование выписок и распоряжений ЦК и парткомов, а также письмеиная ссылка в советском и профсоюзном делопронзводстве на решеиия партии.

Б) 1. О всех случаях нарушения этих решеиий ЦК доводить немедля до сведеиия Секретариата ЦК РКП или партийиых комитетов для предания виновных строжайшей партийиой ответствениости.

ОСНОВАНИЕ: Постановление Оргбюро ЦК от 30 иоября 1922 года, протокол № 77, п. 58.

Копия

Тт. Ленину, Каменеву, Зиновьеву,
Сталину, Томскому, Калинину, Рыкову

ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО
Тт. Сокольникову, Цюрупе, Пятакову

Я придаю большое значение той явной и вреднейшей ошибке, которую будто бы собирается сделать часть Политбюро, требуя ограничить право государственных предприятий кредитоваться только под оборотный капитал.

В целях большей ясности в постановке этого вопроса я набросал прилагаемые при сем тезисы. Их единственной задачей сейчас является достигнуть ясности в постановке вопроса и тем самым – правильного разрешения его.

13 февраля 1923 г. *Л. Троцкий*

К ВОПРОСУ О КРЕДИТОВАНИИ ПОД ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ

1. С точки зрения борьбы национализированного хозяйства с частным решающее значение имеет, разумеется, соотношение материальных сил, то есть соотношение государственного и частного капитала. Вопрос о внутренней структуре того и другого капитала, вопрос об области применения и о форме деятельности капитала (финансовый, торговый, промышленный) и о внутренней структуре промышленного капитала (основной, оборотный) есть уже вопрос второй очереди.

2. Однако самый большой перевес государственного капитала над частным при внутренне нецелесообразной структуре государственного капитала может быть в процессе борьбы целиком утерян. Неправильной структурой является неправильное распределение капитала между основным и оборотным капиталом внутри одной и той же отрасли промышленности.

3. Совершенно очевидно, что если бы все промышленное достояние состояло из основного капитала, то есть из фабричных зданий и машин без оборотного капитала, то есть без топлива, сырья и заработной платы, то государство неизбежно потерпело бы крушение в борьбе с частным капиталом при условии правильной внутренней структуры последнего, хотя бы в общем частный капитал был в несколько раз меньше государственного.

4. Грубым фетишизмом было бы думать, что национализация состоит в присвоении государством машин и фабричных корпусов. Национализация под углом зрения развития социалистического хозяйства есть обеспечение за государством возможности производства и расширенного вос-

производства на принадлежащих государству предприятиях. Это значит, что в известных случаях и в известных пределах государству вполне выгодно превратить известную часть основного капитала в оборотный капитал. Фактически мы встали на этот путь системой концессий, аренды и смешанных обществ. Совершенно очевидно, что та же политика должна найти свое выражение в системе кредита. Поскольку кредитование является средством распределения и перераспределения материальных ресурсов между различными областями хозяйства и предприятиями, постольку система кредита должна содействовать установлению правильных пропорций между основным и оборотным капиталом.

5. Ограничивать право государственных предприятий на получение кредита только в пределах оборотного капитала значило бы впадать в чудовищную ошибку и принципиальную и практическую: а) главной причиной поисков кредита государственных предприятий является именно недостаток оборотного капитала. В этих условиях предлагать им получать кредит только под оборотный капитал значит отсылать их от Понтия к Пилату, другими словами, это значит лишать их кредита, б) поскольку централизованный "план" эпохи военного коммунизма не справился с задачей распределения ресурсов в интересах непрерывной работы промышленности, так что мы для разрешения этой задачи оказались вынуждены прибегнуть к методам рынка, – постольку запрещение кредитоваться под основной капитал есть в сущности сведение на нет в этой важнейшей области методов новой экономической политики.

6. Опасность того, что кредитование под основной капитал может повлечь за собою переход в частные руки значительного количества промышленных предприятий, несомненно существует, но эта опасность вовсе не вытекает из кредитования под корпуса и машины, а из плохого использования корпусов и машин. В каком бы объеме и под каким бы титулом не получался кредит, работа в убыток непременно потребует либо ликвидации предприятия, либо вложения в него средств со стороны.

7. Совершенно правильно то соображение, что государство не может в этой области признать законы рынка последней и безапелляционной инстанцией. Но это относится не только к режиму кредитования, но и ко всей вообще нашей хозяйственной деятельности. Если бы признать рынок в каждый данный момент последней инстанцией, то мы должны были бы допустить паралич железных дорог. Государство вмешивается с точки зрения более широкого плана и вносит поправку в работу сегодняшнего рынка. То же самое относится и к системе задолженности государственных промышленных предприятий: в случае, если государство считает себя жизненно заинтересованным в сохранении своего обанкротившегося предприятия, оно выплачивает в известный срок его долги. Это право за ним должно быть обеспечено, во всяком случае, полностью.

8. Можно признать, что было бы неосторожно предоставить *отдельным предприятиям или трестам* право выдавать самостоятельно обязательства в размерах всего своего капитала. В этой области нужны, быть может, ограничения, диктуемые соображениями хозяйственной осторожности, а вовсе не фетишизмом основного и оборотного капитала. Други-

ми словами, можно, например, установить, что тресты в праве кредитоваться в размерах одной пятой или одной десятой предоставленного в их распоряжение государством достояния (эту дробь можно варьировать по разным отраслям промышленности). Для получения же кредита в большем объеме надлежит испрашивать согласие вышестоящих органов (скажем, ВСНХ с доведением до сведения Госплана – на предмет опротестования в известных случаях перед СТО).

9. Это нужно, однако, иметь в виду, что кредиты вовсе не должны исходить непременно от капиталистов. Наоборот, в гораздо большем числе случаев предприятие будет кредитоваться у других государственных же предприятий и объединений. Можно, например, вполне представить себе, что бумажный трест дает в кредит бумагу типографии или типографскому тресту под типографское оборудование и получает таким образом в свои руки одну или несколько типографий. Система кредита под основной капитал явится в этом случае средством перехода отдельных предприятий из одного треста в другой. В этом нет никакой опасности. Наоборот, это один из наиболее жизненных способов перестройки нынешних трестов и создания более жизнеспособных, более органических объединений.

12 февраля 1923 г. *Л. Троцкий*

ПО ПОВОДУ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТОВ. ЗИНОВЬЕВА О РАЗДЕЛЕНИИ ТРУДА МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ ПОЛИТБЮРО

Насколько я понимаю, дело касается разделения труда в советской власти, а не в партийной. Тогда это будет более или менее равносильно созданию 7 замов: ибо член ЦК, заведующий, или надзирающий, или присматривающий, или наблюдающий данный комиссариат или данную группу комиссариатов есть зам с функциями, еще менее оформленными, чем у нынешних замов.

Все члены Политбюро у нас кое-чем заняты и довольно серьезно. Можно ли им еще дополнительно давать задания по "специализации" в какой-либо отрасли. Сомневаюсь.

Думаю также, что если все члены Политбюро будут наблюдать за какими-либо ведомствами, то советские вопросы будут еще чаще вноситься в Политбюро, чем ныне.

Главный недостаток работы Политбюро в том, по-моему, что Политбюро слишком мало занимается чисто партийными вопросами.

В общем же думаю, что сейчас вводить реформу несвоевременно, так как до съезда и до нового ЦК осталось уж немного времени.

15 февраля 1923 г. *Л. Троцкий*

Верно: *М. Буракова*

МОСКВА, Воздвижеика, 5. Коммутатор ЦК
I–05–27, I–05–28, 1–05–30
При ответах ссылаться иа иаш №, число и отдел

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! *Строго секретно*

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ)
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Отдел: Бюро Секретариата

№ 23557/с 20 февраля 1923 г.

Товарищу ТРОЦКОМУ

Выписка из протокола № 51 заседания Политбюро ЦК РКП от 20/II–23 г.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
3. Тезисы тов. Троцкого об организации государственной промышлеиности (пост. П/Бюро № 48 от 8/II с. г.).	3. Тезисы тов. Троцкого принять за осиову. Детальное обсуждеиие тезисов перенести на плеиум.

Секретарь ЦК: *И. Сталин*

МОСКВА, Воздвиженка, 5. Коммутатор ЦК
Тел. 1–05–27, 1–05–28, 1–05–29, 1–05–30
При ответах ссылаться иа наш №, число и отдел

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! *Строго секретно*

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ)
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Отдел: Бюро Секретариата

№ 23553/с 20 февраля 1923 г.

Товарищу РЫКОВУ и тов. ТРОЦКОМУ

Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК РКП от 20/II–23 г. № 51

СЛУШАЛИ:

1. Доклад комиссии Политбюро о зарплате (пост. П/Бюро № 46 от 1/II с. г.) тт. Богданов, Андреев, Пятаков.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. а) Признать правильным заключение комиссии на основании ее работ, что для постановки вопроса о зарплате самостоятельным пунктом порядка дня XII партсъезда нет оснований.

б) Считать в общем приемлемым предложения комиссии тов. Рыкова: 1. о пересмотре сокращенной продолжительности рабочего дня в отдельных производствах; 2. о пересмотре обязательного процента подростков в разных отраслях производства; 3. о пересмотре классификации предприятий и отдельных отраслей промышленности по степени вредности и опасности; 4. о пересмотре правил по спецодежде, как допускающих расширительное толкование; 5. о пересмотре правил и ставок по соцстрахованию; 6. об освобождении промышленности и транспорта от расходов по оказанию медицинской помощи сверх установленных по соцстрахованию и т. п. – поручить НКТруду совместно с ВСНХ, НКПС и ВЦСПС разработать соответствующие инструкции, распоряжения и дополнения к кодексу законов о труде и провести их в советском порядке с предварительным доведением до сведения Политбюро ЦК.

Для окончания всей работы комисси по п. "б" установить месячный срок. Обязать комиссию по мере окончания той или другой части работы немедленно проводить их в жизнь в советском порядке. Наблюдение за проведением в жизнь, равно как и окончанием в срок работ комиссии, возложить на тов. Рыкова.

в) Считать необходимым освобождение профсоюзов от финансирования детских домов, яслей и пр., которые находятся в настоящее время в ведении и на содержании профсоюзов, равно как и от особых отчислений на соцстрахование.

Поручить комиссии в составе Наркомпроса, Наркомфина, ВЦСПС и ВСНХ разработать этот вопрос и представить в СНК в двухнедельный срок доклад о возможности ликвидации части этих учреждений (ясли, учреждения Помгола и т. п.) и передачи другой их части на содержание Наркомпроса. Той же комиссии поручить рассмотреть вопрос о возможности производства отчислений на соцстрахование полностью хозорганами.

План урегулирования этого вопроса должен быть рассчитан на срок не более 3-х месяцев.

Назначение комиссии провести в советском порядке.

г) Признать необходимым сохранить начисления на зарплату на культработу профсоюзов в размере до 1%.

д) Поручить Оргбюро пересмотреть состав коллегии Наркомтруда, с тем чтобы в нем было обеспечено равномерное влияние как профессионалистов, так и хозяйственников.

е) Пункты 3-й и 7-й выводов комиссии в основе одобрить и предложить ВЦСПС и ВСНХ, с одной стороны, и ВЦСПС и НКПС – с другой, выработать на основе этих директив по возможности конкретные циркулярные инструкции своим органам.

ж) Все остальные пункты выводов комиссии согласовать с тов. Троцким для соответствующей переработки.

Секретарь Цека: *И. Сталин*

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПРОТОКОЛУ № 51 ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП от 20 февраля 1923 года (пункт 1)

Выписка из предложения комиссии тов. Рыкова по вопросу о зарплате

3. Политика зарплаты на предстоящий период должна исходить из необходимости приостановить рост зарплаты в легкой индустрии и принять все необходимые меры к поднятию зарплаты в отставших группах предприятий и в первую очередь на транспорте и в тяжелой индустрии.

Довоенная норма зарплаты не должна служить мерилом желательного размера оплаты труда рабочих, так как довоенная зарплата была результатом чрезмерной эксплуатации дешевого труда рабочих и их неорганизованности. Но современное состояние хозяйства в целом таково, что дальнейшее повышение зарплаты целиком зависит от роста производительности труда рабочих и улучшения организации всего хозяйства в целом.

7. Расходы, установленные законом на содержание завкомов, и соцстрахования, которые несут предприятия, не могут ни в коем случае рассматриваться как часть зарплаты рабочего.

Считать необходимым уничтожить всякие скрытые виды зарплаты в виде разного рода выдач, натуральных услуг и привилегий, оказываемых отдельным группам рабочих, и установить строжайшее проведение в жизнь единства зарплаты и платность всякого рода услуг, которые оказываются рабочим со стороны предприятия.

В е р н о: *М. Буракова*

МОСКВА, Воздвиженка, 5. Коммутатор ЦК
1–05–27, 1–05–28, 1–05–29, 1–05–30
При ответах ссылаться на наш №, число и отдел

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! *Строго секретно*

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ)
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Отдел: Бюро Секретариата

№ 23573/с 21 февраля 1923 г.

Тт. ТРОЦКОМУ, СОКОЛЬНИКОВУ

Выписка из протокола № 11 заседания Пленума ЦК РКП от 21/II–23 г.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
2. О тезисах по вопросам: а) об организации гос. промышленности и б) о налоговой политике в деревне.	2. Перенести на 22/II–23 г.

Секретарь Цека: *И. Сталин*

ЧЛЕНАМ ПЛЕНУМА ЦЕКА

Совершенно секретно

К ПРОЕКТУ РЕОРГАНИЗАЦИИ И УЛУЧШЕНИЯ РАБОТЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПАРТИИ

I. НЕОБХОДИМЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ФАКТИЧЕСКИЕ ПОЯСНЕНИЯ

1. Значительная часть членов пленума фактически введена в заблуждение относительно моей позиции в вопросе о реорганизации центральных партучреждений (по инициативе тов. Ленина). Никакого *предложения* я ни в пленум, ни ранее в Политбюро не вносил. Никакого оформленного предложения я не имел. Более того: в Политбюро мы единогласно решили не выступать по этому острому вопросу с какими-либо сепаратными предложениями, а попытаться сговориться путем обмена мнений на каждом заседании. Предложение было мое, и оно встретило полное сочувствие. Мы рассчитывали, что партия подаст свой отклик на письмо тов. Ленина, появятся статьи в "Дискуссионном листке", и Политбюро, а затем и пленум получат возможность более глубоко прощупать настроение партии в этом вопросе и в более точной форме и с полным единодушием пойти навстречу назревшим организационным преобразованиям. Повторяю, таково было мое предложение на Политбюро, и оно встретило полное сочувствие.

2. Внесение в пленум проекта тов. Зиновьева явилось для меня полной неожиданностью. В Политбюро эти тезисы не обсуждались. Самый порядок их внесения шел вразрез с тем соглашением, которое было единодушно заключено членами Политбюро: принять все меры к устранению в этом вопросе сепаратных выступлений.

3. Получив за несколько часов до заседания текст тезисов тов. Зиновьева, я совершенно не понял, о какой идее "двоецентрия" идет речь, так как мне не известен был какой-либо проект "двоецентрия", внесенный в Политбюро или в пленум ЦЕКА. Я не считал своей записки, явившейся простым эпизодом в условленном нами обмене мнений, за какой-либо проект, и притом суть даже и этой моей записки совершенно не состояла в "двоецентрии". Смысл этого полуоформленного отражения идеи "двоецентрия" разъяснился мне только во время прений на пленуме, причем я убедился, что моя записка членам Политбюро, являвшаяся одним из моментов нашего внутреннего, еще не оформленного обсуждения в Политбюро, представлена некоторыми членами пленума, как мое "предложение", суть которого состоит в "двоецентрии" и которое направлено против предложения тов. Ленина. Некоторые из членов пленума, кем-то соответственно информированные и инструктированные, высказались в том смысле, что проект тов. Ленина имеет своею целью сохранение единства, а мой – раскол.

4. Я не стану здесь доискиваться ни персональных источников, ни целей этой кружковой инсинуации, соответственно подготовленной. Но заявляю: **"Простое фактическое изложение письма тов. Ленина и мое-**

го отношения к этому письму, как и к предшествовавшему ему документу, не оставит ничего от этой недобросовестной карточной постройки. Дело обстояло как раз наоборот. В то время, как большинство членов Политбюро считало невозможным самое напечатание письма тов. Ленина, я, наоборот, не только настаивал и – при содействии тов. Каменева и в отсутствие тов. Зиновьева – настоял на напечатании письма, но и отстаивал основные его идеи или, чтобы быть более точным, те идеи его, которые казались мне основными.

Я сохраняю за собою право изложить эту фактическую сторону дела перед лицом всей партии, если этого потребует отпор инсинуации, которая чувствовала и чувствует себя слишком безнаказанной, ввиду того, что я почти никогда не реагировал на нее.

II.
ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ РЕОРГАНИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ПАРТУЧРЕЖДЕНИЙ

5. Цека должен сохранить свою строгую оформленность и способность к быстрым решениям. Поэтому дальнейшее расширение его не имеет смысла. Оно ввело бы в Цека лишь некоторое дополнительное количество центровиков (преимущественно "генерал-губернаторов"), очень мало увеличивая таким образом связь с массами. Между тем, расширение состава Цека и установление новых, более сложных отношений между Политбюро и пленумом грозит нанести чрезвычайный ущерб точности и правильности работ Цека.

6. С другой стороны, не менее важно для Цека находиться в постоянной, а не периодической только связи с "низами" и со всем советским аппаратом и иметь вокруг себя постоянное живое и активное партийное "окружение", которое, с одной стороны, придавало бы Цека живой опыт мест и "низов" и силой этого живого опыта оказывало бы на Цека необходимое давление (в случае необходимости – "объединительное" давление), а с другой стороны, само это "окружение" близкой связью с работой Цека и участием в этой работе поднималось бы на более высокую советскую и партийную ступень и подготовляло бы смену ЦК. Главными функциями этого "окружения" должны быть инспекционные, контрольные, инструкционно-воспитательные и карательные – под углом зрения партии, проникающей собою советский аппарат и опускающей свои щупальцы в глубину городских и деревенских низов.

7. Вопросы о том, должно ли это "окружение" иметь решающие или совещательные права по отношению к вопросам, составляющим предмет непосредственного ведения Цека, в каких случаях и в каком виде (вопрос о "двоецентрии"), представлялся мне второстепенным по отношению к указанным основным задачам. В своей записке я высказал одно из предположений – о том, что этому "окружению" можно дать в известных вопросах решающий голос. Но я согласен, что это связано с известным

риском, особенно на первых порах, когда не накопился еще необходимый опыт сотрудничества. Поэтому, может быть, более целесообразно ограничиться, по крайней мере, на первый год совещательными правами "окружения".

III.
МОИ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

8. Цека создается в составе Политбюро, Оргбюро и Секретариата с небольшим, может быть, дополнительным количеством членов или кандидатов. Таким образом, Цека как таковой несколько сокращается по сравнению с нынешним и, во всяком случае, не расширяется. Взаимоотношения Политбюро, Оргбюро и Секретариата Цека определяются более точно на основании уже имеющегося опыта.

9. Съезд выбирает до 75-ти членов ЦКК из рабочих и крестьян с серьезным партийным стажем и пригодных для партийно-контрольной и советско-контрольной работы под руководством Президиума ЦКК.

Президиум избирается в количестве 7–9 высокого во всех отношениях стажа, т. е. работников примерно цекистского типа.

Основной задачей работы Президиума ЦКК и 75-ти инспекторов (или членов ЦКК) является обеспечение во всех отношениях партийной линии как внутри самой партии, так и в советской работе.

ПРИМЕЧАНИЕ: Поскольку в своей инспекционной работе указанного типа ЦКК перемыкается с Рабкрином, необходимо согласование их работы. Оно может быть достигнуто вхождением части Президиума ЦКК в коллегию Рабкрина и части Каркомрабкрина в Президиум ЦКК, а также двойными мандатами инспекторов.

10. Цека имеет право (по соглашению с ЦКК) пользоваться членами ЦКК для инспекционных и других задач.

11. Каждые два месяца собирается *центральное пленарное совещание* в составе Цека, Президиума ЦКК и инспекторов. Это совещание имеет право требовать полного отчета от Цека и Президиума ЦКК во всех областях их работы.

Решения этой широкой коллегии имеют сами по себе совещательный характер и входят в законную силу только по утверждении их Центральным Комитетом.

Правильная подготовка пленарных совещаний лежит на ЦК по соглашению с Президиумом ЦКК.

12. Устанавливается правильное присутствие и совещательное участие в работах Политбюро, Оргбюро и Секретариата, членов ЦКК по назначению ее Президиума.

* * *

Эти предложения, представляющие лишь беглый набросок, сделанный между двумя заседаниями, касаются лишь вопросов, поставленных

статьей тов. Ленина. Дополнительные организационные вопросы, выдвинутые тов. Зиновьевым, я пока оставляю без рассмотрения.

Л. Троцкий

22 февраля 1923 г.

МОСКВА, Воздвиженка, 5. Коммутатор ЦК
1–05–27, 1–05–28, 1–05–29, 1–05–30
При ответах ссылаться на наш №, число и отдел

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! *Строго секретно*

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ)
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Отдел: Бюро Секретариата

№ 23703/с 23 февраля 1923 г.

тт. ТРОЦКОМУ, ЗИНОВЬЕВУ, СТАЛИНУ,
ТОМСКОМУ, ФРУНЗЕ, РУДЗУТАКУ, СОЛЬЦ, МОЛОТОВУ

Выписка из протокола вечерн. заседания пленума ЦК РКП
от 22/II– 23 г. № 13

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
1. Заявление тов. Троцкого в связи с организационным вопросом.	1. а) Исключить из тезисов по организационному вопросу первую фразу (о "двоецентрии"). б) Предложить комиссии, созданной пленумом 21/II с. г. по организационному вопросу, закончить свою работу и внести доклад до окончания текущего пленума ЦК.

Секретарь Цека: *И. Сталин*

МОСКВА, Воздвиженка, 5. Коммутатор ЦК
1–05–27, 1–05–28, 1–05–29, 1–05–30
При ответах ссылаться на наш №, число и отдел

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! *Строго секретно*

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ)
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Отдел: Бюро Секретариата

№ 23701/с 23 февраля 1923 г.

тт. ТРОЦКОМУ, РЫКОВУ, КАМЕНЕВУ, СМИЛГЕ, ДЗЕРЖИНСКОМУ, СОКОЛЬНИКОВУ, АНДРЕЕВУ, ЧУБАРЮ, ПЯТАКОВУ

Выписка из протокола вечерн. заседания Пленума ЦК РКП от 22/II– 23 г. № 13

С Л У Ш А Л И:

2. Тезисы тов. Троцкого об организации промышленности.

П О С Т А Н О В И Л И:

2. а) Тезисы тов. Троцкого принять за основу. б) Для окончательной разработки тезисов создать комиссию в составе тт. Троцкого, Рыкова, Каменева, Смилги, Дзержинского, Сокольникова, Андреева, Чубаря и Пятакова. Созыв за тов. Троцким. Доклад представить пленуму ЦК.

Секретарь Цека: *И. Сталин*

МОСКВА, Воздвиженка, 5. Коммутатор ЦК
1–05–27, 1–05–28, 1–05–29, 1–05–30
При ответах ссылаться на наш №, число и отдел

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! *Строго секретно*

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ)
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Отдел: Бюро Секретариата

№ 23779/с 24 февраля 1923 г.

тт. ТРОЦКОМУ, РЫКОВУ, КАМЕНЕВУ, СМИЛГЕ, ДЗЕРЖИНСКОМУ, СОКОЛЬНИКОВУ, АНДРЕЕВУ, ЧУБАРЮ, ПЯТАКОВУ

Выписка из протокола заседания пленума ЦК РКП от 24/II–23 г. № 15

С Л У Ш А Л И:

1. Доклад комиссии, назнач. пленумом для разработки тезисов по госпромышленности (тов. Каменев).

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Предложить комиссии работу продолжить и о результатах доложить в Политбюро ЦК с тем, что тезисы по госпромышленности окончательно будут утверждены на следующем пленуме перед партсъездом.

Секретарь Цека: *И. Сталин*

МОСКВА, Воздвиженка, 5. Коммутатор ЦК
1–05–27, 1–05–28, 1–05–29, 1–05–30
Прн ответах ссылаться на наш №, число н отдел

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! *Строго секретно*

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ)
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Отдел: Бюро Секретарната

№ 23963/с 1 марта 1923 г.

тт. СОКОЛЬНИКОВУ, ТРОЦКОМУ

Выписка нз протокола заседания Политбюро ЦК РКП от 1/III–23 г. № 52

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
16. О тезисах: а) по госпромышленности и б) о налоговой политике в деревне.	16. Отложить до следующего заседания.

Секретарь Цека: *И. Сталин*

Копия
С. секретно
Лично

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ ТРОЦКИЙ.

Я просил бы вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под "преследованием" Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы вы согласились взять на себя защиту, то я бы мог быть спокойным. Если вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком вашего несогласия.

С наилучшим товарищеским привстом *Ленин*

Записано М. В. 5-го марта 23 г.

Верно: *М. Володичева*

ТОВАРИЩУ ТРОЦКОМУ.

К письму, переданному вам по телефону, Владимир Ильич просил добавить для вашего сведения, что тов. Каменев едет в Грузию в среду и Вл. Ил. просит узнать, не желаете ли вы послать туда что-либо от себя.

5-го марта 1923 г.

М. Володичева

ТОВ. ТОВ. МДИВАНИ, МАХАРАДЗЕ И ДРУГИМ

Копии: тт. ТРОЦКОМУ и КАМЕНЕВУ

Уважаемые товарищи!

Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь.

С уважением *Ленин*

6-го марта 1923 г.

ТЕЗИСЫ О ПРОМЫШЛЕННОСТИ

1. ОБЩАЯ РОЛЬ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Взаимоотношение, какое существует у нас между рабочим классом и крестьянством, опирается, в последнем счете, на взаимоотношение между промышленностью и сельским хозяйством. Свое руководящее положение рабочий класс может, в последнем счете, сохранить и укрепить не через аппарат государства, не через армию, а через промышленность, которая воспроизводит самый пролетариат. Партия, профессиональные союзы, союз молодежи, наши школы и проч. имеют своей задачей воспитание и подготовку новых поколений рабочего класса. Но вся эта работа оказалась бы построенной на песке, если бы не имела под собой растущей промышленной базы. Только развитие промышленности создает незыблемую основу пролетарской диктатуры.

В области сельскохозяйственной, имеющей первостепенное значение для подъема страны, деятельность советского государства, неизменно расширяясь и углубляясь, будет, однако, в течение очень продолжительного еще периода иметь преимущественно вспомогательный, содействующий, хозяйственно-педагогический характер, так как подавляющая

масса сельскохозяйственных продуктов еще долго будет производиться мелкими товаропроизводителями.

В области финансов нынешняя политика – экономии государственных средств, правильной системы налогов, правильно построенного бюджета – которая должна и будет проводиться и впредь с неослабной энергией, решающих успехов сможет, однако, достигнуть только при условии прибыльности государственной промышленности и ее энергичного развития.

Задачи обороны страны при крайне сокращенной, приближенной к кадровому составу армии и при вытекающем отсюда постепенном переходе на милиционную систему сводятся в основе своей к вопросу о транспорте и военной промышленности.

В этом смысле построение нашего бюджета, государственная кредитная политика, система мероприятий по военной безопасности государства, вся вообще государственная деятельность должна на первое место ставить заботу о планомерном развитии государственной промышленности.

Возрождение государственной промышленности – при общей хозяйственной структуре нашей страны – будет по необходимости находиться в теснейшей зависимости от развития сельского хозяйства, необходимые оборотные средства должны образоваться в сельском хозяйстве в качестве избытка сельскохозяйственных продуктов над потреблением деревни, прежде чем промышленность сможет сделать решительный шаг вперед. Но столь же важно для государственной промышленности не отставать от земледелия, иначе на основе последнего создалась бы частная индустрия, которая, в конце концов, поглотила бы или рассосала государственную.

Победоносной может оказаться только такая промышленность, которая дает больше, чем поглощает. Промышленность, живущая за счет бюджета, т. е. за счет сельского хозяйства, не могла бы создать устойчивой и длительной опоры для пролетарской диктатуры. Вопрос о создании в государственной промышленности прибавочной стоимости есть вопрос о судьбе советской власти, то есть о судьбе пролетариата.

Расширенное воспроизводство государственной промышленности, немыслимое без накопления государством прибавочной стоимости, есть, в свою очередь, условие развития нашего сельского хозяйства в социалистическом, а не в капиталистическом направлении.

Через государственную промышленность пролегает, таким образом, путь к социалистическому общественному строю.

2. АКТИВ И ПАССИВ ПЕРВОГО ПЕРИОД НЭПА

Оздоровляющее влияние новой экономической политики на хозяйственную жизнь страны бесспорно. Оно нашло свое выражение в оживлении промышленной деятельности, в росте продукции многочисленных и существенных отраслей промышленности, в повышении производительности труда и качества продуктов, в несомненном и очень значительном улучшении положения рабочих и прежде всего – в более правильном подходе как к основным, так и к частным хозяйственным задачам, что является основной предпосылкой их действительного разрешения в буду-

щем. Тем не менее фактическое положение промышленности остается еще в высшей степени тяжелым. Оживление легкой промышленности, естественно объясняемое самим фактом восстановления рынка при удовлетворительном урожае, далеко не во всех предприятиях и отраслях легкой промышленности несет в себе залог правильного дальнейшего развития. Несмотря на крайнюю свою высоту особенно по сравнению с ценами сельскохозяйственных продуктов цены продуктов легкой промышленности далеко не всегда имеют восстановительный характер и, стало быть, не обеспечивают расширения производства. Повышение активности ряда трестов было достигнуто за счет старых запасов сырья, восстановление которых представляет ныне одну из самых важных и острых задач хозяйственной политики государства. С другой стороны, тяжелая промышленность, едва пришедшая в соприкосновение с рынком, целиком по существу зависящая от государственных заказов, нуждается для своего восстановления в крупных и правильно рассчитанных денежных вкладах государства. Это же относится в значительной мере и к железнодорожному и водному транспорту.

Таким образом, еще не достигнутая – вследствие всей совокупности условий хозяйства – здоровая регулировка цен легкой промышленности (крайняя высота их при недостижении ими зачастую восстановительного уровня) и отставание тяжелой промышленности от легкой представляют собой главный пассив первого периода нэпа, вызванного как общим состоянием хозяйства до нэпа, так и неизбежной ломкой хозяйственных отношений при переходе к нэпу. Достижение более отвечающей потребностям промышленного развития регулировки цен на основах рынка, установление более нормальных соотношений между отраслями легкой промышленности и теми отраслями промышленности и сельского хозяйства, которые поставляют ей сырье; наконец, выравнение фронта тяжелой промышленности и легкой – таковы коренные задачи государства в области промышленной деятельности в наступившем ныне *втором* периоде нэпа. Задачи эти могут быть разрешены лишь при правильном соотношении *рынка* и *плана.*

3. ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ПЛАНОВОЙ РАБОТЫ

В Советской России, где главные средства промышленности и транспорта принадлежат одному владельцу – государству, активное вмешательство последнего в хозяйственную жизнь должно по необходимости получать плановый характер, и ввиду господствующей роли государства как собственника и хозяина плановое начало приобретает тем самым уже на первых порах исключительное значение.

Весь предшествующий опыт показал, однако, что план социалистического хозяйства не может быть установлен априори, теоретическим или бюрократическим путем. Действительный социалистический хозяйственный план, объемлющий все отрасли промышленности в их отношении друг к другу и взаимоотношения всей промышленности в целом с сельским хозяйством, возможен только в результате длительного подготови-

тельного хозяйственного опыта на основах национализации, непрерывных усилий практического согласования работы равных отраслей хозяйства и правильного учета результатов.

На ближайший период задача имеет, таким образом, общедирективный и в значительной мере подготовительный характер. Она не может быть определена одной какой-либо формулой, а предполагает постоянное и бдительное приспособление руководящего хозяйственного аппарата, его основных заданий, его методов, его практики к рыночным явлениям и отношениям. Только в своем окончательном развитии плановые методы могут и должны подчинить себе рынок и тем самым упразднить его.

Отсюда совершенно ясны две опасности, связанные с применением государственных плановых методов хозяйства в ближайшую эпоху: а) при попытке опередить путем планового вмешательства хозяйственное развитие, заменить регулирующую работу рынка административными мероприятими, для которых живой хозяйственный опыт еще не создал необходимой опоры, совершенно неизбежны частные или общие хозяйственные кризисы того специфического типа, какие мы наблюдали в эпоху военного коммунизма ("заторы", "пробки" и пр.); б) при отставании централизованного регулирования от явно назревших потребностей в нем мы будем иметь разрешение хозяйственных вопросов неэкономными методами рынка и в тех случаях, когда своевременное административно-хозяйственное вмешательство могло бы достигнуть тех же результатов в более короткий срок и с меньшей затратой сил и средств.

Поскольку мы перешли к рыночным формам хозяйства, государство обязано предоставить отдельным предприятиям необходимую свободу хозяйственной деятельности на рынке, не пытаясь заменить ее административным усмотрением. Но если каждый трест для успеха своей работы должен чувствовать себя свободно ориентирующимся и несущим полноту ответственности за свою работу, то, с другой стороны, государство должно видеть в трестах и других объединениях свои служебные органы, при помощи которых оно прощупывает рынок в целом и тем делает возможным ряд практических мероприятий, превосходящих рыночную ориентировку отдельных предприятий или объединений. Центральный хозяйственный орган может, например, сделать вывод о необходимости ликвидации отдельного треста задолго до того, как этот последний на практике убедится в безнадежности своего положения.

Взаимоотношения между легкой промышленностью и тяжелой никак не могут разрешиться только рыночным путем, ибо это фактически грозило бы в ближайшие годы разрушением тяжелой промышленности с перспективой восстановления ее затем в результате стихийной работы рынка, но уже на основах частной собственности.

Таким образом, в отличие от капиталистических стран, область планового начала не ограничивается у нас рамками отдельных трестов или синдикатов, а распространяется на всю промышленность в целом. Мало того: государственный план должен охватывать взаимоотношения промышленности, с одной стороны, земледелия, финансов, транспорта, торговли внутренней и внешней, с другой стороны.

Другими словами: поскольку государство остается не только собственником, но и хозяйствующим субъектом в отношении большинства производительных сил промышленности и транспорта и в отношении кредитных средств, постольку плановое начало при нэпе по объему немногим отличается от планового начала в эпоху военного коммунизма. Но оно радикальнейшим образом отличается по методам. Главкократическое администрирование сменяется хозяйственным маневрированием.

В своем администрированном применении плановые методы должны расширяться с чрезвычайной осторожностью путем тщательного прощупывания почвы.

Подготовка должна состоять в хозяйственном предвидении и инструктировании соответственных хозяйственных органов относительно тех или других явлений, которые неизбежно, или по всей вероятности, возникнут в такой-то хозяйственный момент (в связи с появлением на рынке хлеба нового урожая, отливом денежных средств в деревню и проч. и проч.) с возможной конкретизацией такого предвидения по отдельным отраслям промышленности и по районам, с примерными календарными директивами относительно необходимых мероприятий для использования ожидаемой ситуации.

Совершенно очевидно, что основное планирование промышленности не может быть достигнуто внутри самой промышленности, т. е. одними лишь усилиями ее руководящего административного органа (ВСНХ), а должно составлять задачу особого планового органа, стоящего над организацией промышленности и связывающего эту последнюю с финансами, транспортом и проч. Таким органом является по положению своему Госплан. Необходимо, однако, придать Госплану более определенное положение, более твердую организацию, более ясные и бесспорные права, а особенно обязанности. Должно быть установлено в качестве незыблемого начала, что ни один общегосударственный хозяйственный вопрос не проводится в высших органах республики помимо Госплана. Этот последний, независимо от того, исходит ли инициатива от него самого, или от какого-либо из ведомств, должен проанализировать новый вопрос, проект или предложение в связи со всей остальной хозяйственной работой и этим самым определить их удельный вес и значение. Необходимо решительнейшим образом отметать – в центре, как и на местах, – попытки ведомств и учреждений добиваться тех или иных решений обходным путем, в порядке спешности, неотложности, импровизации, рассматривая такие попытки как проявления хозяйственной непредусмотрительности и как вреднейшие остатки *административной партизанщины*.

Успешность работы каждого ведомства должна оцениваться в значительной степени в зависимости от того, в какой мере оно своевременно вносит свои предположения и предложения в Госплан для их всесторонней разработки и согласования. Тем более успешность работы самого Госплана должна оцениваться с точки зрения своевременного возбуждения им хозяйственных вопросов, правильного предвидения завтрашнего дня и побуждения отдельных ведомств к своевременному сметному и практическому согласованию тех областей и отраслей их работы, которые требуют такого согласования.

Необходимо бороться через посредство Госплана с созданием всякого рода временных и случайных комиссий – последующих, направляющих, проверяющих, подготовляющих и пр., которые являются величайшим злом нашей государственной работы. Необходимо обеспечить правильную работу через нормальные и постоянные органы. Только так возможно улучшение этих органов и развитие в них необходимой гибкости – путем всестороннего их приспособления к поставленной им задаче на основе непрерывного опыта.

Не предрешая вопроса о том, понадобится ли в дальнейшем наделить руководящий плановый орган – главный штаб государственного хозяйства – Госплан теми или другими административными правами и какими именно, представляется достаточным на ближайший период установить, что в тех случаях, когда плановое руководство требует принудительной силы, санкция на таковую должна исходить от соответственных органов центральной власти (отдельных хозяйственных комиссариатов, СТО, СНК, Президиума ВЦИК).

4. ТРЕСТЫ, ИХ РОЛЬ И НЕОБХОДИМЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Государство является владельцем основных средств производства и транспорта. Отдельные хозяйственные ведомства и внутри этих ведомств отдельные органы учреждения и объединения (тресты) управляют порученными им частями государственного хозяйства в тех пределах самостоятельности, которые вызываются потребностями хозяйствования в нынешних рыночных условиях и которые определяются сверху, то есть вышестоящими государственными органами.

Право государства распоряжаться всем свободным от обязательств достоянием трестов, железных дорог и проч. остается неограниченным. Фактически предел и форма вмешательства государственной власти в текущую работу хозяйственных органов и этих последних в текущую работу отдельных полномочных учреждений, трестов и проч. определяются исключительно с точки зрения хозяйственной целесообразности и регулируются соответственными положениями.

Большая часть государственной промышленности организуется в виде трестов, т. е. пользующихся широкой хозяйственной автономией объединений, выступающих свободно на рынке как меновые хозяйства. Эти хозяйственные объединения, как и входящие в их состав отдельные предприятия, имеют своей основной задачей – извлечение и реализацию прибавочной ценности в целях государственного накопления, которое только и может обеспечить поднятие материального уровня страны и социалистическое переустройство всего хозяйства.

Государственные предприятия, работающие непосредственно на удовлетворение важнейших государственных потребностей, как военная промышленность, должны быть также целиком подчинены требованиям повышения производительности труда и понижения себестоимости на единицу продукции.

Ввиду того, что самый переход от военного коммунизма к нэпу совер-

шался в значительной мере методами военного коммунизма, группировка предприятий, разбивка их на тресты, распределение средств между трестами, кредитование их имели, и в значительной мере имеют и по сей день, априорный, бюрократический характер. С точки зрения хозяйственной плановой работы – это лишь грубые черновые опыты. Исправлять и переделывать их можно и должно уже не умозрительным путем, а на основании проверки через опыт, через комбинацию элементов рыночного и административного опыта изо дня в день.

Жалобы на *недостаток оборотных средств* свидетельствуют лишь о том, что государство взяло на себя при переходе к нэпу ведение большего количества промышленных предприятий, чем ему это под силу при общем хозяйственном состоянии страны, как оно сложилось в результате нескольких лет гражданской войны и блокады. Следствием этого являются неустойчивость предприятий, работа с перебоями и, главное, недостаточная нагрузка, что ведет, в свою очередь, к чрезвычайному повышению себестоимости продукции и к сужению рынка со всеми вытекающими отсюда хозяйственными затруднениями.

Выход из положения лежит на пути радикальной *концентрации производства* на технически наилучше оборудованных и географически наилучше расположенных предприятиях. Выдвигаемые против этого разного рода побочные и второстепенные соображения, как бы существенны они ни были сами по себе, должны отступать на задний план перед основной хозяйственной задачей: обеспечением государственной промышленности необходимыми оборотными средствами, понижением себестоимости, расширением рынка, извлечением прибыли.

Пересмотр строения и состава трестов, производимый под углом зрения как чисто производственных, так и коммерческих условий, должен быть совершенно свободен от предрассудков бюрократического единообразия в деле сочетания предприятий только по горизонтальному или только по вертикальному принципу: руководящими при пересмотре должны быть не формальные, а материальные соображения о связи и взаимозависимости предприятий, об их географическом расположении друг по отношению к другу, по отношению к транспорту и рынку (комбинаты и пр.) и пр. и пр. Отметая притязания ведомственные или местные, поскольку они вступают в конфликт с принципом более выгодной, более прибыльной организации производства, необходимо внимательно заслушать и учесть голос самих заинтересованных трестов и отдельных заводов, поскольку их живой опыт доказал необходимость отступления от организационного схематизма.

Понижение издержек производства должно производиться не с точки зрения мимолетных успехов на рынке, а в перспективе возрождения и развития хозяйственной мощи страны.

Калькуляция, учитывающая сырой материал по фиктивным ценам вчерашнего дня, не имеет ничего общего с понижением себестоимости и должна сурово караться как расточение государственного достояния.

Равным образом, совершенно неправильной и гибельной была бы политика временного удешевления цен за счет нанесения прямого или косвен-

ного ущерба тяжелой промышленности. Без восстановления последней легкая промышленность, как и все хозяйственное строительство, были бы лишены фундамента. Уголь, нефть, металл – вот те отрасли промышленности, успехи которых действительно обеспечат и хозяйственное процветание республики и ее внешнюю безопасность.

Только при повседневном и твердом руководстве трестами со стороны ВСНХ, сочетающем – в духе указанных директив – все основные элементы промышленности, предвидящем и подготовляющем их необходимые комбинации, обеспечивающем правильное и своевременное использование всех факторов производства на всех его стадиях (топливо, сырье, полуфабрикат, машины, рабочая сила и пр.), возможны не частные только, а общие успехи на промышленном фронте.

5. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ

Без правильной организации сбыта успехи производства будут и впредь приводить к частичным завалам, т. е. к *кризисам торговой беспомощности,* не находящим себе оправдания в состоянии даже и нынешнего крайне узкого рынка. Разработка низших звеньев торгового аппарата, способных обеспечить действительную, по возможности немногочисленную, связь промышленности с крестьянским рынком, должна стоять на первом плане. Что касается синдицирования, то оно должно в ближайший период проводиться с величайшей осмотрительностью и в полном соответствии с состоянием рынка и ресурсами трестов. Превращение синдикатов в торговые "главки" ничего, кроме стеснения торговой деятельности и повышения накладных расходов не принесло бы. Принудительность синдицирования должна быть хозяйственно подготовлена и коммерчески оправдана.

Большая оперативная самостоятельность трестов и отдельных предприятий, более гибкая деятельность синдикатов и все вообще положение нашей промышленности требуют несравненно большей согласованности чисто производственной деятельности с чисто торговой. Это относится как ко внутренней, так и ко внешней торговле. Не предопределяя организационных форм этого согласования, надлежит установить уже сейчас, что систематическое изучение накопляющегося в этой области опыта и выработка практических методов согласования промышленной и торговой деятельности представляют собой жизненную задачу, разрешение которой возможно только при постоянном координировании усилий ВСНХ, Наркомвнешторга, Комвнуторга и при активном участии Госплана под общим руководством СТО.

6. ФАБРИКА

Корень производственного успеха или наоборот неудачи находится в основной промышленной единице, т. е. на фабрике и заводе. Правильная постановка дела на каждом отдельном предприятии и притом не только с технически-производственной, но и с коммерческой стороны представляется вопросом решающей важности.

Сохраняя общее руководство предприятием в своих руках и централизуя те производственные и коммерческие отрасли и операции, которые для этого подготовлены, трест должен в то же время всемерно избегать удушающей централизации, угашения инициативы и механических вторжений в работу своих предприятий.

Самостоятельная калькуляция каждого из заводов должна не только давать возможность определения степени его выгодности, его роста или упадка, но и служить общей основой премиальной системы, строго приноровленной к особенностям предприятия.

7. КАЛЬКУЛЯЦИЯ, БАЛАНС И КОНТРОЛЬ

Единственная в нынешних условиях серьезная и надежная эмпирическая проверка правильности взаимоотношений предприятия, треста, государства, как и правильности всего хозяйствования, может быть дана только его материальными результатами, как они обнаруживаются в *коммерческом балансе.* Без правильного счетоводства, охватывающего государственное хозяйство сверху до низу, без научно поставленной калькуляции, определяющей реальную себестоимость продкутов государственной промышленности, нет никакой гарантии против постепенного распыления или расхищения национализированной собственности, причем тресты могли бы в этом случае явиться каналами для перекачки государственного достояния в частные руки.

Выработка методов единообразного счетоводства и наблюдение за его фактическим проведением, всемерным уточнением и усовершенствованием должны составлять одну из важнейших задач руководящих хозяйственных учреждений, в частности Госплана, причем целью этой работы должно быть поставлено достижение *единого реального баланса* всей государственной промышленности, а в дальнейшем и всего вообще государственного хозяйства.

Правильная организация государственной проверки промышленной калькуляции и торгово-промышленных балансов представляет собою насущную задачу Совета Труда и Обороны. Отсутствие такого компетентного и квалифицированного контроля делает иллюзорными все другие виды хозяйственного инспектирования и сеет чувство безответственности, несовместимое с правильно поставленным хозяйством.

8. ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Практика заработной платы за истекший период в общем и целом подтвердила правильность решений XI съезда партии и постановлений X съезда профсоюзов, в частности, относительно заключения коллективных договоров между профсоюзами и хозорганизациями.

За истекший год можно констатировать значительный рост заработной платы по всем категориям рабочих, что повлекло за собой и значительное повышение производительности труда.

Общая политика заработной платы должна быть в дальнейшем направ-

лена к большему или меньшему выравниванию средней заработной платы во всех отраслях промышленности с необходимыми поправками на среднюю квалификацию так, чтобы рабочие однородной или равноценной квалификации оплачивались приблизительно одинаково в разных отраслях промышленности, по возможности независимо от частных колебаний рынка, при действительной обусловленности индивидуальной заработной платы фактической выработкой. Соответственные государственные органы рука об руку с профсссиональными союзами должны направлять свои усилия на то, чтобы более благоприятная конъюнктура данной отрасли промышленности шла на пользу не только рабочим этой отрасли промышленности, но и рабочему классу в целом, повышая заработок в отсталых отраслях, в первую голову, в тяжелой индустрии и на транспорте.

Всемерно стремясь к улучшению положения рабочего класса, государственные органы и профессиональные союзы должны памятовать, что длительное и всеохватывающее улучшение возможно только на основе развивающейся, то есть приносящей прибыль промышленности. С этой точки зрения, такие меры, как поддержание на ходу предприятия с низкой нагрузкой или содержание на заводе числа рабочих, не соответствующего фактической производительности предприятия, представляют собой самую убыточную и нерациональную форму социального обеспечения и тем самым направлены против завтрашнего дня рабочего класса.

Обременение промышленных предприятий всякого рода не вытекающими из производства и не предусмотренными законом накладными расходами, как бы важно ни было их назначение, приносит неисчислимый вред хозяйству и государству, так как подрывает возможность правильной калькуляции и в полузамаскированном виде навязывает государству расходы, которые при данном состоянии его средств ему не под силу. Производительные, т. е. не указанные законами и не регулируемые государством "пожертвования" трестов представляют собой не что иное, как расточение государственного достояния и как таковые должны караться по закону.

Необходима внимательная проверка фактического применения в нынешней обстановке Кодекса труда и всех вообще положений о рабочей силе, заработной плате, продолжительности рабочего дня для разных категорий, об отчислениях на социальное страхование, культурно-просветительные нужды и пр. и пр. с целью, с одной стороны, удовлетворения интересов рабочих в максимальной степени, какая допускается нынешним положением промышленности, а с другой стороны – устранения или временного изменения положений, явно невыполнимых в условиях нынешнего состояния хозяйства. Хозяйственники и профессионалисты должны с полной объективностью подбирать совместно строго проверенный фактический материал, для указанных выше законодательных изменений или административных мероприятий.

9. ФИНАНСИРОВАНИЕ, КРЕДИТОВАНИЕ, НАЛОГИ И ТАМОЖЕННЫЕ СТАВКИ

Необходимым условием оздоровления и развития промышленности, особенно тяжелой, является действительное упорядочение государственного бюджета в смысле его приближения к реальным государственным ресурсам и к плановому их расходованию. Необходимо совершенно покончить, как с величайшим злом, с той финансовой практикой, которая в случаях несоответствия доходов и расходов пыталась сводить концы с концами за счет падения рубля, пользуясь произвольными коэффициентами при выдаче денежных средств и тем в корне расшатывая устойчивость важнейших хозяйственных учреждений. Совершенно те же последствия имела практика отчуждения продуктов промышленности (топливной, металлургической, машиностроительной) в пользу государства, преимущественно транспорта и военного ведомства, бесплатно или по произвольным ценам, не покрывающим себестоимости означенных продуктов.

В случае обнаружения в дальнейшем несоответствия реальных поступлений со сметным назначением и вытекающей отсюда необходимости сокращений расходной части бюджета таковые должны производиться не в замаскированном виде, а открыто, путем перестройки бюджета с вытекающими отсюда определенными последствиями в смысле планового сокращения транспорта, промышленных предприятий, армии и пр.

Система кредитования промышленности является не только финансовой, банковской задачей, но важнейшей частью деятельности по организации и руководству промышленностью. Необходимо поэтому, чтобы финансирование государственной промышленности было, по возможности, сосредоточено в одном кредитном учреждении, которое находилось бы в теснейшей связи с Высшим Советом Народного Хозяйства.

Самым тщательным образом надлежит разрабатывать вопрос о соответствии налогов и акцизов платежной способности промышленности и емкости рынка и о значении тех или других таможенных ставок на ввозные товары с точки зрения ограждения соответственных отраслей внутренней промышленности.

Заграничные закупки и заказы, хотя бы и по ценам ниже внутренних, должны решительно отметаться во всех тех случаях, когда они небезусловно необходимы и когда размещение соответственного заказа внутри страны может послужить серьезным толчком к развитию соответственной отрасли нашей государственной промышленности.

Только последовательно и настойчиво проводимая система социалистического протекционизма может обеспечить в нынешний переходный период действительное развитие промышленности советского государства, находящегося в капиталистическом окружении.

10. ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ

Опыт истекшего года подтвердил, что государственное социалистическое строительство при новой экономической политике вполне совмести-

мо в известных и притом широких пределах с активной ролью частного, в том числе и иностранного, капитала в сфере промышленности. Необходимы дальнейшие систематические мероприятия, направленные на привлечение к промышленности иностранного капитала во всех тех формах, целесообразность которых уже обнаружилась до настоящего времени: концессии, смешанные общества, аренда. Тщательная разработка вопросов: какие именно области промышленности и предприятия – и на каких началах – могут быть предоставлены иностранному капиталу с выгодой для общехозяйственного развития страны, должна составлять одну из весьма существенных задач плановых и вообще руководящих хозяйственных органов республики.

11. ХОЗЯЙСТВЕННИКИ, ИХ ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ, ВОСПИТАНИЕ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ ТЕХНИКОВ И ХОЗЯЙСТВЕННИКОВ

Взаимоотношения профсоюзов и хозорганов, определенные решениями XI съезда партии, правильность которых подтверждена опытом последнего года, должны и дальше развиваться и укрепляться в духе указанных решений.

Система действительного единовластия должна быть проведена в организации промышленности сверху донизу. Подбор работников и их перемещение и смещение являются в руках руководящих хозяйственных органов необходимым условием действительного руководства промышленностью и возможностью нести ответственность за ее судьбы. Рекомендации и аттестации профессиональных органов должны учитываться с полным вниманием, но не могут ни в каком случае снимать ответственности с соответственных хозяйственных органов, которым существующие положения предоставляют полную свободу подбора и назначения.

Слабой стороной государственной промышленности и торговли является их тяжеловесность, неподвижность, недостаточная предприимчивость. Причина этого в далеко еще не достаточном отборе хозяйственных работников, в недостаточном их опыте, в недостаточной заинтересованности их в успехах собственной работы. Необходимы правильные систематические мероприятия во всех этих направлениях. В частности, вознаграждение руководителей предприятия должно быть поставлено в зависимость от баланса, как заработная плата – от выработки.

Работа руководящих хозяйственников (цеховых мастеров, директоров заводов и фабрик, председателей и членов правлений трестов и пр.), поскольку задачей их является понижение расходов производства и извлечение прибыли, наталкивается на чрезвычайные трудности, приводящие нередко к конфликтам, смещениям и перемещениям. Хозяйственник стоит всегда перед двумя опасностями: а) восстановить против себя своей повышенной требовательностью рабочих предприятия и их представительные органы или местные партийные и советские учреждения; б) пойти в вопросах производительности труда, заработной платы и пр. по линии наименьшего сопротивления, поступаясь тем самым прибыльностью предприятия и, следовательно, его будущим. Разумеется, директор советской фаб-

ник должен с величайшим вниманием относиться к материальным и духовным интересам рабочих, к их чувствам и настроениям. Но в то же время он не должен никогда упускать из виду, что высшей его обязанностью по отношению к рабочему классу в целом является повышение производительности труда, понижение себестоимости продукции, увеличение количества материальных благ в распоряжении рабочего государства. Партийные и профессиональные работники обязаны оказывать советскому директору на этом пути всемерное содействие. Внимательность, настойчивость и расчетливость являются необходимыми качествами советского хозяйственника. Его высшей аттестацией является активный баланс предприятия.

Нужно помочь рабочей массе понять, что директор, стремящийся к получению прибыли, в такой же мере служит интересам рабочего класса, как и работник профессионального союза, стремящийся поднять жизненный уровень рабочего и охранить его здоровье.

Подготовка новых хозяйственных работников должна получить систематический и в то же время глубоко специализованный характер. Суммарные методы, когда обучались наспех, впригдядку, должны быть заменены систематическим обучением по определенному плану с прохождением определенного стажа. Работникам, выдвинутым первым периодом и не успевшим приобресть необходимых познаний, нужно дать возможность заполнить наиболее существенные пробелы.

Специализация по родам практической деятельности должна, однако, быть тесно связана с повышением теоретического и политического уровня и партийной спайки, иначе специализация могла бы нанести ущерб партии, как всезнайство наносит удары хозяйству.

Партия и профсоюзы должны обратить серьезнейшее внимание на увеличение кадра хозяйственников рабочих, в особенности коммунистов, в органах управления промышленностью на всех ступенях хозяйственной иерархии.

Обучение технике должно быть для новых поколений не только вопросом специализации, но и делом революционного долга. В условиях рабочего государства весь тот энтузиазм, который расходовался ранее рабочей молодежью на революционно-политическую борьбу, должен направляться на овладение наукой и техникой. Нужно, чтобы студент, относящийся небрежно к занятиям, встречал к себе такое же отношение, как дезертир или штрейкбрехер в борьбе против буржуазии. Организация социалистического хозяйства для пролетарского авангарда – не карьера, а подвиг.

12. ПАРТИЙНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ

XII съезд подтверждает резолюцию XI съезда относительно разграничения партийной и советской, в частности, хозяйственной работы, настаивает на более полном и систематическом проведении этой резолюции в центре и на местах и, в частности, считает необходимым установить, что бесспорное право партии на распоряжение своими работниками ни в каком случае не должно превращаться на практике в частое и несогласованное

смещение и перемещение хозяйственников, а должно быть введено в пределы строгой и безусловной необходимости, причем партийные организации должны всемерно поддерживать такой порядок, при котором компетентные хозяйственные органы имели бы не только формальное право, но и фактическую возможность постепенного воспитания хозяйственных работников и их правильного продвижения вперед по мере накопления ими опыта и развития своих качеств.

13. ТИПОГРАФСКОЕ ДЕЛО

Вопрос о правильной постановке типографского дела имеет не только экономическое, но и огромное культурное значение.

Съезд признает нынешнее состояние типографского дела неудовлетворительным и считает необходимым принятие решительных мер по его улучшению.

Необходимо повысить технику изданий, прежде всего рассчитанных на массовый сбыт. Вопрос об организации типографской промышленности должен быть разрешен в кратчайший срок в том направлении, чтобы крупнейшие и важнейшие государственные издательства имели возможность широкой, правильной технически удовлетворительной постановки работы.

п. п. Л. Троцкий

6 марта 1923 г.

Это окончательный текст тезисов о промышленности.

Витт

22 марта 1923 г.

МОСКВА, Воздвиженка, 5. Коммутатор ЦК
1–05–27, 1–05–28, 1–05–29, 1–05–30
При ответах ссылаться на наш №, число и отдел

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! *Строго секретно*

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ)
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Отдел: Бюро Секретариата

№ 24379/с 8 марта 1923 г.

тт. ТРОЦКОМУ, СОКОЛЬНИКОВУ, АНДРЕЕВУ, ПЯТАКОВУ СМИЛГЕ, БОГДАНОВУ

Выписка из протокола № 53 заседания Политбюро ЦК РКП от 8/III–23 г.

СЛУШАЛИ:

13. О тезисах по госпромышленности (тт. Троцкий, Сокольников, Андреев, Пятаков, Смилга, Богданов).

ПОСТАНОВИЛИ:

13. а) Поручить Секретариату ЦК разослать все поправки к тезисам по госпромышленности всем членам Политбюро и членам комиссии.

б) Предложить комиссии собраться еще раз в течение этой недели и представить доклад на следующем заседании Политбюро.

Секретарь Цека: *И. Сталин*

Копия

ПОПРАВКИ ТОВ. БОГДАНОВА К ТЕЗИСАМ ПО ПРОМЫШЛЕННОСТИ

К разделу II

В характеристике тяжелого положения легкой индустрии необходимо отметить, что отсутствие достаточных оборотных средств и тяжелые условия кредита в значительной степени отягчили положение этих отраслей индустрии.

Далее следует отметить отсутствие налаженного распределительного аппарата на рынке, в частности, слабую работу кооперации, что затруднило положение легкой индустрии и способствовало повышению цен.

Во втором абзаце этого раздела следовало бы отметить общую неналаженность рынка как пассив первого периода нэпа, в котором вопрос регулирования цен является одним из частных вопросов, ибо не менее важным является организация аппарата рынка, а также кредитование.

В заключительной части раздела следует указать, что задачами второго периода нэпа являются: 1) организация в интересах развития промышленности рынка и, в частности, установка оперативного (не в порядке административного вмешательства) регулирования цен; 2) расширение кредита для торговых операций госпромышленности.

В отношении проблемы сырья основной задачей является не "установление более нормальных соотношений между отраслями легкой промышленности и отраслями хозяйства, которые поставляют сырье", а вопрос о восстановлении отраслей хозяйства, поставляющих сырье, ввиду почти полного разрушения некоторых из этих отраслей; выдвинутое же положение является частным в общем сырьевом вопросе.

К разделу IV

После абзаца, характеризующего условия образования трестов, следовало бы добавить, что пересмотр трестов должен производиться с максимальной осторожностью, сохраняя те объединения, которые доказали свою способность коммерчески выгодно вести дело.

Абзац, мотивирующий переход к концентрации, следовало бы переделать в том духе, что не жалобы на недостаток оборотных средств, а анализ результатов коммерческой работы трестов и, в частности, установление причин высокой себестоимости продукции приводит к выводу, что государство не в состоянии при имеющихся у него в наличии оборотных средствах вести все то количество предприятий, которое сейчас объединено в тресты.

К разделу V

После фразы "разработка низших звеньев торговых аппаратов" следовало бы отметить в нескольких словах необходимость усиления работы кооперации, а также использования организации губернских торгов, показавших полную жизнеспособность и в большинстве губерний умело проникающих в деревню.

Что касается синдицирования, то фраза о превращении синдикатов в торговый главк непонятна. Процесс синдицирования шел таким путем, что синдикаты вначале мыслились исключительно торговыми организациями трестов; по мере работы синдикаты легкой индустрии все более становятся органами, регулирующими общую финансовую и торговую политику входящих в них трестов, влияя косвенно и на постановку производства, поскольку ими учитываются требования рынка на товар определенного качества и определенной цены. Я считаю такую роль синдикатов явлением совершенно здоровым, которое будет способствовать оздоровлению рынка и возможности осуществлять оперативное регулирование цен. Следовало бы отметить вот эту положительную роль синдикатов как органов, организующих рынок.

Вторая роль синдикатов, выявившаяся из практики, – это сосредоточение в своих руках заготовительных операций трестов по основным видам сырья. Момент также положительный, так как обладая разветвленным аппаратом торговых контор, складов, организация эта легко приспосабливается для заготовительных сырьевых операций.

Конец раздела предлагаю формулировать следующим образом: "Интересы народного хозяйства требуют правильной организации рынка и, в частности, регулирования цен. Разрешение этой задачи возможно только путем оперативного воздействия на рынок со стороны органов промышленности, являющихся держателями всей основной массы индустриальных товаров и заинтересованных в хорошо поставленных низших распределительных аппаратах рынка (работа кооперации, губторгов, бирж и т. д.). Организационно задача может быть разрешена только путем объединения в едином государственном органе – комиссариате всех занятых сейчас разрешением вопросов промышленности и торговли государственных органов, т. е. ВСНХ, Наркомвнешторга и Комвнуторга".

К разделу IX

В абзаце о налогах и акцизах подчеркнуть необходимость соответствия их также и с емкостью рынка, ибо в отношении акцизов может быть

доказано, что высокие ставки и неоднократное повышение их ведет за собой понижение сбыта (например, сахар).

13 марта 1923 г.

В е р н о: *М. Буракова*

МОСКВА, Воздвиженка, 5. Коммутатор ЦК
1–05–27, 1–05–28, 1–05–29, 1–05–30
При ответах ссылаться на наш №, число и отдел

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Строго секретно

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ)
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Отдел: Бюро Секретариата

№ 24943/с

22 марта 1923 г.

Тов. ТРОЦКОМУ

Выписка из протокола № 56 заседания П/Бюро ЦК РКП от 22/III–23 г.

С Л У Ш А Л И:	П О С Т А Н О В И Л И:
26. Предложение тов. Троцкого в связи с вопросом о кредитовании под основной капитал. (Тов. Троцкий).	26. Отложить до следующего заседания.

Секретарь ЦК: *И. Сталин*

В СЕКРЕТАРИАТ ЦК
Копия тов. ГЛЯССЕР

В протоколе № 57 на второй странице по вопросу о Грузии записано только мое предложение об отзыве тов. Орджоникидзе. Я сделал три предложения, и поскольку упомянуто первое, нужно прибавить и два других, также отклоненных: 1) констатировать, что Закавказская Федерация в нынешнем своем виде представляет собою искажение советской идеи федерации в смысле чрезмерного централизма; 2) признать, что товарищи, представляющие меньшинство в грузинской компартии, не представляют собою "уклона" от партийной линии в национальном вопросе; их политика в этом вопросе имела оборонительный характер – против неправильной политики тов. Орджоникидзе

28 марта 1923 г.

Л. Троцкий

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО.

Российская Коммунистическая Партия (большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

Отдел Бюро Секретариата

МОСКВА, Воздвиженка, 5. Коммутатор ЦК. 1-05-27, 1-05-28, 1-05-29, 1-05-30.

При ответах ссылаться на наш №, число и Отдел

№ 24943/с

" 22 " марта 1923 г.

Тов.ТРОЦКОМУ.

Выписка из протокола № 56 заседания П/Бюро ЦК РКП от 22/III-23 г.

Слушали:	Постановили:
26. Предложение т. Троцкого в связи с вопросом о кредитовании под основной капитал. /Т.Троцкий/.	26. Отложить до следующего заседания.

Секретарь ЦК И. Сталин

Правила о порядке хранения см. на обороте.

Фотокопия документа от 22 марта 1923 г.

С. секретно

ВСЕМ ЧЛЕНАМ ЦК РКП

Мною получена сегодня прилагаемая при сем копия письма личного секретаря тов. Ленина, тов. Л. Фотиевой, к тов. Каменеву по поводу статьи тов. Ленина по национальному вопросу.

Статья тов. Ленина была мною получена 5-го марта одновременно с тремя записками тов. Ленина, копии которых при сем также прилагаются.

Я тогда снял для себя копию статьи как имеющей исключительное принципиальное значение и положил ее в основу как своих поправок к тезисам тов. Сталина (принятых тов. Сталиным), так и своей статьи в "Правде" по национальному вопросу.

Статья, как сказано, имеет первостепенное принципиальное значение. С другой стороны, она заключает в себе резкое осуждение по адресу трех членов ЦК. Пока оставалась хоть тень надежды на то, что Владимир Ильич успел сделать относительно этой статьи какие-либо распоряжения насчет партийного съезда, для которого она, как вытекает из всех условий и, в частности, из записки тов. Фотиевой, предназначалась, – до тех пор я не ставил вопроса о статье.

При создавшейся ныне обстановке, как она окончательно определяется запиской тов. Фотиевой, я не вижу другого исхода, как сообщить членам Центрального Комитета статью, которая, с моей точки зрения, имеет для партийной политики в национальном вопросе не меньшее значение, чем предшествующая статья по вопросу об отношении пролетариата и крестьянства.

Если никто из членов ЦК – по соображениям внутрипартийного характера, значение которых понятно само собой – не поднимет вопроса о доведении статьи в том или другом виде до сведения партии или партсъезда, то я с своей стороны буду рассматривать это как молчаливое решение, которое снимает с меня личную ответственность за настоящую статью в отношении партсъезда

Л. Троцкий

16 апреля 1923 г.

Приложение: письмо тов. Фотиевой, три записки и статья тов. Ленина.

Копия
Секретно

ТОВ. КАМЕНЕВУ, КОПИЯ ТОВ. ТРОЦКОМУ

Лев Борисович,

В дополнение к нашему телефонному разговору сообщаю вам как председательствующему в Политбюро следующее:

Как я уже сообщила вам, 31/XII–22 г. Владимиром Ильичем была продиктована статья по национальному вопросу.

Вопрос этот чрезвычайно волновал его, и он готовился выступать по нему на партсъезде.

Незадолго до своего последнего заболевания он сообщил мне, что статью эту опубликует, но позже. После этого он захворал, не сделавши окончательного распоряжения.

Статью эту В. И. считал руководящей и придавал ей большое значение. По распоряжению Владимира Ильича она была сообщена тов. Троцкому, которому В. И. поручил защищать его точку зрения по данному вопросу на партсъезде ввиду их солидарности в данном вопросе.

Единственный экземпляр статьи, имеющейся у меня, хранится по распоряжению В. И. в его секретном архиве.

О вышеизложенном довожу до вашего сведения.

Ранее сделать этого не могла, т. к. только сегодня приступила к работе после болезни.

Личный секретарь тов. Ленина
Л. Фотиева

16 апреля 1923 г.

Секретно

ПО ПОВОДУ ЗАЯВЛЕНИЯ ТОВ. СТАЛИНА ОТ 16.IV ЧЛЕНАМ ЦК РКП

1. Статья тов. Ленина была прислана мне в секретном и личном порядке тов. Лениным через тов. Фотиеву, причем несмотря на выраженное мною в тот же час намерение ознакомить членов Политбюро со статьей, тов. Ленин категорически высказался против этого через тов. Фотиеву.

2. Так как через два дня после получения мною статьи положение тов. Ленина ухудшилось, то дальнейшие сношения с ним по этому вопросу естественно прекратились.

3. Через некоторое время статья была у меня потребована тов. Гляссер и мною возвращена.

4. Я снял для себя копию для личного своего употребления (для формулировки поправок к тезисам тов. Сталина, для написания своей статьи и пр.).

5. Какие распоряжения отданы тов. Лениным относительно его статьи и других документов по грузинскому делу ("готовлю речи и статьи"), об этом я ничего не знал. Полагал, что соответственные указания имеются у Надежды Константиновны, Марии Ильиничны или у секретарей тов. Ленина. Запрашивать кого бы то ни было об этом я не считал уместным по причинам, которые не требуют пояснения.

6. Только из вчерашнего обращения ко мне тов. Фотиевой по телефону и из ее записки тов. Каменеву я узнал, что никаких распоряжений относительно статьи тов. Ленин не сделал. Раз формальной воли по этому вопросу тов. Ленина нет, вопрос оставалось решить по принципу полити-

ческой целесообразности. Брать на себя единолично ответственность за такое решение я, разумеется, не мог и потому передал вопрос на разрешение ЦК. Я сделал это без единой минуты запоздания после того, как только узнал, что тов. Лениным никому не дано никаких прямых и формальных указаний по поводу дальнейшей судьбы его статьи, оригинал которой хранится у его секретарей.

7. Если кто-либо считает, что я действовал неправильно в этом вопросе, то я с своей стороны предлагаю расследовать это дело либо в конфликтной комиссии съезда, либо в особой комиссии. Других путей для этого я не вижу.

Л. Троцкий

17 апреля 1923 г.

Личное
Написано без копий

ТОВАРИЩ СТАЛИН.

Вчера после личной беседы Вы заявили, что считаете для себя совершенно ясным, что в вопросе о статье тов. Ленина мною не совершено было никаких неправильных шагов и что в этом смысле Вы сделаете письменное заявление.

До сегодняшнего утра (11 часов) я такого заявления не получал. Возможно, что Вам помешал Ваш вчерашний доклад.

Во всяком случае Ваше первое заявление остается до настоящего момента неопровергнутым Вами и позволяет некоторым товарищам распространять соответственную версию среди части делегатов.

Так как в этом вопросе – по причинам, которые Вы, разумеется, легко поймете – я не могу допустить и тени неясности, то я считаю необходимым ускорить ликвидацию этого дела. Если я не получу от Вас в ответ на эту записку сообщения о том, что Вы в течение сегодняшнего дня разошлете всем членам Центрального Комитета заявление, которое исключало бы возможность какой бы то ни было двусмысленности в этом вопросе, – то я буду считать, что Вы переменили свое вчерашнее намерение, и обращусь в конфликтную комиссию с просьбой о рассмотрении вопроса в полном его объеме.

Вы лучше, чем кто бы то ни было, можете оценить, что если я не сделал этого до сих пор, то отнюдь не потому, что это могло бы причинить ущерба моим интересам.

Л. Троцкий

18 апреля 1923 г.

Копия. *Строго секретно*

СВОДКА ЗАМЕЧАНИЙ ЧЛЕНОВ ПОЛИТБЮРО И ПРЕЗИДИУМА ЦК К ПРЕДЛОЖЕНИЮ ТОВ. З И Н О В Ь Е В А о публиковании "Завещания Ленина"

1. Я думаю, что эту статью нужно опубликовать, если нет каких-либо формальных причин, препятствующих этому.

Есть ли какая-либо разница в передаче (в условиях передачи) этой статьи и других (о кооперации, о Суханове).

Троцкий

2. Печатать нельзя: это несказанная речь на П/Бюро. Не больше. Личная характеристика – основа и содержание статьи.

Каменев

3. Н. К. тоже держалась того мнения, что следует передать только в ЦК. О публикации я не спрашивал, ибо думал (н думаю), что это исключено. Можно этот вопрос задать. В условиях передачи разницы не было. Только эта запись (о Госплане) передана мне позже – несколько дней тому назад.

Зиновьев

4. Полагаю, что нет необходимости печатать, тем более, что санкции на печатание от Ильича не имеется.

Сталин

5. А предложение тов Зиновьева – только ознакомить членов ЦК. Не публиковать, ибо из широкой публики никто тут ничего не поймет.

Томский

6. Эта заметка В. И. имела в виду не широкую публику, а ЦЕКА и потому так много места уделено характеристике лиц. Ничего подобного нет в статье о кооперации. Печатать не следует.

А. Сольц

7. Тт. Бухарин, Рудзутак, Молотов и Куйбышев – за предложение тов. Зиновьева.

Словатинская

[начало июня]

Копия
Сов. секретно

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ТОВ. ЗИНОВЬЕВА

В ПОЛИТБЮРО ЦК РКП ТОВ. СТАЛИНУ

Н. К. Ульянова-Крупская передала мне записи В. И. по вопросу о Госплане. Ввиду большой важности этих записей, я предлагаю познакомить с ними всех членов и кандидатов ЦК РКП, а также членов Президиума ЦКК. Прилагаю экземпляр названной записки.

Г. Зиновьев

2 июня 1923 г.

Копия
Сов. секретно
(Не подлежит опубликованию)

Продолжение записок
27-го декабря 1922 г.

IV.
О ПРИДАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ГОСПЛАНУ

Эта мысль выдвигалась тов. Троцким, кажется, уже давно. Я выступил противником ее, потому что находил, что в таком случае будет основная невязка в системе наших законодательных учреждений. Но по внимательном рассмотрении дела, я нахожу, что в сущности, тут есть здоровая мысль, именно: Госплан стоит несколько в стороне от наших законодательных учреждений, несмотря на то, что он как совокупность сведущих людей, экспертов, представителей науки и техники обладает, в сущности, наибольшими данными для правильного суждения о делах.

Однако мы исходили до сих пор из той точки зрения, что Госплан должен доставлять государству материал, критически разработанный, а государственные учреждения должны решать государственные дела. Я думаю, что при теперешнем положении, когда государственные дела необыкновенно усложнились, когда приходится сплошь и рядом решать вперемешку вопросы, в которых таковая не требуется, и даже более того, решать дела, в которых некоторые пункты требуют экспертизы Госплана вперемешку с такими пунктами, которые таковой не требуют, я думаю, что в настоящее время следует сделать шаг в сторону увеличения компетенции Госплана.

Я мыслю себе этот шаг таким обазом, чтобы решения Госплана не могли быть опрокинуты обычным советским порядком, а требовали бы для своего перерешения особого порядка, например, внесения вопроса в сессию ВЦИКа, подготовки вопроса для перерешения по особой инструкции, с составлением на основании особых правил докладных записок для взвешивания того, подлежит ли это решение Госплана отмене, наконец, назначения особых сроков для перерешения вопроса Госплана и т. п.

В этом отношении, я думаю, можно и должно пойти навстречу тов. Троцкому, но не в отношении председательства в Госплане либо особого лица из наших политических вождей, либо председателя Высшего Совета Народного Хозяйства и т. п. Мне кажется, что здесь с вопросом принципиальным слишком тесно переплетается в настоящее время вопрос личный. Я думаю, что те нападки, которые слышатся сейчас на председателя Госплана тов. Кржижановского и на его заместителя тов. Пятакова и которые направляются обоюдно так, что, с одной стороны, мы слышим обвинения в чрезвычайной мягкости, несамостоятельности, в бесхарактерности, а с другой стороны, слышим обвинения в чрезмерной аляповатости, фельдфебельстве, недостаточно солидной научной подготовке и т. п. Я думаю, что эти нападки выражают две стороны вопроса, преувеличивая их до крайности, и что на самом деле нам нужно в Госплане умелое соедине-

ние двух типов характера, из которых образцом одного может быть Пятаков, а другого – Кржижановский.

Я думаю, что во главе Госплана должен стоять человек, с одной стороны, научно образованный, именно по технической либо агрономической линии, с большим многими десятилетиями измеряемым опытом практической работы в области либо техники, либо агрономии. Я думаю, что такой человек должен обладать не столько администраторскими качествами, сколько широким опытом и способностью привлекать к себе людей.

Ленин

27-го декабря 1923 г.

Копия
Сов. секретно

Продолжение письма о законодательном
характере решений Госплана.
28/XII–22 г.

V.

Я замечал у некоторых из наших товарищей, способных влиять на направление государственных дел решающим образом, преувеличение администраторской стороны, которая, конечно, необходима в своем месте и своем времени, но которую не надо смешивать со стороной научной, с охватыванием широкой действительности, способностью привлекать людей и т. д.

Во всяком государственном учреждении, особенно Госплане, необходимо соединение этих двух качеств, и когда тов. Кржижановский сказал мне, что он привлек к Госплану Пятакова и договорился с ним о работе, я, давая свое согласие на это, с одной стороны, держал про себя известные сомнения, с другой – иногда надеялся, что мы здесь получим сочетание обоих типов государственных деятелей. Исполнилась ли эта надежда, это надо теперь выждать и посмотреть на опыте несколько дальше, но в принципе, я думаю, не может подлежать сомнению, что такое соединение характеров и типов (людей, качеств) безусловно необходимо для правильного функционирования государственных учреждений. Я думаю, что здесь одинаково вредно преувеличение "администраторства", как и всякое преувеличение вообще. Руководитель государственного учреждения должен обладать в высшей степени способностью привлекать к себе людей и в достаточной степени солидным научными и техническими знаниями для проверки их работы. Это – как основное. Без него работа не может быть правильной. С другой стороны, очень важно, чтобы он умел администрировать и имел достойного помощника или помощников в этом деле. Соединение этих двух качеств в одном лице вряд ли будет встречаться и вряд ли будет необходимо.

Ленин

Копия
Сов. секретно

Продолжение записок
29-го декабря 1922 г.

VI.

Госплан, по-видимому, развивается у нас всесторонне в комиссию экспертов. Во главе такого учреждения не может не стоять лицо с большим опытом и всесторонним научным образованием по части техники. Администрирующая сила тут по сути дела должна быть подсобной. Известная независимость и самостоятельность Госплана обязательна с точки зрения авторитета этого научного учреждения и обусловлена одним, именно, добросовестностью ее работников и добросовестным стремлением их провести в жизнь наш план экономического и социального строительства.

Это последнее качество, конечно, сейчас может встречаться лишь как исключение, ибо подавляющее большинство ученых, из которых естественно составляется Госплан, по неизбежности заражено буржуазными взглядами и буржуазными предрассудками. Проверка их с этой стороны должна составлять задачу нескольких лиц, которые могут образовывать президиум Госплана, которые должны состоять из коммунистов и следить изо дня в день во всем ходе работы за степенью преданности буржуазных ученых и за их отказом от буржуазных предрассудков, а также за их постепенным переходом на точку зрения социализма. Эта обоюдная работа такой научной проверки вместе с работой по чистому администрированию должна бы составить идеал руководителей Госплана в нашей республике.

Ленин

Копия
Сов. секретно

29/XII–22 г.

Рационально ли разделять на отдельные поручения ту работу, которую ведет Госплан, и напротив, следует ли стремиться к тому, чтобы выработать круг постоянных специалистов, которые проверялись бы систематически президиумом Госплана и могли разрешать всю совокупность вопросов, входящих в его ведение. Я думаю, что рациональнее последнее и что следует стремиться к уменьшению числа временных и срочных отдельных заданий.

Ленин

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО

тов. тов. Ленину, Троцкому, Каменеву, Зиновьеву,
Сталину, Томскому, Рыкову, Молотову

К сведению

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О РАБОТЕ ЗАМОВ
(заместителей председателя СНК и СТО)

Копия. С. секретно

I. ОБЩИЕ И ОСНОВНЫЕ ЗАДАНИЯ ЗАМОВ

1. Основная работа замов, за которую они специально отвечают и которой должно быть подчинено все остальное, состоит в проверке фактического исполнения декретов, законов и постановлений; в сокращении штатов совучреждений, в надзоре за упорядочением и упрощением делопроизводства в них; в борьбе с бюрократизмом и волокитой в них.

Все дальнейшее является детализацией этого основного задания или частным дополнением к нему.

На замов возлагается:

2. Наблюдение за тем, чтобы рассмотрение советских вопросов в других учреждениях, как советских, так и партийных (президиум ВЦИК, Полит- и Оргбюро ЦК РКП – и т. п. без всякого изъятия) происходило не иначе, как с ведома и участия замов.

3. Разгрузка СНК и СТО в максимальной степени от мелочных вопросов, разрешение которых должно происходить частью (и преимущественно) в порядке ведомственного управления, частью (именно в нетерпящих отлагательства и исключительно важных случаях) непосредственными распоряжениями замов.

4. Тщательный надзор за тем, чтобы распорядительные заседания СТО и в особенности Малый Совнарком не расширяли своей работы свыше безусловной необходимости, не усложняли своего дела и лежащих на них задач, не допускали бюрократического вздухания и гипертрофии их функций, а требовали большей самостоятельности в работе и больше ответственности каждого наркома и каждого отдельного учреждения.

5. Принуждение наркомов и отдельно поставленных учреждений к самостоятельному и ответственному управлению в пределах предоставленных им прав и лежащих на них обязанностей.

6. Наблюдение на тем, чтобы ответственность в первую голову членов коллегий и важнейших сотрудников, а затем и всех сотрудников была совершенно точно и индивидуально установлена; беспощадная борьба против господствующей расплывчатости и неясности в вопросе о том, что каждому отдельно поручено, и против вытекающей отсюда полнейшей безответственности.

7. Личное ознакомление с известным числом не только высших, а непременно средних и низших сотрудников, путем вызова их к себе и по возможности поездок в отдельные московские учреждения и в провинцию, в целях проверки и подбора людей, а равно в целях действительного улучшения соваппарата.

8. Перевод на боевое положение тех наркоматов, их отделов и учреждений, которые в течение известного времени приобретают исключительно ударное значение, максимальная помощь им работниками, средствами, личными указаниями и т. п.

II. СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, КАСАЮЩИЕСЯ РАБОТЫ ЗАМОВ

9. Приблизительно, 9/10 труда замы должны уделять хозяйственным наркоматам, 1/10 – остальным.

10. На первое место в ближайшее время выдвинулись вопросы финансовые, им должно быть уделено наибольшее внимание замов.

11. Особо насущным является введение премиальной системы, вознаграждение совслужащих в зависимости от размеров оборота и размеров прибыли, в НКВТ, в кооперации и в других учреждениях ведущих торговлю.

Необходимо систематически поставить изучение и подготовление мер, распространяющих премиальную систему, на всю оплату всех совслужащих вообще.

12. Следует прекратить все работы по подготовке особого наркомата внутренней торговли или присоединения этого дела к НКВТ или ВСНХ. Провести создание при СТО особой "Комиссии Внутренней Торговли" с минимальным секретариатом при ней и с единственными местными органами ее: губернскими экономсовещаниями.

13. Весьма важно наблюдение за работой гострестов в целях отделения сносно поставленных от большинства, поставленных отвратительно, и неуклонного закрытия этих последних; проверка роли (фактической) коммунистов в правлениях гострестов; установление действительно отвечающих за ведение дела и за успешное ведение дела лиц.

14. Необходимо, чтобы каждый зам взял на свою ответственность постановку одного-двух образованных отделов или учреждений того или другого наркомата для выработки нормы штатов, для проверки этой нормы, для установления наилучших приемов делопроизводства и надзора за ними.

Приемы работы, способы повышения ее производительности, методы контроля, вырабатываемые в этих немногих, но действительно образцовых учреждениях, должны быть затем постепенно вводимы во всех совучреждениях.

Ввиду исключительной важности этого вопроса, ввиду упорнейшего сопротивления совбюрократии, отстаивающей бюрократическую старину, неизбежна упорная борьба за создание немногих образцовых учреждений как средство подтягивать и проверять остальные. По соглашению с соответствующими учреждениями (ЦК Союза совслужащих, ВЦСПС, институт

труда и т. д. и т. д.) и под надзором замов должна быть переведена и издана вся лучшая новейшая литература, особенно американская и немецкая, об организации труда и управления.

15. Необходимо наблюдение – хотя бы для начала в очень немногих учреждениях за переразмещением коммунистов внутри совучреждений, стремясь к тому, чтобы коммунисты занимали исключительно такие должности (как в самом верху, так и в самом низу иерархической лестницы), которые позволяют им действительно проверять ход работы, действительно бороться с бюрократизмом и волокитой, действительно добиваться немедленного улучшения положения и облегчения судьбы тех несчастных граждан, которые вынуждены иметь дела с нашим никуда негодным советским аппаратом.

На коммунистов, занимающих должности внизу иерархической лестницы, обратить особое внимание, ибо они часто важнее на деле, чем стоящие наверху.

16. Отчеты губэкосо должны правильно читаться, во-первых, членами Госплана и работниками Центрального Статистического Управления и "Экономической жизни", так, чтобы каждый читающий давал самые краткие отзывы для печати или для своих учреждений и отвечал за необходимые своевременные указания и выводы; во-вторых, группой в несколько десятков (не менее) коммунистов, по возможности из числа несостоящих в числе служащих и способных читать отчеты с не ведомственной, а только с коммунистической точки зрения.

Группа во главе с тов. Милютиным в Петрограде должна заведывать распределением отчетов губэкосо для чтения и использования этих отчетов в газетах, журналах, сводных брошюрах и т. п.

Необходимо бороться неуклонно за постепенное расширение круга обязательно печатаемых отчетов всяких экономических учреждений (и у – экосо, и гострестов, и "смешанных обществ" и т. д. и т. п.), ибо без приучения все большего количества населения пользоваться в библиотеках подобными отчетами ни о каком действительном превращении полуазиатской страны в культурную и социалистическую не может быть и речи.

17. Газета "Экономическая жизнь" должна быть превращена в действительный орган СТО, в орган хозяйственного управления. Оба зама должны регулярно читать ее и бороться беспощадно с господствующим стремлением всех литераторов и всех сотрудников свести эту газету на уровень обычного "полунезависимого", интеллигентски-буржуазного органа "мнений", взглядов и перебранки, без сводки отчетов, без контроля за правильностью их поступления, без серьезного анализа хозработы по отдельным учреждениям, без серьезной критики годных и негодных учреждений, лиц, приемов работы и т. д.

За превращение "Экономической жизни" в действительный орган хозуправления, в действительный орган социалистического строительства придется бороться годами, но тем более необходима борьба неуклонная и систематическая.

18. То же относится к Центральному Статистическому Управлению. Оно должно быть не "академическим" и не "независимым" органом, которым оно, по старой буржуазной привычке является на 9/10 сейчас, а органом социалистического строительства, проверки, контроля, учета того, что надо социалистическому государству знать теперь, сейчас, в первую голову. Сопротивление старых привычек и здесь неизбежно будет очень упорное; тем упорнее должна быть борьба (прошу замов просмотреть мою переписку на указанную тему с редактором "Экономической жизни" и Центральным Статистическим Управлением летом 1921 года).

III. СПОСОБ РАБОТЫ ЗАМОВ, ИХ АППАРАТ

19. Замы в максимальной степени освобождают себя от мелочей и от лишних свиданий с наркомами, членами коллегий, которые обычно отнимают массу времени и тем лишают возможности заняться проверкой фактической работы.

20. Замы в максимальной степени освобождают себя от участия в комиссиях разного рода.

21. Замы стремятся всемерно к закрытию существующих комиссий (которые на 9/10 излишни и имеют свойство возрождаться после закрытия очень быстро под чуточку иным соусом) и препятствуют образованию новых.

22. В неизбежных случаях комиссионный работы замы всемерно избегают личного в них участия, ограничиваясь, по возможности, окончательным утверждением их решений или же ускорением работы и направлением их решений в установленном порядке на утверждение.

23. Аппаратом замов является, во-первых, личный состав Управделов СНК и СТО, из помощников и секретарей. Дальше безусловно необходимого минимума – и при том только такого, который вполне доступен (не слишком велик) личному надзору замов – этот аппарат ни в коем случае не должен быть расширен. Во-вторых, на отдельных членов М. СНК замы возлагают отдельные поручения. В-третьих, главным аппаратом замов должен быть наркомат рабочей и крестьянской инспекции.

Замы лично подбирают себе помощников и исполнителей из этого наркомата, приучая их к работе и проверяя их работу, в особенности добиваясь расширения участия беспартийных рабочих и крестьян в этой работе (дело исключительно трудное, но в то же время такое, без постоянного развития которого советская власть неминуемо осуждена на гибель).

24. Замы должны стараться применять чаще, чем прежде, наложение административного взыскания своей личной властью (ускорить законопроект на эту тему, подготовляемый тов. Цюрупой) за бюрократизм, волокиту, неисполнительность, неаккуратность и т. д. В случаях вины более значительной необходимо отстранение от должности, предание суду, постановке через наркомат юстиции демонстративных, ярких процессов.

IV. О ЕДИНСТВЕ РАБОТЫ ОБОИХ ЗАМОВ

25. Для установления полного единства работы обоих замов, они сообщают друг другу в копиях важнейшие распоряжения и систематически вводят в обычай стенографическую запись тех распоряжений, указаний и так далее, которые они дают устно, при личных свиданиях (конечно, в самом кратком виде и только важнейшие) Число стенографисток при Управлении Делами СНК должно быть для этого увеличено настолько, чтобы в течение всего рабочего времени замов дежурили по две стенографистки. Если понадобится, выписать парочку лучших диктофонов из-за границы.

26. То же относится к важнейшим докладам, как письменным, так и устным.

27. В необходимых и важнейших случаях замы совещаются в целях единства понимания задач и действия для всемерного устранения скрещиваний и противоречий в работе.

При разногласии между замами вопрос решает председатель СНК, а при его отсутствии – Политбюро ЦК или особо назначенный ими товарищ.

V. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАБОТЫ МЕЖДУ ЗАМАМИ

28. На ближайшие месяцы, впредь до особого постановления, устанавливается следующее распределение работы между замами.

29. Тов. Цюрупа председательствует в Б. СНК (после двух часов заседания, председательствование передается тов. Рыкову). Присутствие непредседательствующего зама в Б. СНК и СТО (пленарном) обязательно.

Тов. Цюрупа подписывает для печати постановления Б. СНК и телеграфные распоряжения от его имени, а равно наблюдает за комиссиями Б. СНК и за работами М. СНК. Он же ближайше наблюдает за Управделами и Секретариатом Б. СНК, отвечая в то же время за полнейшее единство этого аппарата с аппаратом СТО, за отсутствие всякого раздвоения и всякой несогласованности.

30. Тов. Рыков председательствует в пленарных заседаниях СТО, подписывает для печати его постановления и его телеграфные распоряжения, наблюдая ближайше за Управделами и Секретариатом СТО (при вышеуказанном условии полной нераздельности этого аппарата Б. СНК).

31. В отношении проверки исполнения, наблюдения за сокращением штата и за улучшением аппарата, а равно в отношении отдельных мелких текущих вопросов, не требующих решения Б. СНК и СТО, наркоматы разделяются между обоими замами следующим образом:

ведению тов. **ЦЮРУПЫ** подлежат:

Наркомзем, НКПС, ВСНХ, Наркомпочтель, Наркомюст, НКВД, Наркомнац, Наркомпрос.

ведению тов. РЫКОВА подлежат:

НКФ, НКВТ, Комитет по внутренней торговле, Центросоюз, Наркомтруд (и ВЦСПС в части), Наркомсобез, Наркомвоен, Наркоминдел, Наркомздрав, ЦСТУПР, Обл. Экосо, Концессионный Комитет, Госплан.

Пред. СНК: *В. Ульянов (Ленин)*

11 апреля 1922 г.

Копия
Секретно

ПО ПОВОДУ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О РАБОТЕ ЗАМОВ

1. Поставленные задачи столь универсальны, что это равносильно тому, как если бы не было поставлено никаких задач. Замы должны стремиться, чтобы во всех областях и во всех отношениях все было хорошо – вот к чему сводится проект постановления. Пункты дают как бы некоторую видимость указаний насчет того, как достигнуть того, чтобы все и везде было хорошо, вплоть до хорошего редактирования "Экономической жизни".

2. В качестве аппарата для осуществления этих универсальных задач указывается Рабкрин. Между тем, по существу своему Рабкрин для этого непригоден и не может стать пригодным. Закрывать глаза на то, что в Рабкрине работают главным образом работники, потерпевшие аварию в разных областях, нельзя. Отсюда, между прочим, вытекает чрезвычайное развитие интриганства в органах Рабкрина, что давно уже вошло в поговорку во всей стране. Думать, что можно этот аппарат (не маленькую его верхушку, а всю организацию) оздоровить и укрепить, нет никаких оснований, ибо хороших работников и впредь будут отдавать для работы по существу, а не для инспектирования. Отсюда ясна фантастичность плана поднять государственный советский аппарат, пользуясь Рабкрином, как рычагом.

3. Совершенно не верю также в возможность через посредство Рабкрина воспитать администраторов и хозяйственников из среды беспартийных рабочих и крестьян. Для этого нужна система школ и курсов, в частности, курсов, связанных с определенными отраслями хозяйственной и государственной деятельности. Нужно браться, как следует быть, за молодежь и учить ее, как следует быть, а не "вприглядку", через Рабкрин.

4. Очень опасаюсь, что взаимоотношения замов могут стать источником затруднений. Тут диктофон, не поможет. Нужна большая правильность взаимоотношений, раз имеется два зама.

3—985

5. А главное, – не вижу, по-прежнему, того органа, который фактически, изо дня в день руководит хозяйственной работой. Если плохо, что Центральное Статистическое Управление академично, то во сто раз хуже и прямо-таки гибелен тот факт, что академичен Госплан. Уже в начале прошлого года было ясно, что никакого хозяйственного объединяющего и фактического руководящего органа нет. Нынешняя организация Госплана внешним образом приблизила Госплан к тому, что я предлагал в прошлом году, но только внешним образом. По существу остается раздробление ответственности, и совершенно неизвестно, кто же фактически руководит нарядами топлива, транспорта, сырья, денег. В порядке междуведомственных конфликтов эти вопросы восходят в СТО или в Политбюро и решаются на глаз, и при том, в момент, когда вода подходит к горлу. Должно быть учреждение, на стене которого висит хозяйственный календарь на год вперед, учреждение, которое предвидит и в порядке предвидения согласует. Таким учреждением должен быть Госплан. Думаю, что председательствование в Госплане было бы для одного из замов гораздо более реальной задачей, чем все то, о чем говорится в постановлении.

Троцкий

18 апреля 1922 г.

Копия. Секретно

В ПОЛИТБЮРО

В дополнение к моей вчерашней заметке о работе замов.

1) Создание хорошего аппарата достижимо только путем постоянных, непрерывных, повседневных усилий, нажимов, указаний, исправлений и прочее и прочее. Эта работа ни в каком случае не может делаться со стороны через посредство особого ведомства, которое время от времени заглядывает и все, что нужно, отмечает. Это утопия. Такого ведомства никогда и нигде не было на свете и не может быть, по логике вещей. При новой экономической политике нам хорошо бы иметь государственный контроль, перед которым стоит ограниченная, но определенная задача, требующая знания советских законов и бухгалтерии. Чем больше РКИ сосредоточится и специализируется на этой задаче, тем больше содействия окажет она упорядочению всего советского аппарата, а, главное, упорядочению нашего бюджета и, следовательно, и финансов.

2) "Проверка исполнения", о которой говорит проект постановления как о главной практической задаче, не является на самом деле главной задачей, по крайней мере в том смысле, в каком мы говорили в 1918, 19 и 20 годах. Тогда распоряжения просто не выполнялись (по неряшливости, неумелости, забывчивости, недисциплинированности). Теперь это осталось только разве в самых "гуманитарных" ведомствах. Формально

распоряжения выполняются. Но из этого ничего не выходит, ибо в процессе выполнения распоряжение фактически сводится на нет – с одной стороны, материальными нехватками, а с другой, – невежеством, неумелостью и прочее – при наличии доброй воли. Налет извне, даже самый вдумчивый, только лишний раз покажет, что дело обстоит плохо. Но как улучшить его? Нужно научить переписчиц лучше переписывать (без искажений), телефонисток – не путать номера, бухгалтеров – своевременно и правильно записывать приход и расход и прочее и прочее. Приходится заводить повторительные вечерние курсы для работников канцелярских, ведомственных, производственных, торговых и прочее и прочее. Как иначе? Заменить их некем. Следовательно, нужно повысить их уровень, не отрывая от работы. Этот путь труден, но другого нет.

3) Нужна система в работе. Между тем, пример бессистемности – и это самое важное и самое опасное – идет сверху. Все хозяйственно-организационные вопросы решаются наспех и всегда позже, чем нужно. Нет руководящего хозяйственного органа, который работал бы непрерывно, заглядывал вперед и отвечал за свою работу. Это видят и чувствуют все (нынешний кризис в значительной мере вызван причинами, которые можно было предвидеть). Отсюда предложения, иногда фантастические и нецелесообразные, но отвечающие глубокой потребности. Преображенский предлагает экономбюро при ЦК. Красин – товарищ совсем другого склада – предлагал тоже самое: верховную экономкомиссию при ЦК. И нужно сказать, что даже экономбюро ЦК было бы шагом вперед по сравнению с таким порядком, когда ЦК создает экономическую комиссию, бюджетную комиссию, золотую комиссию и прочее и прочее. Все это есть результат отсутствия предусматривающего и руководящего хозяйственного органа. По мысли таким органом должен был быть Госплан. По составу, методам работы и идейному устремлению он им не был, не мог быть и не будет.

Надо из Госплана сделать рычаг упорядочения хозяйства, а для этого надо перестать дезорганизовывать хозяйство непредусмотрительностью и импровизацией в этом центральном вопросе. Ничего нельзя достигнуть в области хозяйства пропагандистскими и карательными мерами, если дергать это хозяйство по всем направлениям без системы и без плана.

Троцкий

19 апреля 1922 г.

21 апреля 1922 г.

К сведению всем членам Политбюро:
Тов. тов. Ленину, Троцкому, Каменеву, Зиновьеву, Сталину, Рыкову, Томскому, Молотову, Предсто тов. Цюрупе

ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЧЛЕНОВ ПОЛИТБЮРО ПО ПРЕДЛОЖЕНИЮ тов. ЛЕНИНА О РАБОТЕ ЗАМОВ

ЗАМЕЧАНИЯ:

1) Всего труднее исполнение параграфа 1 (фактическая проверка), осуществить ее без радикальной реорганизации Рабкрина, а также без создания традиции за нарушение законов дело бесконечно трудное. Есть опасность, что работа в этом направлении через небольшую группу лиц и по вопросам, которые случайно входят в сферу внимания – выродится в ненужное дерганье по мелочам в обход существующей иерархии (наркомы, заведующие, Рабкрин, Госплан. Исполком и т. п.).

"Постановление о работе замов" вырабатывалось при моем участии и я не возражал против особого подчеркивания этого пункта, но смотрю на него, как на суррогат того, чего мы еще не в силах организовать.

2) Весь проект построен на том, что у нас с тов. Цюрупой будет мир и благодать. Теперь работа началась хорошо и дружно, есть все данные, что это будет так и дальше. Но с точки зрения организационной и конституции, сдва ли (при смене лиц) можно рассчитывать на успешную работу тех лиц с равными правами в одном и том же деле. Я боюсь, что это будет такой же редкий случай, как и сиамские близнецы.

3) Первое время в работе замов будет почти полностью загружено работой над самим СНК, СТО и их органами, которые отнюдь нельзя причислить к хорошо и быстро работающим организациям, и только небольшая часть времени может остаться на все остальное.

А. И. Рыков

В общем и целом весьма хорошо, но слишком обширно, а потому, как директива страдает противоречиями. С параграфом 11 не согласен, ибо премиальность предполагает высоко развитое сознание ответственности и заинтересованности (личной) со стороны руководителя учреждения, котобой у нас еще нет и не скоро будет; это послужило причиной крушения иашей премиальной системы, впродавшейся в грабеж государства.

М. Томский

Согласен с тов. Лениным *Каменев*

Согласен с тов. Лениным *Молотов*

Верно: *М. Буракова*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

27 сентября 1922 г.

Копии всем членам Политбюро:
тов. тов. Сталину, Троцкому, Зиновьеву,
Рыкову, Томскому, Молотову, Калинину

Товарищ Каменев,

Вы, наверно, получили уже от Сталина резолюцию его комиссии о вхождении независимых республик в РСФСР.

Если не получили, возьмите у секретаря и прочтите, пожалуйста, немедленно. Я беседовал об этом вчера с Раскольниковым, сегодня — со Сталиным. Завтра буду видеть Мдивани (грузинский коммунист, подозреваемый в "независимстве").

По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться. Надо Вам (Вы когда-то имели намерение заняться этим и даже немного занимались) подумать хорошенько; Зиновьеву тоже.

Одну уступку Сталин уже согласился сделать. В параграфе 1 сказать вместо "вступления" в РСФСР —

"Формальное объединение вместе с РСФСР в союз сов. республик Европы и Азии".

Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Укр. ССР и другими, и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, "Союз Сов. Республик Европы и Азии".

Параграф 2 требует тогда тоже изменения. Нечто вроде создания, наряду с заседаниями ВЦИКа РСФСР —

"Общефедерального ВЦИКа Союза Совреспублик Европы и Азии".

Если раз в неделю будет заседать первый и раз — второй (если даже один раз в 2 недели второй), уладить это не трудно.

Важно, чтобы мы не давали пищи "независимцам", не уничтожали их независимости, а создавали еще новый этаж. Федерацию равноправных республик.

Вторая часть параграфа 2 могла бы остаться. Недовольные обжалуют (решения СТО и СНК) в общефедеральный ВЦИК, не приостанавливая этим исполнения, как и в РСФСР.

Параграф 3 мог бы остаться с изменением редакции: "сливаются в общефедеральные наркоматы с пребыванием в Москве, с тем, чтобы соответствующие наркоматы РСФСР имелись во всех республиках, вошедших в Союз Республики Европы и Азии, свои уполномоченные с небольшим аппаратом".

Часть 2 параграфа 3 остается; может быть, можно сказать для большего равноправия: "по соглашению ВЦИКов республик, входящих в Союз Совреспублик Европы и Азии".

Часть 3 обдумать. Не заменить ли "целесообразным" — "обязательным". Или не вставить ли условной обязательности хотя бы в виде запроса и допущения решать без запроса лишь в случаях "особо экстренной важности".

Параграф 4, может быть, тоже "слить по соглашению ВЦИКов".

Параграф 6, может быть, добавить: "с учреждением имеющих чисто совещательный характер (или только совещательный характер) совместных (или общих) конференций и съездов.

Соответственные изменения в примечаниях 1 и 2.

Сталин согласился отложить внесение резолюции в Политбюро ЦК до моего приезда. Я приезжаю в понедельник, 2 октября. Желаю иметь свидание с Вами и с Рыковым часа на два утром, скажем, в 1–2 и, если понадобится, вечером, скажем, 5–7 или 6–8.

Это мой предварительный проект. На основании бесед с Мдивани и другими товарищами, буду добавлять и изменять. Очень прошу и Вас сделать то же и ответить мне.

Ваш *Ленин*

P. C.[S] Разослать копии всем членам Политбюро.

Верно: *Гляссер*

Копия
Строго Секретно

ОТВЕТ НА ПИСЬМО ТОВ. ЛЕНИНА ТОВ. КАМЕНЕВУ

Товарищу ЛЕНИНУ
КАМЕНЕВУ и членам Политбюро: тов. тов. ЗИНОВЬЕВУ, КАЛИНИНУ, МОЛОТОВУ, РЫКОВУ, ТОМСКОМУ, ТРОЦКОМУ

1. По параграфу 1 резолюции комиссии, по-моему, можно согласиться с предложением тов. Ленина, формулируя ее так: "признать целесообразным формальное объединение советских социалистических республик Украины, Белоруссии, Грузии, Азербайджана и Армении с РСФСР в Союз советских социалистических республик Европы и Азии" (Бухара, Хорезм и ДВР, из коих первые являются не социалистическими, а третья еще не советизирована, остаются пока вне формального объединения).

2. По параграфу 2 поправку тов. Ленина о создании, наряду с ВЦИКом РСФСР ВЦИКа федерального, по-моему, не следует принять: существование двух ЦИКов в Москве, из коих один будет представлять, видимо, "нижнюю палату", а другой – "верхнюю", – ничего, кроме конфликтов и трений, не даст. Предлагаю, вместо поправки тов. Ленина, следующую поправку: "в соответствии с этим, ЦИК РСФСР преобразуется в общефедеральный ЦИК, решения которого обязательны для центральных учреждений, входящих в состав союза республик". Я думаю, что всякое иное решение в смысле поправки тов. Ленина, должно повести к обязательному созданию русского ЦИКа с исключением оттуда восьми автономных республик (татреспублика, туркреспублика и прочее), входящих в состав РСФСР, и объявлению последних независимыми, наряду с Украиной и прочими независимыми республиками, к созданию двух палат в Москве (русской и федеральной) и вообще к глубоким перестройкам,

что в даиный момеит не вызывается нн виутренней, нн внешней необходимостью н что, иа мой взгляд, при данных условиях нецелесообразно н, во всяком случае, преждевременно.

3. По параграфу 3 незиачительные поправкн тов. Ленина носят чнсто редакционный характер.

4. По параграфу 4, по-моему, тов. Ленин "поторопнлся", потребовав слияния наркоматов финансов, продовольствня, труда н народного хозяйства в федеральные наркоматы. Едва ли можио сомневаться в том, что эта "торопливость" "даст пищу незавнсимцам" в ущерб нацноиальному лнбералнзму тов. Леннна.

5. По параграфу 5 поправка тов. Леиина, по-моему, нзлишняя.

И. Сталин

27 сентября 1922 г.

ТОВ. ТОВ. ФРУМКИНУ И СТОМОНЯКОВУ

Копия. С секретно

Копия Троцкому

Ввиду ухудшения своей болезнн я вынужден отказаться от присутствия на пленуме. Вполне созиаю, иасколько неловко н даже хуже, чем неловко, поступаю по отношению к вам, но все равно выступнть сколько-ннбудь удачно не смогу. Сегодня я получил от тов. Троцкого прнлагаемое письмо, с которым согласен во всем существенном, за нсключснием, можст быть, последних строк о Госплане. Я напишу Троцкому о своем несогласии с ннм и о своей просьбе взять на себя, ввиду моей болезнн, защиту на пленуме моей позицнн.

Думаю, что зту защиту следует разделнть иа три частн:

первое – защиту основного принцнпа монополнн внешней торговлн, – ее (монополни) полное окончательное подтверждение;

второе – передачу в особую комиссию детальнейшего обсуждсння тех практнческих планов осуществления зтой монополнн, которые (планы) вноснт Аванесов; в этой комнсснн должны быть представлены не менсе, как в равном чнсле внешторговцы;

третье – вопрос о работе Госплана должен быть выделен отдельно, причем я полагаю, что с Троцкнм у меня, пожалуй, не будет разногласий, еслн он ограничится требованием, чтобы работа Госплана, стоящая под знаком развития государственной промышленностн, давала свой отзыв по всем сторонам деятельности НКВТ.

Надеюсь еще иапнсать сегодня или завтра н прислать вам свое заявлеине по существу данного вопроса иа пленум ЦК. Во всяком случае полагаю, что прннцнпиальное значсние этого вопроса так высоко, что я должен буду в случае, еслн в пленумс ие получится согласие, перенестн вопрос на съезд. А до этого заявнть о настоящем расхожденнн на фракцни РКП предстоящего съезда Советов.

Ленин

12 декабря 1922 г.

Запнсала Л. Ф[отнева]

Копия

ТОВ. ТРОЦКОМУ

Копия: тов. тов. Фрумкину и Стомонякову

Тов. Троцкий.

Получил Ваш отзыв на письмо Крестинского и на планы Аванесова. Мне думается, что у нас с Вами получается максимальное согласие и я думаю, что вопрос о Госплане в данной постановке исключает (или отодвигает) спор о том, нужны ли распорядительные правà для Госплана.

Во всяком случае я бы очень просил Вас взять на себя на предстоящем пленуме защиту нашей общей точки зрения о безусловной необходимости сохранения и укрепления монополии внешней торговли. Так как предыдущий пленум принял в этом отношении решение, идущее целиком вразрез с монополией внешней торговли и так как в этом вопросе уступать нельзя, то я думаю, как и говорю в письме к Фрумкину и Стомонякову, что в случае нашего поражения по этому вопросу, мы должны будем перенести вопрос на партийный съезд. Для этого понадобится краткое изложение наших разногласий перед партийной фракцией предстоящего съезда Советов. Если я успею, я напишу таковое и был бы очень рад, если бы Вы поступили таким же образом. Колебание по данному вопросу причиняет нам неслыханный вред, а доводы против сводятся к обвинениям в несовершенстве аппарата. Но аппарат у нас отличается несовершенством всюду и везде и отказываться из-за несовершенства аппарата от монополии – значило бы выплескивать с водой из ванны ребенка.

Ленин

13 декабря 1922 г.

ПИСЬМО ТРОЦКОМУ

Копия. С. секретно

21 декабря 1922 г.

Лев Давыдович.

Проф. Ферстер разрешил сегодня Владимиру Ильичу продиктовать письмо, и он продиктовал мне следующее письмо к Вам:

"Тов. Троцкий, как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление и для этого провести предложение поставить на партсъезд вопрос об укреплении монополии. Огласить это на фракции съезда Советов. Надеюсь, возражать не станете и не откажете сделать доклад на фракции.

Н. Ленин"

В.И. просит также позвонить ему ответ. *Н. К. Ульянова*
(написано рукой Н. К. Ульяновой).

"ЗАВЕЩАНИЕ" ЛЕНИНА *

Под устойчивостью Центрального Комитета, о которой я говорил выше, я разумею меры против раскола, поскольку такие меры вообще могут быть приняты. Ибо, коиечно, белогвардеец в "Русской мысли" (кажется, это был С.Ф. Ольдеибург) был прав, когда, во-первых, ставил ставку по отиошеиию к их игре против советской России иа раскол иашей партии, и когда, во-вторых, ставил ставку для этого раскола иа серьезиейшие разиогласия партии.

Наша партия опирается иа два класса и поэтому возможиа ее иеустойчивость и иеизбежно ее падеиие, если бы между этими двумя классами ие могло состояться соглашеиия. На этот случай приинимать те или иные меры, вообще рассуждать об устойчивости иашего ЦК, бесполезио. Никакие меры в этом случае ие окажутся способиыми предупредить раскол. Но я иадеюсь, что это слишком отдаленное будущее и слишком иевероятное событие, чтобы о ием говорить.

Я имею в виду устойчивость, как гарантию от раскола иа ближайшее время и иамереи разобрать здесь ряд соображеиий чисто личного свойства.

Я думаю, что осиовиым в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члеиы ЦК, как Сталии и Троцкий. Отиошеиия между иими, по-моему, составляют большую половину опасиости того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему миеиию, должио служить, между прочим, увеличение числа члеиов ЦК до 50-ти, до 100 человек.

Тов. Сталии, сделавшись геисеком, сосредоточил в своих руках иеобъятную власть, и я ие увереи, сумеет ли ои всегда достаточно осторожио пользоваться этой властью. С другой стороиы, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается ие только выдающимися способиостями. Лично ои, пожалуй, самый способиый человек в иастоящем ЦК, ио и чрезмерио хватающий самоувереииостью и чрезмерным увлечеиием чисто административиой стороиой дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современиого ЦК способиы иеиароком привести к расколу, и если иаша партия ие примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может иаступить иеожиданио.

Я ие буду дальше характеризовать других члеиов ЦК по их личиым качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зииовьева и Камеиева, коиечно, ие является случайиостью, ио что он так же мало может быть ставим им в вииу личио, как иебольшевизм Троцкому.

Из молодых члеиов ЦК хочу сказать иесколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил) и отиосительио их иадо иметь в виду следующее: Бухарии ие только цеииейший и крупиейший теоретик партии, ио также закоино считается любимцем всей партии, ио его теоретические воззреиия очень с большим сомиеиием могут быть отнесеиы к вполие марксистским, ибо в ием есть иечто схоластическое (ои иикогда ие учился и, думаю, иикогда ие поимал вполие диалектики).

* В оригниале рукопись ие иосит иикакого заглавия. – Л. Т.

Затем, Пятаков, – человек, несомненно, выдающейся волн н выдающихся способностей, но слишком увлекающийся адмнннстраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном полнтнческом вопросе.

Конечно, н то, н другое замечанне делается мной лишь для настоящего временн в предположеннн, что этн оба выдающиеся н преданные работникн не найдут случая пополнить своих знаний и изменить свои односторонности.

Ленин

25 декабря 1922 г.

Сталнн слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде н в общениях между намн, коммунистами, становится нетерпимым в должностн генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места н назначить на это место другого человека, который во всех другнх отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив н более внимателен к товарищам, меньше капризности н так далее. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношениях Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значенне.

Ленин

4 января 1923 г.

Проверенная мною копия *Л. Троцкий*

I

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОСТЯХ ИЛИ ОБ АВТОНОМИЗАЦИИ

Продолжение записок, 30 декабря 1922 г.

Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично н достаточно резко в пресловутый вопрос об "Автономизации", официально названной, кажется, СССР.

Летом, когда этот вопрос возник, я был болен, а затем осенью я возложил чрезвычайные надежды на свое выздоровление н на то, что октябрьский-декабрьский пленумы дадут мне возможность вмешаться в этот вопрос. Но между тем ни на октябрьском пленуме, ни на декабрьском по этому вопросу мне не удалось быть, н таким образом вопрос миновал меня почти совершенно. Я успел только побеседовать с Дзержинским, который приехал с Кавказа н рассказал мне о том, как этот вопрос стоит в Грузии. Я успел далее обменяться парой слов с тов. Зи-

новьевым и выразить ему свон опасения по поводу этого вопроса. Из того, что сообщеио Дзержннскнм, стоявшнм во главе комисснн, посланной ЦК для "расследования" грузннского ннцндента, я мог вынестн только еще большне опасения. Еслн дело дошло до того, что Орджоникидзе мог взорваться (дорваться? Л.) до прнменения фнзического насилия, о чем мне сообщил Дзержинский, то можно себе представнть, в какое болото мы влетелн. Видно, вся эта затея "автономнзации" в корне была неверна и иесвоевременна.

Говорят, что требовался единый аппарат. Откуда нсходят зтн утверждения? Не от того лн самого росснйского аппарата, как я указал в одном нз предыдущих номеров своего дневннка, занмствованного от царнзма н только чуть-чуть помазанного советскнм мнрром? Несомненно, что следовало бы подождать с этой мерой до тех пор ,пока моглн бы сказать, что ручаемся за аппарат, как за свой. А сейчас мы должны по совести сказать обратное: что мы называем свонм аппарат, насквозь еще чуждый нам и представляющий собой буржуазную царскую механинку, преодолеть которую в пять лет, прн отсутствнн помощи других стран и преобладании "занятий" военных н борьбы с голодом, не было ннкакой возможности.

Прн такнх условиях, очень естественно, что "свобода выхода из Союза", которою мы оправдываем себя, окажется пустой бумажкой, неспособной защитнть россннских ннородцев от нашествия того нстинно русского человека, велнкорусского шовиниста, в сущности, – подлсца и насильннка, каким является тнпнчный русскнй бюрократ.

Нет сомненнй, что ничтожный процент советских н советнзированных рабочих будет тонуть в зтом море шовиннзма велнкорусской швалн, как муха в молоке. Говорят в защиту зтой меры, что выделены наркоматы, касающнеся непосредствеино национальной пснхологни, национального просвещеиия. Но тут является вопрос, можно ли выделнть зтн наркоматы полностью н второй вопрос, – прнияты лн с достаточной заботлнвостью меры, чтобы действнтельно защитнть ннородцев от нстннно русскнх держиморд. Я думаю, мы зтнх мер не прнинялн, хотя н должиы былн прннять. Я думаю, что тут сыграла роковую роль тороплнвость н админнстраторскне увлечення Сталина, а также его озлобленне против пресловутого "соцнал-шовиинзма": озлобленне вообще играет в полнтнке самую худшую роль. Я боюсь также, что тов. Дзержннский, который ездил на Кавказ "расследовать" дело о "преступлениях этих соцнал-нацноналов", отличился тут только свонм нстиино русским настроением (известно, что обрусевшнй ннородец всегда пересалнвает по части нстинно русскнх настроенний) и что беспрнстрастне всей его комнссин достаточно характеризуется "рукопрнкладством" Орджонннкндзе. Я думаю, что никакой провокацней, ннкакимн оскорбленнямн нельзя оправдать этого русского рукопрнкладства н что тов. Дзержинский непоправнмо вноват в том, что отнесся к зтому рукопрнкладству легкомысленно.

Орджонннкндзе был властью по отношенню к остальным гражданам на Кавказе. Орджонннкндзе не имел права на ту раздражительность, иа которую он н Дзержннскнй ссылалнсь. Орджонннкндзе, напротнв, должеи был вестн себя с той выдержкой, с которой не обязан вестн себя обыкно-

венный гражданин, тем более обвиненный в "политическом преступлении". А ведь, в сущности говоря, "социал-националы" — это были граждане, обвиненные в политическом преступлении и по всей обстановке этого обвинения только и могли так его квалифицировать. Тут встает принципиальный вопрос, как понимать интернационализм.

Ленин

II

Продолжение записок, 31 декабря 1922 г.

Я уже писал в своих произведениях по национальному вопросу, что никуда не годится абстрактная постановка вопроса о национальностях вообще. Необходимо различать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной. Национализм большой нации и национализм нации маленькой.

По отношению ко второму национализму мы, националы большой нации, почти всегда оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия и даже больше того — незаметно для себя совершаем бесконечное количество насилий и оскорблений. Стоит только припомнить мои волжские воспоминания о том, как у нас третируются инородцы. Как поляка называют не иначе, как "полячишка", как татарина высмеивают не иначе, как "князь", как украинца не иначе, как "хохол", грузин и вообще кавказских инородцев, как "кавказский человек". Поэтому интернационализм со стороны угнетающей, или так называемой великой нации (хотя великой только своими насилиями, великой только, как держиморда), должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком равенстве, которое сокращает со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически. Кто не понял этого, — тот решительно не понимает пролетарского отношения к национальному вопросу, тот остается в сущности на точке зрения мелкобуржуазной и поэтому не может не скатываться ежеминутно к буржуазной точке зрения. Что важно для пролетариата? Для пролетариата не только важно, но существенно необходимо обеспечение его максимумом доверия в пролетарской классовой борьбе. Что нужно для этого? Для этого нужно не только формальное равенство, для этого нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцам то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесла ему правящая великодержавная нация. Я думаю, что для большевика, для коммуниста разъяснять это дальше не приходится, и я думаю, что в данном случае по отношению к грузинской нации мы имеем типичный пример того, что сугубая осторожность, предупредительность и уступчивость требуется с нашей стороны истинно пролетарским отношением к делу.

Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела и обвиняет других в "социал-шовинизме" (тогда как он сам является настоящим не только "социал-шовинистом", но и грубым великодержав-

ным держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности, потому что ничто так не задерживает развития и упрочения пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки обиженные нации, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями.

Вот почему в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить. Вот почему в данном случае коренной интерес пролетарской солидарности и, следовательно, и пролетарской классовой борьбы требует, чтобы мы никогда не относились формально к национальному вопросу, а всегда учитывали обязательно разницу в отношении нации угнетенной или малой к нации угнетающей или большой.

Ленин

III

Продолжение записок, 31 декабря 1922 г.

Какие же практические меры следует принять при создавшемся положении?

Во-первых, следует оставить и укрепить союз социалистических республик. Об этой мере не может быть сомнения. Она нам нужна, как нужна всему коммунистическому пролетариату для борьбы с всемирной буржуазией и для защиты от ее интриг.

Во-вторых, нужно оставить союз социалистических советских республик в отношении дипломатического аппарата. Кстати сказать, этот аппарат исключительный в составе нашего государственного аппарата. В нем мы не допустили ни одного человека, сколько-нибудь влиятельного, из старого царского аппарата. В нем весь аппарат, сколько-нибудь авторитетный, составлялся из коммунистов. Поэтому этот аппарат уже завоевал (можно сказать это смело) название проверенного коммунистического аппарата, очищенного несравненно, неизмеримо в большей степени от старого аппарата, буржуазного и мелкобуржуазного, чем тот, которым мы вынуждены пробавляться в других наркоматах.

В-третьих, нужно примерно наказать тов. Орджоникидзе (говорю это с тем большим сожалением, что лично принадлежу к числу его друзей – работал с ним заграницей, в эмиграции), а также доследовать и расследовать вновь все материалы комиссии Дзержинского на предмет исправления той громадной массы неправильных и пристрастных суждений, которые там несомненно имеются.

Политически ответственными за эту поистине великорусскую националистическую кампанию следует сделать Сталина и Дзержинского.

В-четвертых, надо ввести строжайшие правила относительно употребления национального языка в национальных республиках, входящих в наш союз, и проводить эти правила особенно тщательно. Нет сомнения, что, под предлогом единства железнодорожной службы, под предлогом

единства фискального и тому подобного, у нас, при современном нашем аппарате, будет проникать масса злоупотреблений истинно русского свойства. Для борьбы с этими злоупотреблениями необходима особая изобретательность, не говоря уже об особой искренности тех, которые за такую борьбу возьмутся. Тут потребуется детальный кодекс, который могут составить сколько-нибудь [толково] только националы, живущие в данной республике. Причем не следует зарекаться заранее никоим образом от того, чтобы в результате всей этой работы вернуться на следующем съезде Советов назад, то есть оставить СССР лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов. Надо иметь в виду, что дробление наркоматов и несогласованность их работы в отношении Москвы и других центров могут быть парализованы партийным авторитетом, если он будет применяться со сколько-нибудь достаточною осмотрительностью и беспристрастием. Вред, который может проистечь для нашего государства от отсутствия объединенных наркоматов национальных с аппаратом русским, неизмеримо меньше, бесконечно меньше, чем тот вред, который проистечет не только для нас, но и для сотен миллионов в Азии, которой предстоит выступление на исторической авансцене в ближайшем будущем вслед за нами. Было бы непростительным оппортунизмом, если бы мы, накануне этого выступления Востока и в начале его пробуждения, подрывали свой авторитет среди его малейшей хотя бы грубостью и несправедливостью к нашим собственным инородцам. Одно дело необходимость сплоченности сил против интернационального Запада, защищающего капиталистический мир. Тут не может быть сомнения, и мне излишне говорить о том, что безусловно одобряю эти меры. Другое дело, – когда мы сами попадаем как бы в империалистические отношения к угнетенным народностям. А завтрашний день во всемирной истории будет именно таким днем, когда окончательно проснутся пробужденные, угнетенные империализмом народы, и когда начнется решительный и тяжелый бой за их освобождение.

Ленин

Копия
Секретно

В ЦК РКП, В ЦКК

В свое время я уже высказывался, и притом вполне отрицательно, по вопросу о ведомственном разделении труда в Политбюро. Когда вопрос был выдвинут в первый раз, еще до партсъезда, Политбюро отклонило такое предложение. Теперь оно принято. Я считаю это решение ошибочным. Вопрос считаю важным в том смысле, что в нем преломляется неправильный подход к разрешению прежде всего хозяйственных вопросов. Считаю необходимым в конкретной форме выразить свою оценку решения, так как не сомневаюсь, что нам придется раньше или позже пересматривать этот вопрос.

Для большей ясности беру пример с внешней торговли, которая, как и Главконцесском, выделена из остальных хозяйственных вопросов. Уже X съезд Советов вынес постановление, указывающее на невозможность и недопустимость какой-либо самостоятельной линии внешней торговли, которая должна явиться лишь одним из орудий общехозяйственного плана. Что можно вывозить, что нужно вывозить – эти вопросы решаются только в непосредственной зависимости от основных элементов хозяйства.

Если постановление говорит о "подготовке материалов" по НКВТ, то, разумеется, не в техническом смысле, а в смысле принципиального и практического освещения каждого данного вопроса. Но освещение вопросов внешней торговли лежит *вне* внешней торговли, точне говоря: в промышленности, сельском хозяйстве, транспорте и внутренней торговле. Нужно подготовить материалы из этих четырех областей для того, чтобы облегчить Политбюро решение вопроса по внешней торговле. Но отсюда вытекает, что освещение вопросов внешней торговли не может не лежать на тех товарищах, которые ведают основными хозяйственными вопросами. Что тт. Рыков и Каменев, в руках которых находится руководство общехозяйственной работой, будут естественными информаторами Политбюро в этой области – для этого, разумеется, не нужно никакого специального постановления, равно как и о том, например, что главным информатором по национальному вопросу явится, естественно, тов. Сталин.

Очень неясно, что может дать в политическом смысле формальное возложение вопросов Наркоминдела на тов. Зиновьева, кроме разве того, что пойдут слухи о слиянии Коминтерна с Наркоминдела, что вряд ли выгодно как для того, так и для другого учреждения.

Равным образом, практически нецелесообразно и в основном неосуществимо постановление, которое поручает мне подготовку материалов по борьбе с меньшевизмом и эсерством. Серьезное и постоянное наблюдение в этой области возможно лишь для того, кто стоит у источника материалов, следя за ними изо дня в день: это Секретариат ЦК. Думаю, что без всякого особого постановления члены Секретариата ЦК гораздо лучше моего могут подготовлять матералы по этому вопросу. Я не останавли-

ваюсь на остальных элементах разделения труда, так как все они либо просто констатируют то, что само собой разумеется (тов. Калинин информирует о крестьянах, тов. Томский о рабочих), либо вряд ли дадут какой-либо практический результат.

Наиболее существенным считаю указанное выше искусственное дробление хозяйственных вопросов, которое, с моей точки зрения, является результатом чисто формального отношения к задачам и методам плановой работы. Недавно членам ЦК н ЦКК разослана была записка тов. Ленина по вопросу о Госплане. Что является центром этой записки? Признание такого исключительного значения за плановой, т. е. согласованной хозяйственной работой, что по предложению тов. Ленина решения Госплана должны -- в известных очень широких пределах – иметь даже обязательную силу. Вопрос о том, должен ли председатель Госплана быть в то же время председателем ВСНХ, имеет существенное, но все же организационно-техническое, второстепенное значенне. Цель такого моего предложения состояла в том, чтобы обеспечить достаточное влияние интересов госпромышленности в общей схеме хозяйства. Ныне ЦК сделал в этом смысле гораздо более решительный шаг, слив должность зампредсто с должностью ВСНХ. Совершенно ясно, что одной и той же цели можно достигать разными организационными средствами и комбинациями, которые подлежат еще эмпирической проверке. Но существо дела состоит в том, чтобы обеспечить всем хозяйственным вопросам единство подхода и единство методов разрешения.

Взгляд на необходимость общехозяйственного планового подхода к НКВТ я кратко развил в письме к тов. Ленину во время переписки по вопросу о внешней торговле. В своем ответе тов. Ленин солидаризовался с развитыми мною соображениями. Я считаю необходимым приложить к этой записке оба названные документа: т. е. мое письмо к тов. Ленину и его ответ, как имеющие непосредственное отношение к изложенным выше соображениям.

Л. Троцкий

15 июня 1923 г.

Копия
Сов. секретно

В ПОЛИТБЮРО

По поводу основных положений о ЦКК.

Я не думаю, чтобы нынешняя организация ЦКК отвечала той мысли, которая положена в ее основу.

1. Поэтому воздерживаюсь от критики основных положений, надеясь на то, что дальнейший опыт подскажет более правильную организацию.

2. Считаю необходимым отметить, что назначение тов. Гусева предсе-

дателем комиссии по Красной Армии вряд ли способно обеспечить хоть в минимальной мере нормальную плодотворную работу в этой области. Полагаю, что опыт прошлого достаточно ясен и не требует с моей стороны никаких доказательств.

Троцкий

16 июня 1923 г.

С. секретно

ЧЛЕНАМ ЦК

ЧЛЕНАМ ЦКК

На последнем пленуме снова, как оказывается, поставлен вопрос о допущении свободной продажи питей в фискальных целях – вопрос, который я считал погребенным. Ввиду огромной важности дела и той исключительной ответственности, которую берут на себя инициаторы постановки его, считаю необходимым высказаться письменно – тем более, что находясь в отпуску, я на пленуме не присутствовал.

Для меня совершенно бесспорно, что наш бюджет может держаться только на успехах сельского хозяйства и промышленности и внешней торговли (экспорт хлеба, леса и пр.). Попытка перенести бюджет на алкогольную основу есть попытка обмануть историю, освободив государственный бюджет от зависимости от наших собственных успехов в области хозяйственного строительства. Заработная плата рабочего далеко еще не достигла довоенного уровня. Тем не менее рабочий класс в целом чувствует себя в состоянии подъема. Если сюда вернется алкоголь, – все пойдет назад, вниз. На проведенную мною анкету о рабочем быте агитаторы-массовики отвечают: два основных фактора изменяют быт, во-первых, восьмичасовой рабочий день и, во-вторых, рабочий меньше пьет, меньше бьет жену и детей. Мы подрежем это движение рабочего класса вверх и деморализуем партию. Не говорю уже о том, в какой мере возврат к доброму старому времени уронит наш революционный престиж в международном масштабе.

Решительно протестую против этого предложения.

Л. Троцкий

29 июня 1923 г.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ

Ввиду того, что в партии поднимаются голоса в пользу легализации в том или другом виде водочной торговли, с целью извлечения государственных доходов, Пленум Центрального Комитета считает необходимым своевременно положить конец этим тенденциям, которые при своем развитии и успехе могли бы иметь лишь пагубное действие на революцию и партию.

Между бюджетом рабочего государства и общим хозяйственным развитием страны не может не быть самой тесной внутренней связи. Устойчивый и жизненный социалистический бюджет может и должен опираться на успехи в области сельского хозяйства, промышленности, внутренней и внешней торговли. Попытка изъятия народных средств при помощи алкоголя, подрывающего эти народные средства и деморализующего правящий рабочий класс, неизбежно привела бы к экономическому тупику, сорвав едва лишь намечающийся процесс хозяйственного оживления и подъема.

Заработная плата рабочего, приближающаяся к двум третям довоенного уровня, сразу обнаружила бы свою недостаточность с возвращением алкоголя в жизненный обиход рабочего. В качестве результата явилось бы понижение производительности труда и деморализация.

Широкие круги партии не могли бы увидеть в легализации алкоголя ничего, кроме меры отчаяния. У десятков тысяч лучших работников опустились бы руки, не говоря уже о том, что значительные круги партии оказались бы неспособны противостоять легализованному рабочим правительством алкоголю. Все приведенные соображения побуждают Центральный Комитет решительно отвергнуть и осудить всякую мысль легализации водочной монополии или других форм свободной продажи водки.

Только правильная и напряженная работа по поднятию промышленности и сельского хозяйства, по упорядочению и расширению внешней торговли, в соответствии с решениями XII съезда партии, может обеспечить устойчивый и жизненный бюджет как составной элемент планового социалистического хозяйства.

Л. Троцкий

30 июня 1923 г.

Секретно

В ПОЛИТБЮРО ЦК РКП

Чрезвычайная серьезность положения заставляет нас (в интересах нашей партии, в интересах рабочего класса) сказать вам открыто, что продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии. Начавшийся с конца июля этого года хозяйственный и финансовый кризис со всеми вытекающими из него политическими, в том числе и внутрипартийными, последствиями безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партией как в области хозяйства, так и особенно в области внутрипартийных отношений.

Случайность, необдуманность, бессистемность решений ЦК, не сводящего концов с концами в области хозяйства, привели к тому, что мы при наличии несомненных крупных успехов в области промышленности, сельского хозяйства, финансов и транспорта, успехов, достигнутых хозяйством страны стихийно, не благодаря, а несмотря на неудовлетворительное руководство, или вернее, на отсутствие всякого руководства, – не только стоим перед перспективой приостановки этих успехов, но и перед тяжелым общеэкономическим кризисом.

Мы стоим перед близящимся потрясением червонной валюты, которая стихийно превратилась в основную валюту до ликвидации бюджетного дефицита; перед кредитным кризисом, когда Госбанк без риска тяжкого потрясения более не может финансировать не только промышленность и торговлю промышленными товарами, но и закупку хлеба для экспорта; перед остановкой сбыта промышленных товаров вследствие высоких цен, которые объясняются, с одной стороны, полным отсутствием планомерного организаторского руководства в промышленности, с другой стороны, неверной кредитной политикой; перед невозможностью осуществления хлебоэкспортной программы, вследствие невозможности закупать хлеб; перед крайне низкими ценами на пищевые продукты, разорительными для крестьянства и грозящими массовым сокращением сельскохозяйственного производства; перед перебоями в выдаче зарплаты, вызывающими естественное недовольство рабочих; перед бюджетным хаосом, непосредственно создающим хаос в государственном аппарате, – революционные приемы сокращений при выработке бюджета и новых явочных сокращений при его реализации стали из переходных мер постоянным явлением, которое непрерывно сотрясает госаппарат и вследствие отсутствия плана в сокращениях, сотрясает его случайно, стихийно.

Все это суть некоторые элементы уже начавшегося хозяйственного кредитного и финансового кризиса. Если не будут немедленно приняты широкие, продуманные, планомерные и энергичные меры, если нынешнее отсутствие руководства будет продолжаться, мы стоим перед возможностью необычайно острого хозяйственного потрясения, неизбежно связанного с внутренними политическими осложнениями и с полным параличом нашей внешней активности и дееспособности. А последняя, как всякому понятно, нужна нам теперь больше, чем когда-либо, от нее зави-

сят судьбы мировой революции и рабочего класса всех стран.

Точно так же в области внутрипартийных отношений мы видим ту же неправильность руководства, парализующую и разлагающую партию, что особенно ярко сказывается во время переживаемого кризиса.

Мы объясняем это не политической неспособностью нынешних руководителей партии: наоборот, как бы мы не расходились с ними в оценке положения и в выборе мероприятий к его изменению, мы полагаем, что нынешние руководители при всяких условиях не могут не быть поставлены партией на передовые посты рабочей диктатуры. Но мы объясняем это тем, что под внешней формой официального единства мы на деле имеем односторонний приспособляемый к взглядам и симпатиям узкого кружка подбор людей и направление действий. В результате искаженного такими узкими расчетами партийного руководства партия в значительной степени перестает быть тем живым самодеятельным коллективом, который чутко улавливает живую действительность, будучи тысячами нитей связанным с этой действительностью. Вместо этого мы наблюдаем все более прогрессирующее, уже почти ничем не прикрытое разделение партии на секретарскую иерархию и мирян, на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, и прочую партийную массу, не участвующую в общественной жизни.

Это факт, который известен каждому члену партии. Члены партии, не довольные тем или иным распоряжением ЦК или даже Губкома, имеющие на душе те или иные сомнения, отмечающие про себя те или иные ошибки, неурядицы и непорядки, боятся об этом говорить на партийных собраниях, более того, боятся беседовать друг с другом, если только собеседник не является совершенно надежным человеком в смысле неболтливости: свободная дискуссия внутри партии фактически исчезла, партийное общественное мнение заглохло. В наше время не партия, не широкие ее массы выдвигают и выбирают губкомы и ЦК РКП. Наоборот, секретарская иерархия партии все в большей степени подбирает состав конференций и съездов, которые все в большей степени становятся распорядительными совещаниями этой иерархии.

Режим, установившийся внутри партии, совершенно нестерпим, он убивает самодеятельность партии, подменяя партию подобранным чиновничьим аппаратом, который действует без отказа в нормальное время, но который неизбежно дает осечки в моменты кризисов и который грозит оказаться совершенно несамостоятельным перед лицом надвигающихся серьезных событий.

Создавшееся положение объясняется тем, что объективно сложившийся после X съезда режим фракционной диктатуры внутри партии пережил сам себя. Многие из нас сознательно пошли на непротивление такому режиму. Поворот 21-го года, а затем болезнь тов. Ленина требовали, по мнению некоторых из нас, в качестве временной меры диктатуры внутри партии. Другие товарищи с самого начала относились к ней скептически или отрицательно. Как бы то ни было, к XII съезду партии этот режим изжил себя. Он стал поворачиваться своей оборотной стороной. Внутрипартийные сцепы стали ослабляться. Партия стала замирать. Крайние

оппозиционные, уже явно болезненные течения внутри партии стали приобретать антипартийный характер, ибо внутрипартийного товарищеского обсуждения наболевших вопросов не было. А такое обсуждение без труда вскрыло бы болезненный характер этих течений как партийной массе, так и большинству их участников. В результате – нелегальные группировки, выводящие членов партии за пределы последней, и отрыв партии от рабочих масс.

Хозяйственный кризис в Советской России и кризис фракционной диктатуры в партии, в случае если бы создавшееся положение не было в ближайшем будущем радикально изменено, нанесут тяжелые удары рабочей диктатуре в России и российской коммунистической партии. С таким грузом на плечах диктатура пролетариата в России и гегемон ее – РКП не могут не войти в полосу надвигающихся новых мировых потрясений иначе, чем с перспективой неудач по всему фронту пролетарской борьбы. Разумеется, было бы на первый взгляд самым простым решить вопрос в том смысле, что сейчас ввиду всей обстановки нет и не может быть места для постановки вопроса об изменении партийного курса, постановки в порядок дня новых и сложных задач и пр. и пр. Но совершенно очевидно, что такая точка зрения была бы позицией казенного закрывания глаз на действительное положение, так как вся опасность в том и состоит, что действительного идейного и действенного единства – перед лицом исключительно сложной внутренней и внешней обстановки – нет. В партии ведется борьба тем более ожесточенная, чем более глухо и тайно она идет. Если мы ставим перед ЦК этот вопрос, то именно для того, чтобы дать скорейший и наименее болезненный выход раздирающим партию противоречиям и немедленно поставить партию на здоровую основу. Реальное единство в суждениях и действиях необходимы. Надвигающиеся испытания требуют единодушного, братского, совершенно сознательного, исключительно активного, исключительно сплоченного действия всех членов нашей партии. Фракционный режим должен быть устранен, и это должны сделать в первую очередь его насадители: он должен быть заменен режимом товарищеского единства и внутрипартийной демократии.

Дабы реализовать все вышеизложенное и принять необходимые меры к выходу из хозяйственного, политического и партийного кризиса, мы предлагаем ЦК как первый и неотложный шаг созвать совещание членов ЦК с наиболее видными и активными работниками, с тем чтобы список приглашенных включил в себя ряд товарищей, имеющих взгляды на положение, отличные от взглядов большинства ЦК.

ПОДПИСИ К ЗАЯВЛЕНИЮ В ПОЛИТБЮРО ЦК РКП О ВНУТРИПАРТИЙНОМ ПОЛОЖЕНИИ ОТ 15 ОКТЯБРЯ 1923 ГОДА

Е. Преображенский
Б. Бреслав
Л. Серебряков

Не соглашаясь с некоторымн пунктамн этого письма, объясияющими причнны создавшегося положения, счнтая, что партия подошла вплотную к вопросам, которые не могут целнком быть разрешены практиковавшимнся до сих пор методамн, я вполне прнсоедииялось к заключительному выводу настоящего пнсьма.

А. Белобородов

С предложениямн целнком согласен, хотя с некоторымн пунктамн мотивнровкн расхожусь.

А. Розенгольц

М. Альский

В основном мысли этого обращения разделяю. Потребность в прямом н откровснном подходе ко всем нашнм болячкам так назрела, что целнком поддерживаю предложенне созыва указанного совещания, дабы наметить практические путн, способные вывестн нз накопившихся затруднений.

Антонов-Овсеенко

А. Венедиктов
И. Н. Смирнов
Ю. Пятаков
В. Оболенский (Осинский)
Н. Муралов
Т. Сапронов

Положение в партии н международное положение такое, что требуют необычайного напряжения н единства партийных сил, больше, чем когда бы то нн было. Прнсоединяясь к заявленню, рассматриваю его *исключительно* как попытку воссоздания сплоченности в партни н подготовкн ее к наступающнм событиям. Естественно, что в настоящий момент не может быть речн о внутрипартийной борьбе в какой бы то нн было форме. Необходнмо, чтобы ЦК трезво оценил положенне н принял срочные меры к устранению недовольства внутрн партнн, а также беспартнйных масс.

А. Гольцман

В. Максимовский
Л. Сосновский
Данишевский

П. Месяцев
Т. Хоречко

Не согласен с рядом оценок в первой части заявления, не согласен с рядом характеристик внутрипартийного положения. В то же время глубоко убежден, что состояние партии требует принятия радикальных мер, ибо в партии в настоящее время не благополучно.

Практическое предложение разделяю целиком.

А. Бубнов

А. Воронский
В. Смирнов
Е. Бош
В. Косиор
Ф. Локацков

С оценкой экономического положения совершенно согласен. Ослабление политической диктатуры в настоящий момент считаю опасным, но освежение необходимо.

Совещание нахожу совершенно необходимым.

Каганович

Дробнис
П. Коваленко
А. Е. Минкин
В. Яковлева

С практическим предложением вполне согласен.

Б. Эльцин

Подписуюсь с оговоркой тов. Бубнова.

М. Левитин

С теми же оговорками Бубнова подписываюсь, не разделяя ни формы, ни тона, факт которых тем более убеждает меня согласиться с практической частью данного заявления.

И. Палюдов

О. Шмидель
Н. Ваганьян
Ин. Стуков
А. Лобанов
Рафаил
С. Васильченко
Мих. Жаков
А. М. Пузаков
Н. Николаев

Так как в последнее время я стоял несколько в стороне от работы партийных центров, поэтому воздерживаюсь от суждения 2-х первых абзацев в вводной части, в остальном согласен.

Аверин

Согласен с изложением части хозяйственного и политического положения страны. Считаю, что в части, рисующей внутрипартийное положение, допущено некоторое сгущение. Совершенно необходимо немедленно принять меры для сохранения единства партии.

И. Богуславский

Не вполне согласен с первой частью, в которой говорится о хозяйственном положении страны, последнее действительно очень серьезно и требует к себе чрезвычайно внимательного отношения, но до сих пор партия не выдвинула людей, которые сумели бы лучше руководить тех, которые до сих пор руководят.

По вопросу же о внутрипартийном положении считаю, что во всем сказанном есть значительная часть правды, и считаю необходимым принять срочные меры.

Ф. Судник

1924 год

ПИСЬМО Н. КРУПСКОЙ ТРОЦКОМУ

29 января 1924 г.

Дорогой Лев Давыдович,

Я пишу, чтобы рассказать Вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая Вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где Вы даете характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечесть ему это место, слушал очень внимательно, потом еще раз просматривал сам.

И еще вот что хочу сказать: то отношение, которое сложилось у В. И. к Вам тогда, когда Вы приехали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти.

Я желаю Вам, Лев Давыдович, сил и здоровья и крепко обнимаю.

Н. Крупская

Проверенная мною копия
Л. Троцкий

[На копии письма, хранящейся в архиве М. Истмена в Индианском университете, приписки Троцкого нет. – *Прим. сост.*]

ПИСЬМО С. МЕДВЕДЕВА "БАКИНСКОМУ ТОВАРИЩУ"

Дорогой товарищ В.

Письмо Ваше и материал о дискуссии в Баку получили. Виделись и беседовали с тов. Кобызевым. Как из письма, так и из беседы с тов. Кобызевым выяснилось, что Вам до сих пор еще неизвестна наша статья, напечатанная в "Правде" от 18 января 1924 года. Она была написана и сдана в редакцию "Правды" еще 20 декабря, то есть в то время, когда даже здесь, у нас в Москве, дискуссия все еще развертывалась вширь. Позиции всех к этому времени уже определились и мы дали в нашей статье ясное отношение ко всем вопросам, поставленным в ходе дискуссии. Приходится крайне сожалеть, что к Вам не попала она. Во всяком случае, теперь Вы будете ее иметь – мы посылаем ее с тов. Кобызевым, а вместе с тем посылаем в дополнение и разъяснение наших общих положений – стенограмму речи тов. Шляпникова на партконференции Хамовнического района, где он выступил с докладом, и экземпляр резолюции, которую мы вносили главным образом в рабочих ячейках. Просмотрите их с должным вниманием и Вы найдете ответы на основные вопросы Вашего письма. Имейте при этом в виду, что мы в этих материалах определяем только основное направление партийной политики, не касаясь отдельных моментов ее в различных областях. В этом письме я коснусь только тех сторон, которые, быть может, и после ознакомления с указанным материалом для Вас будут недостаточно ясны.

1. О Вашей резолюции надо сказать так: она неправильно определяет роль и значение внутрипартийной политики ЦК. Никогда не следует упускать из виду, что эта область партполитики является производной, подчиненной областью. Она определяется основной – все собой определяющей, экономической политикой партии.

А эта, последняя, в конечном счете есть результат соотношения классовых сил в нашей стране, их удельного веса и экономической мощи в общей экономике страны. Непосредственно же она определяется социальным составом нашей партии, где рабочие массы составляют лишь одну шестую – одну седьмую часть ее членов. Так мы определяем зависимость внутрипартийной политики, разъясняя ее так же в наших документах. Было бы глубоко неправильно думать, что можно различные области политики партии разделить на отдельные, – совершенно самостоятельные участки или части, и, при этом, можно, разделяя основную хозяйственную политику ЦК, – успешно и логично критиковать те отдельные части или моменты его политики, которые по сути своей есть прямой результат содержания, характера и направления этой хозяйственной политики. Эта неправильность есть основной порок Вашей резолюции. Он еще более усугублен тем, что в своих попытках защитить свою резолюцию, Вы подчеркиваете, что отнюдь не критикуете или вернее – не связываете Ваши разногласия по вопросам внутрипартийной политики с общей политикой ЦК. У нас в Москве "сентябрьская оппозиция" (тт. Преображенский, Пятаков, Смирнов и другие) – на этой постановке была разбита и совершенно деморализована. Это же неизбежно могло произойти и с Вами, если бы в Баку в официальных парткругах были более искушенные политики.

2. а) В вопросах об экономической политике – мы не разделяем того, опять-таки общего характера ее, который придает ей ЦК в своей резолюции и который она имеет в действительности. Я говорю "общего характера" – не потому, чтобы мы во всех ее частных моментах были сторонниками этой политики. Далеко нет. Но я в этом письме вынужден быть кратким и потому, касаясь лишь самой основы этой политики, оставляю в стороне ее отдельные моменты. Основным, все определяющим собой моментом в резолюции ЦК "об очередных задачах экономической политики", является то, что в этой резолюции для всех видов крупной госпромышленности отводится по существу роль придатка, дополнения к мелкому и даже к мельчайшему крестьянскому двору. Все, что не находит приложения на этом дворе, все это обрекается на сокращение, на так называемую "концентрацию" и только там, где такое сокращение может вызвать непосредственное возмущение обрекаемой на длительную безработицу рабочие массы, только в этот момент это сокращение или "концентрация" уступает место соображениям политического характера. Но само собой понятно, что это лишь отделяет самое сокращение, но не на йоту не разрешает вопроса о действительном сохранении и развертывании наших очагов промышленности и революционных пролетарских сил. Кто знает или поинтересуется хотя бы краткой историей нашей промышленности, тот легко увидит, что она никогда в основных своих отраслях, – в металлургии и в машиностроении, в каменноугольной и нефтяной, в топливной вообще – не базировалась в своем возникновении и развитии на крестьянский двор, а покоилась на железнодорожном, шоссейнодорожном строительстве, на беспрерывном расширении всех промышленных отраслей народного хозяйства, поставляя им материалы, машины, инструменты и так далее, на росте городского хозяйства и на громадных средствах "на оборону страны". Весь крестьянский мир потреблял на ничтожную сумму, по сравнению с этими потребителями, и не являлся даже значительным подспорьем для этих отраслей тяжелой индустрии. И когда теперь ЦК провозглашает, что для государственной промышленности этот крестьянский рынок есть предел, за который она не может выходить, что именно в этом направлении он будет разрешать все вопросы о промышленности, – мы, естественно, видим в такой политике прямую угрозу крупной промышленности и самому существованию рабочего класса. А вместе с этим и прежде всего всем непосредственным завоеваниям рабочего класса, которые он закрепил за собою Октябрьским переворотом.

Я могу тут привести Вам конкретный пример того, в какое положение ставится такой политикой, например, нефтепромышленность в Баку. Так как у нас сейчас есть значительные запасы и керосина, и бензина, и минерального масла, и так как спрос на них пока крайне ограничен, то сейчас, в согласии с указанным характером общей хозяйственной политики партии – вся бакинская и грозненская нефтеперегонная обрабатывающая промышленность будет сокращаться и все добывание нефти будет сосредоточено лишь на добывании ее топливного вида. Это значит, что мы будем иметь неизбежное сокращение рабочих кадров в указан-

иой отрасли нефтепромышлениости, а вместе с тем и сужение нашей материальной базы.

Вот основной характер экономической политики партии, намеченной в резолюции ЦК на ближайший период нашего господства у власти. В нем таится, по-нашему, громадная опасность интересам рабочего класса и дальнейшим судьбам Гос. Кр. Промышленности.

б) Эта опасность станет еще более угрожающей, если мы посмотрим еще на один момент нашей внутрипартийной политики, на отношение партии, то есть руководителей, поддерживаемых подавляющим большинством членов – к так называемой "новой экономической политике".

Эту политику до последнего периода они изображали, как социалистический маневр.

Путем этого маневра имели в виду лишь на время, под давлением к этому жестокой необходимости, дать некоторый простор мелкобуржуазному капиталистическому напору крестьянства и неразрывно связанной с ним деревенской и городской торговой буржуазии, чтобы вместе с тем с максимальной энергией за этот же период восстановить, упрочить материальную базу нашего господства Кр. Гос. Промышленности и начать с помощью укрепленной геспромышленности – борьбу с неизбежным ростом нэпа и с частным капиталом на свободном рынке куплипродажи.

Теперь почти никто уже вопроса так не освещает. Наоборот, теперь мы слышим почти сплошь чуть ли не восторги перед этой политикой, продиктованной нам силой, враждебной пролетариату и этим свидетельствуется, что "из нужды эта политика претворяется теперь в высшую политическую добродетель", то есть, что эта политика перестает представляться как вынужденное отступление от наших завоеваний, чтобы ценою его спасти из них многое – другое – она все чаще окрашивается в нашу единственно мыслимую хозяйственную политику, которая является будто бы политикой закрепления всех завоеваний рабочего класса в Октябрьской революции, политикой, которая и направлена и, по сути своей – содержит в себе прямое упрочение диктатуры пролетариата.

Вот, если Вы примите во внимание этот момент отношения к так называемой "новой экономической политике", которая на деле является прямым, непосредственным выражением интересов мелкобуржуазных крестьянских и городских масс, – в целях ослабления политического напора которых она и была провозглашена, – то курс на превращение крупной госпромышленности – лишь в придаток к хозяйственным потребностям мелкого крестьянского двора, его ограниченного домашнего обихода и личных потребностей самих крестьянских масс, – становится еще более угрожающим – основным завоеваниям рабочего класса.

в) Уже к настоящему моменту мы дошли до того, что у нас на миллион работающих насчитывается миллион с лишним безработных.

Дальнейшее ускоренное развитие сельского хозяйства, в первую очередь кулацких и более или менее состоятельных так называемых середняцких масс крестьянства, – являясь глубоко прогрессивным явлением для нашей упавшей экономики, неизбежно, однако, поведет

к вытеснению наименее хозяйственно обеспеченных масс крестьянства и прежде всего бывших рабочих и заполнит ими все города.

Уже теперь этот наплыв становится все более и более массовым. Наряду с этим, после предстоящего признания нас в Европе, мы войдем в более тесную связь с мировым рынком, а это значит, что мы должны будем выравниваться и в нашем собственном государственном хозяйстве – по хозяйству и уровню его развития в Европе.

Что же касается развития нашего сельского хозяйства, в громадной массе своей мелкокрестьянского, то оно должно будет выравниваться в отношении международных рынков сбыта его продуктов не только по Европе, но и по Америке, а это все более будет усиливать вытеснение, самовыпадение наиболее слабых из этих хозяйств в нашей деревне и значит будет толкать в города все большие и большие массы этих разоренных. Если бы мы к этому моменту оказались бы в еще худшем положении в области государственной промышленности, чем сейчас, когда мы не можем обеспечить положение труда даже для современных безработных, то может случиться, что кучка какой-либо бонапартистской сволочи попытается сбросить нас и в этих своих попытках может не встретить должного отпора со стороны той громадной истерзанной нищетой безработной массы городов, которая может в этом своем положении оказаться не только пассивной, но в известной части своей наиболее исстрадавшейся, может даже отнестись сочувственно к такому стечению обстоятельств, в надеждах, что господство частного капитала, хотя и обречет их на жестокую эксплоатацию, но не даст подохнуть с голоду. И такое настроение может сказаться не только в безработной массе рабочих, но и в той части работающей массы рабочих, которые живут под постоянным ожиданием своего сокращения.

Если бы такое несчастье нас постигло, мы еще меньше смогли бы рассчитывать – по указанным соображениям – на поддержку нас и со стороны деревенской бедноты.

Недаром во время дискуссии неоспоримо было установлено, что эта деревенская беднота уходит из наших партрядов.

Таким образом, мы не разделяем политики ЦК, которая, в основном, на ближайший период будет направлена по своему содержанию к сохранению, укреплению и даже будто бы развитию мелкого крестьянского хозяйства; которая всю промышленную политику базирует на его лишь современных потребностях.

Мы считаем, что мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство в обстановке нэпа внутри страны и зависимости от международного рынка, обречено на прозябание в варварских условиях и неминуемую гибель.

Все попытки спасти его, помочь ему удержаться и даже развиваться в его современном виде – есть реакционно-утопические попытки.

Выходом из такого положения этих разоряемых крестьянских масс может быть только развивающаяся, растущая госпромышленность, на арене которой эти массы могли бы найти приложение своих рук и сил.

Всякая же поддержка иллюзий массы мелкого крестьянства на то,

что Советская власть должна будет спасти и спасет его от гибели, при условии сохранения ему капиталистической конкуренции и свободной торговли, будет только развращать его политически в направлеиии упрочения этих иллюзий; вызывать у него постоянные требования к государству, чтобы оно покрывало различными подачками из своих средств разницу в стоимости его продуктов труда, определяемой по мировому рынку и тем минимумом средств, которые необходимы ему для его личного и хозяйственного существования. Эти черты в нашей хозяйственной политике есть и сейчас. В дальнейшем же при той хозяйственной политике, которую намечает ЦК в своей резолюции, утверждая возможность будто бы широкого развития для этого мелкого крестьянского хозяйства, – эти черты станут неизбежно расширяться, истощать и без того дефицитный госбюджет и ложиться еше более колоссальным бременем на рабочий класс, ибо все эти подачки государство будет черпать главным образом, как гласит резолюция ЦК "из доходов от госпредприятий и госимущества", то есть от повышений эксплуатации рабочих госпромышленности.

Та же часть деревеиициы, которая остается, за исключением указанной массы, есть деревенская мужицко-кулацкая буржуазия, враждебная нам не меньше буржуазии старой формации.

С ней у нас ничего, кроме жестокой политической борьбы, быть не может.

Вот основная суть наших разногласий в вопросах хозполитики партии. Мы видим в этой политике превалирование интересов тех 6/7 ее состава, которые являются мелкобуржуазными элементами, а не закреплеиис диктатуры пролетариата как в экономике, так и в политике.

Что же мы выдвигаем в противовес этой политике:

а) перенесение главного центра хозполитики с крестьянского хозяйства на крупную промышленность, на ее восстановление, на ее расширение, развитие, на употребление всех госресурсов именно в этом направлении. Эта политика будет служить жизненным интересам пролетарских масс городов, а равно и интересам тех полупролетарских масс деревень, которые все больше будут разоряться по указанным выше причинам и как бы в издевательство над ними – это расширение их будет происходить тем сокрушительнее для них, чем более обильны будут урожаи, ибо именно в этих условиях продукты их труда будут наиболее обесценены.

Эта политика будет служить и нашим коммунистическим целям. Она единственно правильная и реально возможная коммунистическая политика, способная обеспечивать нам более безболезненное разрешение вопроса о мелком крестьянстве и упрочить его политический союз с рабочим классом в нашей республике;

б) при внесении таких предложений, обыкновенно пугают вопросами: а где взять на это средства? У нас их нет. Мы отвечаем на это так: если у нас нет на это средств в достаточной мере, то все же у нас есть такие средства даже в современном бюджете, которые идут не на развитие крупного государственного хозяйства, а на поддержку мелкобуржуазного хозяйства состоятельной части крестьянства и на поддержку

указанных утопических иллюзий мелкого крестьянства, которые наша партия сама упрочивает у этого слоя крестьянства;

в) мы считаем, что при современном хозяйственном состоянии нашей страны с теми перспективами для него, о которых я говорил выше, большие материальные жертвы международному капиталу, готовому пойти на оживление наших потушенных промышленных районов, — есть меньшее из зол, чем то состояние, в котором мы находимся и можем оказаться в ближайшие годы в области нашего промышленного и сельского хозяйства, состояние, которое может оказаться для нас гибельным.

Думать, что мы можем при том удельном весе рабочего класса, который он имеет в государственной политике, собрать необходимые массы капитала для разворачивания потушенной промышленности путем подоходноимущественной системы налогов, — значит тешить себя напрасной иллюзией.

Думать же, что эти массы капитала мы сложим только более длительно "из копейки к копейке, пятака к пятаку" от самой промышленности, это значит дополнить иллюзию мелкого крестьянства иллюзией мелкобуржуазных эпигонов городов. Для такого способа накопления нам потребовалось бы полста лет. Мы не знаем еще и примерно того срока, когда выберемся из дефицитности нашего госбюджета, — говорить же при наличии этого обстоятельства о действительном накоплении могут только пустые болтуны.

Вот наши основные несогласия с экономической политикой партии и существующей системой взаимоотношений с крестьянством. Результаты этой политики уже в современный момент давят рабочие массы, как гири, в дальнейшем они станут для него более тяжелыми.

Думать, что они будут и дальше терпеливо гнуть свою спину, — значит не видеть окружающие явления, или не понимать их значения.

3) Международная политика нашей партии — как такая же политика и всякой другой партии, — есть продолжение нашей внутренней политики на международной арене.

То, что отличает нашу политику внутри страны, те же черты она в значительной степени носит и в области международной. Ее основной порок состоит в том, что она все хочет видеть в цвете нашей страны.

Так называемое "Рабоче-крестьянское правительство", пришедшее на смену "Рабочему правительству" — есть выражение безнадежной попытки разрешить основные вопросы западноевропейского рабочего движения средствами и методами нашей страны. Это приводит к неудачам и на деле вольно или невольно, но эта политика постоянно дискредитирует роль наиболее организованных и сознательных масс западноевропейского пролетариата и пытается найти себе опору в его наименее сознательных элементах и в "крестьянстве" западноевропейских стран. Но такого крестьянства, какое имелось у нас к моменту нашей революции, в Западной Европе нет. Оно есть на Ближнем и Дальнем Востоке. Но мы знаем теперь, к чему привела попытка опереться на крестьянство, например, в Болгарии. Эта попытка, навязываемая Коминтерном, привела к крушению болгарской компартии.

Мы знаем точно так же, что даже в крестьянской Финляндии лозунг "рабоче-крестьянского правительства" имеет наименьшие шансы, чем где-либо.

Таково главное направление нашей международной политики. Оно же и определило и тот характер тактики Коминтерна, который попытались придать ей в Германии, и в Италии, и во Франции. Во всех этих среднеевропейских странах, имеющих решающее значение для международной революции, эта тактика привела к тому, что из общей массы организованных сил пролетариата, были вырваны силы коммунистической частицы его и противопоставлены всей остальной массе пролетариата, как наиболее революционные части против неспособной будто бы на сознательное участие в революционных выступлениях рабочей массы, чем дезорганизовали и общее движение рабочего класса, и эту коммунистическую часть его, изолировав ее от общей массы организованного пролетариата и тем лишив возможности постоянного воздействия на эти массы изнутри его рядов. Мы – злейшие противники этой политики. Мы не видим никакой возможности ускорить ход событий в Западной Европе в сторону революции вне и против подавляющей массы организованного рабочего класса. Мы стоим за то, чтобы коммунистические рабочие массы оставались составной частью рабочих масс, организованных в профсоюзах, кооперации, советах, фабзавкомах и так далее, чтобы всякие попытки захватить власть в этих организациях, помимо воли подавляющей массы их членов, или организовать свою обособленную от этих масс организацию того же порядка, были решительно отброшены, как авантюры дезорганизующие рабочее движение.

Вот в общих чертах наше отношение к вопросу международной политики.

Если нам и до сих пор была необходима поддержка западноевропейского пролетариата, то теперь, когда наши связи с Европой расширяются и оформляются, нам эта поддержка во сто крат нужнее. Но с той политикой – постоянной дискредитации наиболее организованных и сознательных рабочих, какую мы отстаивали и проводили через Коминтерн, мы пришли к полной изоляции рабочих масс нашей страны от пролетариата западноевропейских стран и к такой же изоляции коммунистической части последнего от его основных масс в самой Западной Европе.

Попытки механически насадить наши методы работы во всех западноевропейских странах, приводят только к тому, что мы видим, например, в Норвегии. На этом примере особенно наглядно видно, как эти попытки приводят буквально к дезорганизации рабочего движения этой страны; к насаждению материально немощных "коммунистических" секций и к содержанию их за счет того достояния российских рабочих масс, за которые они платили своей кровью и жертвами, но которое для себя они использовать не могут при современных условиях.

На деле создается орава мелкобуржуазной челяди, поддерживаемая русским золотом, изображающая себя пролетариатом и представительницей Коминтерна якобы "революционных рабочих".

Те методы, которыми Коминтерн пытается завоевать западноевропейские рабочие массы – явно безнадежны. Они не только не сближают нас с массами организованного международного пролетариата, но наоборот, разобщают.

Видя эти неудачи, руководители его в лице наших партруководителей, ищут поддержки своей политики вне этих масс и проповедуют, например, что американские фермеры-арендаторы более революционны, чем американские организованные рабочие массы.

Отсюда, естественно, сделать еще один шаг в сторону этих фермеров и они окажутся как раз той единственной основой "коммунизма", на которую надо поставить основную ставку во всей деятельности американских коммунистов. Подобные же поиски производятся и во всех других европейских странах. Они есть свидетельство того, что политика Коминтерна, под руководством наших партруководителей, вследствие неудачи в пролетарских массах пропитана устремлениями в сторону мелкобуржуазных, частнособственнических классов. Эти классы все чаще противопоставляются рабочим классовым объединениям, как наиболее способные к совершению социалистического переворота, которым не достает только организованного руководства.

Если такое руководство обеспечить им в лице компартии, то они будут первыми в совершении социалистического переворота. Вот основной порок всей нашей международной политики.

Этим пороком объясняется вся та систематическая травля и дискредитация пролетарско-классовых объединений западноевропейского пролетариата, еще не идущего за коммунистическими лозунгами. Она губительна для дела действительной социалистической революции.

Наши оценки западноевропейских социал-демократических партий глубоко расходятся с теми оценками, которые даются нашими руководителями.

Все руководящие кадры этих партий они рассматривают как предателей, изменников, прислужников буржуазии и т. п. и т. д. И это относится одинаково как к германской, так и к другим социал-демократическим партиям.

Уже этого одного факта достаточно для того, чтобы отбросить подобную характеристику этих кадров как ничего не объясняющую и усомниться в том, что именно они являют собой основную причину того, что в Западной Европе господствует еще буржуазия. Она явно немарксистская и приводит нас в безвыходный тупик.

С таким объяснением господства буржуазии нет никакого просвета впереди, раз все наиболее сознательные, организованные и дисциплинированные кадры рабочего класса, из которых организуются все руководящие круги социалистических партий Западной Европы, являются изменниками, предателями и т. п. и т. д., но кто же действительный носитель социалистической революции?

На самом деле, эти элементы в глазах широких рабочих масс западноевропейских государств не только не предают ничего из интересов рабочего класса, но наоборот, в глазах этих пролетарских масс они

являются работниками наиболее преданными их интересам.

Поэтому-то социал-демократы еще так сильны и могучи. Поэтому-то они и пользуются таким еще глубоким доверием пролетарских масс.

И эту оценку этих партий и вождей широкими массами рабочих легко объяснить именно марксистским анализом. Вся крепость их связи с рабочими массами, все глубокое доверие последних к ним объясняется тем, что эти вожди социал-демократической партии никогда не противопоставляют повседневных нужд рабочих масс вообще и частичных требований отдельных категорий их интересам революции. Наоборот, они эти интересы и видят главным образом в удовлетворении повседневных нужд рабочих масс.

Успешное разрешение этих частичных нужд для широких кругов рабочих масс в виде ли сокращения рабочего времени, в виде ли повышения их заработка и роли в государстве или коммунальном управлении – они порою готовы считать целой революцией. А так как таких нужд у международного пролетариата множество, то нет ничего противоестественного в том, что они доверяют все руководство своей борьбой именно тем, кто преподносит ему не красивые вымыслы в виде перспектив, а умело защищает его от повседневных невзгод.

Вот та почва, на которой складывается такая дьявольская прочность связи социалистических партий Западной Европы с рабочим классом своих стран, которую мы наблюдаем до сих пор, несмотря на порою действительно преступное поведение руководящих кругов этих партий в важнейшие моменты борьбы этих масс.

Исходя из такой оценки роли соцпартий и их вождей, мы и говорим, что для завоевания западноевропейских рабочих масс Коминтерну нет необходимости постоянно дискредитировать пролетарские классовые объединения и их руководителей, как изменников, предателей и т. п., этим такового завоевания не достичь, что для этой цели надо набраться терпения и умения защищать именно повседневные нужды рабочих масс, чтобы тем усиленнее обнаружить перед ними всю иллюзорность предположений, что удовлетворение таких нужд существенно изменит их социальное и материальное положение.

Надо решительно отбросить все попытки, помимо завоевания пролетарских массовых объединений Западной Европы, произвести социалистический переворот.

Надо, наконец, решительно изменить те взаимоотношения с этими объединениями, которые сложились к настоящему моменту.

Мы считаем в соответствии с фактическим положением дел, что такие объединения наши, как "Профинтерн", фактически являются, вольно или невольно, орудием разобщения и российских рабочих масс и западноевропейских коммунистических масс от решающих масс всего пролетариата. Он является прямым препятствием, ничем фактически неоправдываемым на пути к образованию действительного единого фронта рабочего класса каждой страны и в международном масштабе.

Вот то основное, что нас разделяет с партруководителями настоящего момента в вопросах международной политики.

4. Теперь относительно смерти тов. Ленина.

Утрата его – есть, понятно само собой, крупное и удручающее событие. Но на свете все относительно. Мы отнюдь не настроены так безнадежно в отношении будущего, как это происходит с некоторыми кругами нашей партии. И в этом нас подкрепляет факт массового вступления в ряды партии рабочих. Оно, по нашему мнению, лишь в своем проявлении совпало со смертью тов. Ленина. Но отнюдь не может быть рассматриваемо, как прямое последствие ее. Это есть второй акт того оживления рабочих масс России, которое началось в августе–сентябре массовыми стачками за улучшение своего отчаянного положения. В этом акте мы видим попытку наиболее активных массовых элементов найти в партии рычаг к изменению своего тяжелого материального положения, в котором они находятся до сих пор, заставить ее стать на точку зрения интересов рабочих масс в своей повседневной политике и работе. Этот момент мы рассматриваем как глубоко отрадный и для рабочего класса нашей страны, и для партии, и для нас лично.

Видя это явление мы испытываем глубочайшее удовлетворение наших стремлений к тому, чтобы сделать нашу партию действительно партией рабочих. Какие бы элементы рабочих это движение ни захватило, мы во всем видим благо.

Пусть это будут не наиболее сознательные элементы, это нас нисколько не тревожит. Наоборот, это нас утверждает в гораздо больших надеждах на то, что партия именно под давлением этих наименее, быть может, сознательных элементов, но зато более широких, скорее встанет, вынуждена будет встать на почву такой политики, которая более сроднит ее с рабочими интересами, так как непосредственные интересы именно этих элементов – есть интересы рабочих масс, и их непосредственное давление в большей степени способно обеспечить непосредственные интересы сегодняшнего дня, чем давление наиболее сознательных кругов этих масс.

Это вступление не может не оказать влияния на хозполитику партии. Закрыть завод при 10–15 коммунистах из 500 человек, например, гораздо легче, чем проделать это при 150–200 человек, даже 60–100 человек из той же массы. Уже этого одного достаточно, чтобы глубоко порадовать нас. Нужно только, конечно, не дать сбить себя на ту пошлость, которую в связи с этим явлением выдвигают, полагая, что вся эта масса рабочих ринулась в партию, "чтобы учиться ленинизму", и что для нее нужно немедленно построить как можно больше "партлекций, курсов, школ и т. п. и т. д.", в этакой встрече нужно видеть прямую опасность, могущую немедленно же вытолкнуть из рядов партии не только вступающих ныне, но чего доброго и тех, что были в партии раньше.

Теперь о результатах дискуссии.

Как самый вопрос о "новом курсе", так дискуссия и ее исход ни в какой степени в основном не были связаны со смертью Ленина. Возник этот курс задолго до какого бы то ни было предположения о возможной кончине Ленина, как и самый ход дискуссии, даже до Всероссийской конференции.

Значит ставить в связь все эти события невозможно. На Ваш главный вопрос – "неужели все сошло на нет", вы найдете ответ в нашей статье в "Правде" от 18 января 1924 года, где мы ясно изложили, чем определялось то обстоятельство, что со времени Десятого съезда рабочая демократия была похоронена в недрах ЦК. Еще большее пояснение этого Вы найдете в стенограмме доклада тов. Шляпникова.

Все это кажется так просто и ясно, что как будто и нет надобности особенно разъяснять это обстоятельство.

Мы усматриваем, что уже к Десятому съезду наша партия стала настолько социально разнородной, что едва не распалась в результате ожесточенной дискуссии. Это первое. Второе, это то, что и на самом съезде и после съезда ЦК поставил себе задачей во что бы то ни стало сколотить единство партии, вне которого, понятно, угрожала бы возможность новой гражданской войны. Третье, – единственная фракция, которая имела будущность в рабочем классе, это была фракция "рабочей оппозиции", поэтому-то все бичи и скорпионы, обусловленные тайными пунктами резолюции о "единстве" были направлены именно против сторонников "рабочей оппозиции", против сторонников необходимости решительного ограждения непосредственных интересов пролетарских масс нашей страны.

Четвертое, – мог ли ЦК при таких условиях проводить внутри партии принципы рабочей демократии? Конечно нет. Проведение этих принципов поставило бы его на другой же день перед фактами сплочения вокруг "рабочей оппозиции" рабочих элементов партии и сделало бы абсолютно невозможной ту хозполитику, которую он наметил на самом съезде и которая в дальнейшем принимала такой характер, что была прямо направлена против интересов этих масс, ну хотя бы в вопросе о золотом, хлебном и других займах.

Проведение принципов рабочей демократии не позволило бы провести и той "концентрации", то есть сокращения хозяйства, которая стала основным содержанием политики ЦК уже с того времени.

Вот все это, с одной стороны, а с другой, – подавляющий мелкобуржуазный состав самой партии, который может быть активным сторонником буржуазной демократии, но не рабочей демократии, то есть такой демократии, которая не только гарантирует активное участие в партийной деятельности каждому члену партии, но и обязует еще направлять эту деятельность в сторону интересов рабочего класса, пропитывать ее духом и интересами рабочих. Вот эти два основных условия и определили тот факт, что резолюция Десятого съезда, несмотря на наличие в ней существенных ограничений принципов рабочей демократии, осталась все-таки неосуществленной.

Спросите себя, изменилось ли какое-либо из этих условий существенно. Если изменилось, то в каком направлении, и тогда Вы дадите себе ясный ответ на Ваш "неужели". Сейчас это обстоятельство, как обухом, ударило все рабочие элементы заводов и вузов, которые поддерживали весьма энергично в некоторых местах "сентябрьскую оппозицию". Теперь им пришлось горько разочароваться в своих иллюзиях

и относительно возможности проведения рабочей демократии при современном составе партии и относительно "сентябрьской оппозиции". Но все разочарование и горечь есть ведь лишь результат их иллюзий, а не чего-либо другого. Было бы печально, если бы и Вы поддались такого рода иллюзиям и пожали бы разочарование в них.

Мы уверены, что Вам нетрудно будет теперь, на основании всех материалов, разрешить все вопросы относительно и пройденного периода и настоящего.

На этом надо кончить и мне свое письмо.

Собрался я писать кратко, на деле вышло, как видите, целая брошюра, но если все это поможет выяснению неясных еще до сих пор вопросов, я не стану сожалеть, что целых два дня писал Вам это письмо.

В заключение этого письма я выражаю наше горячее пожелание, чтобы Вы прочнее связались с теми новыми рабочими кадрами, которые несомненно в Вашем районе отзовутся на Всероссийское явление вступлением рабочих в партию.

Если бы не все было выяснено и после этих писаний, не упускайте удобного случая снестись, тогда можно будет сообщить что-либо и дополнительно.

С коммунистическим приветом от всех нас (подпись)
(Медведев)

Еще последняя просьба – настоятельная и горячая.

Если бы это письмо Вам было нужно сохранить, хотя бы в течение некоторого времени, сделайте, пожалуйста, все возможное, чтобы перепечатать его для себя на машинке, а подлинник этот верните мне во что бы то ни стало. Письмо это писал не сразу. Этим и объясняется некоторая небрежность, вызывающая исправления. Во время самого писания сто раз отрывали, перебивали и тому подобное, так что Вы уж сами находите, какая и куда вставка относится. Переписывать письма не могу. Повторяю, постарайтесь вернуть мне его во что бы то ни стало и, по возможности, в непродолжительном времени.

[20-ые числа января 1924 г.]

ОБМЕН ЗАПИСКАМИ МЕЖДУ КРАСИНЫМ И ТРОЦКИМ

Тов. Красину

Вы к Доброхиму имеете отношение? Намерены иметь?

Троцкий

Формального участия не принимаю, ввиду абсолютной невозможности из-за перегрузки бывать на заседаниях etc. По существу всецело сочувствую и готов помогать, где надо, тем более, что сам я бывший химик. Не знаю сейчас, где и в чем конкретно помощь эта могла бы выразиться. Готов на эту тему сговариваться.

Красин

[1924]

Дальнейшее увеличение предусмотрено на 20 миллионов.

Весь вопрос, как фактически пойдет закупка хлопка. Сезон кончается, и на рынке обозначается нехватка хлопка. Ближайшие 2–3 недели покажут, сможет ли нам хлопковый рынок дать не на 20, а на 30 миллионов рублей хлопка.

* * *

Переговоры о шерсти, идущие сейчас, должны выяснить, насколько нам удастся добиться кредита.

В зависимости от этого определятся добавочные суммы на кожу, сахар, может быть, электротехнический материал.

Через один-полтора месяца вся кампания выяснится уже в полном объеме.

[*Красин*]

14 мая 1924 г.
СТО

Л. Б.,

Внесите предложение о допущении целевых краткосрочных кредитов, под векселя хозяйственно обеспеченные.

Троцкий

17 мая 1924 г.
СТО

Я думаю, у Пятакова в ВСНХ и Промбанке такой список, как первое приближение, составить можно.

Запросами же ЭКОСО можно было бы уловить и случаи вроде Позерновской Золы.

Недели в 3–4 всю работу можно бы сделать.

[*Красин*]

17 мая 1924 г.
СТО

Каждая иностранная фирма специализируется на одном каком-либо деле: золото, пушнина, нефть и так далее.

Политически в Правление Универсального Общества нельзя и незачем пускать иностранцев.

Экономически каждая иностранная фирма сама интересуется не всеми возможностями, а лишь какой-либо определенной отраслью.

[Красин]

2 июня 1924 г.
пленум ЦК

В ближайшем будущем обострение отношений между Америкой и Англией я считаю невероятным.

Вы не можете себе представить, до какой степени провинциальны американцы в вопросах международной политики. Они еще долго не посмеют ссориться с Англией.

Красин

Л. Б.,

Вы ошибаетесь, думая, что Соединенные Штаты будут в ближайший период следовать за Англией.

Наоборот, надо ждать серьезного обострения отношений между Англией и Соединенными Штатами, ввиду возвращения Соединенных Штатов на мировой рынок.

Троцкий

18 июня 1924г.

Факт, однако тот, что:

1) Самая идея не Ст[омонякова], а Литвинова.

2) Никому, кроме меня и Крест[инского] он об этом не сообщал.

3) Сам Клейнов (?) документировал в своем письме, что идея шантажа, подсовыв[анне] Стомон[якова] такой угрозой, идет от Мальцана.

В основе же всей историн (вполне по Марксу), интересы группы Шлейзнигера Die Orientbank Alexander'a н Мальцана, которые спят и видят, вместо Стомон[якова], Старкова н Кр[естннского] видеть послом нлн minimum торгпредом Коппа.

* * *

У меня есть несколько концессионных вопросов, привезенных из Парижа. Когда н где можно будет с Вамн переговорить?

Кр[асин]

18 июня 1924 г.

Вчера создана СНК особая emergency комнссия по борьбе с последствнямн засухи etc.

[Красин]

25 июня 1924 г.
СТО

Я вообще думаю, что особой (1001-й) комиссин не надо создавать, а надо бы: 1) возложнть на Осполком СТО обязанность борьбы с последствнямн неурожая.

2) Усилить для этой целн личный состав Осполкомов введением, вдобавок к тройке, Свидерского, Халатова н Попова.

3) Использовать всю органнзацию Осполкомов н, что особо важно, — ячейки местные, с которымн она связана.

4) Еслн по ходу дела выявилась бы необходимость прнвлечения Военведа, то можно было бы ввести седьмого члена.

* * *

Цюрупа с этим согласен, еслн к этому присоедннится н Рыков, я поставлю вопрос о пересмотре постановлення СНК.

[Красин]

26 июня 1924 г.
СТО

Я не пойму: какое место заннмают в этих операциях ассигнованные Вам на покупкн 50 мнллнонов рублей нностранной валютой.

Троцкий

Очевндно, Госбанк считает этн 50 мнллнонов инвалюты нзрасходованными (как внеплановую операцию), то есть это похоже на то, что у нас нет нн рублей, нн валюты.

[Красин]

С какой постепенностью поднимается завеса работы Госбанка. А при Шейнмане мы абсолютно не могли добиться никаких отчетов.

[*Красин*]

2 июля 1924 г.
СТО

Сегодняшнее постановление о Стомонякове решает его участь: мы теряем первоклассного и преданнейшего работника, лучше, чем Копп.

[*Красин*]

3 июля 1924 г.
П/Б

Насчет материалов подумаю; пока не приходит в голову, а заметку на днях пришлю.

[*Красин*]

9 июля 1924 г.
СТО

Вчера у меня было заседание Осполкомсто, и я никак не мог вырваться, будучи председателем.

[*Красин*]

12 июля 1924 г.
СТО

Больших мошенников, чем английские юристы и хваленый английский суд нет на свете!

*　　*　　*

Видели ли Вы это письмо? Мне редакция кажется недостаточно осторожной и могущей подать повод к превратным толкованиям.

*　　*　　*

Только внезапная болезнь жены Крестинского могла бы еще быть предлогом.

[*Красин*]

12 июля 1924 г.
П/Б

Словесный пулемет.

[*Красин*]

18 июля 1924 г.

Это так н есть: еслн предприятне нз года в год с малым капиталом увеличнвает свон обороты, завоевывает все новые н новые кредиты, открывает с успехом новые отраслн экспорта, не зарываясь притом в рнскованные операцни, это н значит, что данное предприятне здоровое. Секрет тут в том, что самый важный момент в торговом предпрнятнн – это органнзация и людн, умеющие торговать. Так н образовывалнсь буржуазные торговые дома: часто начиная с медного пятака, через 5 лет кулак ворочал миллнонамн. Момент личной инициативы, уменья, проворства здесь превалнрует.

[*Красин*]

18 июля 1924 г.
СТО

Это какая-то амеба с нулевым обращеннем жнзненных соков.

* * *

Оборудованне бумажных фабрнк устарело, работает дорого. Целлюлозных н древесномассных заводов – нет.

* * *

Нефтяное оборудованне (буренне н тартанне) нн черта не стоит. (Чья-то пометка снним "не в Грозном" – *Л. Т.)*. Храннть нефть в наших резервуарах нельзя. Газов улавливать не можем. Перегонные заводы – сплошь железный лом, нефтепроводы не существуют. Флота для перевозок не нмеем. Как тут дешево работать н как конкурнровать с Амернкой?

* * *

Лесопилкн нашн в техническом отношеннн втрое хуже шведскнх, н это почтн повсюду.

[*Красин*]

21 июля 1924 г.
СТО

Увелнченне пронзводительностн труда в государственном масштабе есть в первую н главную очередь – вопрос раднкального переоборудования всей почтн промышленности.

Наши орудия пронзводства уже не способны дать дешевый продукт, даже прн хорошем управлении.

Без займов н без радикального изменения концессионной полнткн вопрос неразрешнм.

Красин

Это иеверно. У иас еще огромный запас для расширеиия и улучшения производства.

[чья-то приписка]

24 июля 1924 г.
СТО

ЗАПИСКА ГЛАЗМАНУ

Копия Ленцнеру

Мие нужиа следующая справка:

а) в большевнстской газете "Новая жнзиь" (1905 г) в Обзоре печати даиа была краткая оцеика моей статьи об октябрьской стачке: иасколько помию, оцеика хвалебиая;

б) в "Начале" (1905 г.) в Обзоре печати я дал отзыв о той полемике, которую Леиин вел против тех большевиков, которые требовали раскола С. Петербургского Совета.

Троцкий

26 июля 1924 г.

СПРАВКА

"Новая жизиь" № 13 от 15 иоября 1905 г.

Русская печать

Вышел первый иомер "Начала". Приветствуем товарища по борьбе. В первом номере обращает иа себя виимание блестящее описание иоябрьской стачки, прииадлежащее тов. Троцкому.

"Начало" № 3 – 1905 г.

Обзор печати

Тов. Леиин горячо комментирует в "Новой жизии" постаиовлеиие Совета Рабочих Депутатов от 14 иоября.

"Совет Рабочих Депутатов, следуя указаниям представителей социалдемократии, решил раскрыть перед рабочими заговор коитрреволюции и предостеречь петербургский пролетариат, чтобы ои ие дал заманить себя в ловушку. На вызов к борьбе в одиночку ои ответил призывом к объединеиию борьбы по всей России, он ответил немедленными мерами к укреплеиию союза революционных рабочих с революционным крестьянством, с теми частями армии н флота, которые иачииают восстание во всех концах России. Вот в чем состоит громадное значеиие постановлеиия Совета Рабочих Депутатов".

Пленум ЦК РКП (б)
25—27 октября 1924 г.
Стенографический отчет

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДАМ тт. КАМЕНЕВА И СОКОЛЬНИКОВА
(заседание второе)

О водке

Троцкий. Товарищи, мне не совсем ясно, как быть с частным вопросом, который вошел в доклад тов. Сокольникова, о том, что Совнарком постановил увеличить градус наливок на 10°. В партийном порядке этот вопрос не обсуждался. Очевидно, что это сообщение, если оно будет просто принято, тем самым будет утверждено. По-моему, нужно выделить этот вопрос, поставить его отдельным пунктом, что ли, но так или иначе его нужно обсудить, ибо он имеет колоссальное значение. Во всяком случае, дело идет по существу о подготовке государственной продажи водки. Хотя тов. Сокольников сказал, что это не имеет ничего общего с вопросом о водочной монополии, что это лишь повышение градуса наливки с 20° до 30°, но так как водка имела 40°, то эти наливки в 30° стоят посередине между той наливкой, которая была до сих пор, и той монопольной водкой, о которой давно уже идет речь, и, по-моему, вопрос необходимо обсудить. Конечно, этот вопрос можно выделить из общих прений. Я сперва хотел записаться по этому вопросу, но опасался, что он клином врежется в прения другого порядка, ибо это вопрос специфический. Но мимо этого вопроса пройти нельзя.

* * *

Я хотел сделать лишь несколько замечаний. Вопрос решался, мне кажется, не обычным порядком.

Вопрос, который врезается в жизнь широких масс, этот вопрос в партийном порядке до сих пор не обсуждался. Правда, он поднимался несколько раз, но оставался без разрешения, в то время, как в советском порядке он постепенно все дальше продвигается вперед.

Я думаю, что такой порядок неправилен, так как, независимо от того, как члены ЦК к этому относятся, самый поворот назад представляет теперь затруднения, если бы ЦК решился повернуть назад. Создается положение, когда мы оказываемся перед совершившимся фактом. И ясно, что разделение вопроса о наливках в 30° и вопроса о водке неправильно и несерьезно. Ясно, что здесь мы имеем метод постепенного, незаметного внедрения государственной водки, без единовременного решения этого вопроса.

Опять-таки этот метод и с точки зрения хозяйственной наиболее вредный, потому что, если решиться на эту меру (которую я считаю опасной и вредной), если решиться на нее, то провести ее надо имея перед глазами всю карту Союза, сообразуясь с тем, где и как из этой вреднейшей меры извлечь, с одной стороны, фискальную выгоду, а с другой стороны, постараться свести к минимуму вредные ее тенденции и результаты.

Так, в частном разговоре с условными сторонниками этой вредной и

Так, в частном разговоре с условными сторонниками этой вредной и недопустимой, по-моему, меры, мне пришлось слышать, что можно будет проводить эту меру в крестьянских районах, например, в Сибири, а что в городах проводить не будем. Я возражал против этого с той точки зрения, что если мы это сделаем в маленьком масштабе, как на Дальнем Востоке, то это не даст серьезной выгоды, а если мы это сделаем в большом масштабе, то, так как крестьянские районы у нас доминируют, водка зальет неизбежно и городские районы.

Во всяком случае, эту меру возможно было бы обсуждать только как плановую меру широкого масштаба.

А сейчас мы имеем кустарный подход.

Голос с места. Надо лимиты установить.

Троцкий. Даже лимиты на хлеб представляют некоторые затруднения, как здесь указывали товарищи. Я не знаю, имеются ли реальные лимиты на наливку.

Во всяком случае, мы стоим сегодня перед таким положением, когда у нас деревня пьет самогон. Наливка, говорят нам, это средство борьбы с самогоном. Насколько средство это реально?

Голос с места. Реально.

Насколько оно реально, в это я совершенно не верю. Одно из двух, либо мы захотим иметь серьезный доход, то есть производя дорого, захотим еще дороже продавать, – тогда крестьянин предпочтет самогон; а если захотим конкурировать с самогоном, тогда побудительный фискальный мотив у нас будет отсутствовать. В период, когда мы ведем очень острую, очень ответственную кампанию за поднятие производительности труда, не имея возможности предварительно поднять заработную плату, в это время легализировать наливку, равную водке, значит врезаться в заработную плату рабочего. Конечно, можно будет представить себе, что через три-четыре-пять лет, если продукция расширится, себестоимость понизится, аппарат борьбы с самогоном улучшится, тогда мы завоевание в деревне алкогольного рынка сможем совершить, то есть государство будет продавать этих наливок, скажем, на 50% всего потребления алкоголя. Но ведь эта мера особенно важна для нас не через пять лет, а в нынешний острый период. Между тем, в этот период фискальные результаты от этой меры ничтожны и, прежде всего, результаты эти будут за счет заработной платы рабочего. Вопрос этот ни в печати, ни партийным путем не был обсужден. В печати этот вопрос был одно время поставлен, но обсуждение было прервано, и вопрос этот на обсуждение Политбюро не передавался, не поступал. Я, по крайней мере, в таком обсуждении совершенно не участвовал. Я считаю постановление СНК абсолютно неправильным. Я думаю, что надо эту меру приостановить и обсудить в партийном порядке; ведь партии придется выносить эту меру на своих плечах, если мы эту меру введем. Обсуждение этой меры в партийном порядке, на партконференции, является абсолютно необходимым.

Сводный текст документов Т2967 и Т2968. Заголовок "О водке" дан Л. Троцким. В верхнем левом углу документа рукописная пометка: "Использовано. Сермукс". – *Прим. сост.*

НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ *

Цель этого объяснения

В дискуссии, ведущейся ныне по поводу моей книги "1917" (книга, как ясно из хода дискуссии, явилась только поводом), поставлено множество вопросов фактического, принципиального и личного характера. Я хочу здесь дать объяснения по поводу тех вопросов, которые, насколько я понимаю, больше всего задевают интересы партии.

1. Верно ли, что я под скрытым знаменем "троцкизма" провожу ревизию (пересмотр, переделку) ленинизма?

2. Верно ли, что я написал предисловие к своей книге "1917" под особым, "троцкистским" углом зрения и даже ложно осветил ряд вопросов с целью умалить ленинизм?

3. Верно ли, что мое предисловие есть "платформа", и что я вообще ставлю себе задачей создание в партии "правого крыла"?

Разумеется, дело идет не только о том, что я хотел сказать, но и о том, как сказанное было понято. Можно ведь подойти к вопросу так: Троцкий не стремится сознательно подменить ленинизм троцкизмом: обвинять его в этом было бы слишком уж неосновательно. Но Троцкий не понимает ленинизма или отдельных важных сторон ленинизма: поэтому, не желая того и не стремясь к тому, Троцкий на деле искажает ленинизм и создает идейную платформу для группировки, непримиримой с ленинизмом. Можно, с другой стороны, допустить или предположить, что условия прошлого, тяжелая обстановка, сложившаяся со времени смерти Ленина, а также те или другие личные обстоятельства создали известную предвзятость, которая заставляет видеть "троцкизм" там, где его нет, или где – самое большее – имеются неизбежные оттенки мысли на общей основе большевизма.

Какую цель может и должно преследовать в этих условиях мое объяснение перед партией?

Во-первых, мне кажется, надо разъяснить, что именно я хотел сказать, и, во-вторых, устранить неправильные толкования, если они имели место, хотя бы только по важнейшим вопросам. Таким путем можно попытаться убрать прочь, по крайней мере, мнимые разногласия, основанные на недоразумениях или на предвзятом истолковании. Это одно дало бы крупный

---

* В левом верхнем углу рукописи написано рукою Троцкого: "Единственный экземпляр. Не было напечатано". Книга Троцкого о 1917 годе, о которой идет речь, содержала в виде предисловия статью Троцкого "Уроки Октября", подвергшуюся немедленной и резкой критике со стороны Г. Зиновьева, Л. Каменева, Э. Квиринга, О. Куусинена, Г. Сокольникова, И. Сталина, а также редколлегии "Правды" (Н. Бухарина). См. Об "Уроках Октября". Рабочее издательство "Прибой", Ленинград, 1924. В ответ на эту критику Троцкий и написал статью "Наши разногласия", однако публиковать ее не стал, возможно, побоявшись новой волны критики в свой адрес. В рукописи, хранящейся в архиве Троцкого, после с. 35 идет с. 43. – *Прим. сост.*

плюс, потому что помогло бы обнаружить, есть ли действительно какая-либо серьезная, реальная основа под главным, решающим обвинением, будто я – сознательно или бессознательно – противопоставляю ленинизму особую линию троцкизма. Если бы и после устранения недоразумений, частных ошибок, предвзятых толкований и прочего обнаружилось все же, что такие две разные линии существуют, тогда, конечно, ни о каком замазывании этого важнейшего обстоятельства не могло бы быть и речи. Партия должна ценою каких угодно усилий и суровых мер обеспечить единство своего революционного метода, своей политической линии, своих традиций – единство ленинизма. В этом случае было бы неправильно зарекаться и от "репрессий", как делали некоторые товарищи, обвинявшие меня в то же время в проведении особой, небольшевистской линии. Однако, в такой исход я ни на минуту не верю, несмотря на то, что дискуссия зашла очень далеко и несмотря на то, что определенное истолкование моей книги и моей позиции уже дано партии.

Моя задача в этом объяснении – попытаться показать, что для выдвигания призрака "троцкизма", как партийной опасности, оснований нет. Разумеется, я не могу охватить все те крайне многочисленные доводы, ссылки, цитаты, намеки, которые были приведены товарищами, писавшими за последнее время о "троцкизме" и против "троцкизма". Идти по этому пути было бы нецелесообразно да и прямо неосуществимо. Я думаю, что для существа вопроса и для читателя будет выгоднее, если я буду исходить из разъяснения тех выводов моего предисловия, которые были объявлены наиболее ярким или очевидным проявлением "троцкизма" и которые именно поэтому и послужили точкой отправления для всей нынешней кампании. Я надеюсь на наиболее спорных вопросах показать, что в истолковании Октября я руководствовался не только методом ленинизма, но и оставался в полном согласии с совершенно точными и конкретными оценками и выводами Ленина по тем же вопросам.

Ограничиться, однако, только такими разъяснениями нельзя. Дело в том, что самое обвинение в "троцкизме", если бы его основывать только на моих заявлениях, речах и статьях последних лет, показалось бы слишком уж неубедительным. Для того, чтобы это обвинение получило вес и значение, привлекается мое политическое прошлое, то есть моя революционная деятельность до того момента, когда я вступил в партию большевиков. Я считаю необходимым дать объяснения и по этому поводу. Таково основное содержание настоящей статьи.

Если бы я считал, что мои объяснения могут подлить масла в огонь дискуссии, – или если б мне это прямо и открыто сказали товарищи, от которых зависит напечатание этой работы, – я бы отказался от ее напечатания, как ни тяжело оставаться под обвинением в ликвидации ленинизма. Я бы сказал себе: мне остается ждать, что более спокойный ход партийной жизни даст мне возможность, хотя бы и с запозданием, опровергнуть неправильное обвинение. Но мне кажется, что открытое объяснение – то есть ответ по основному предъявленному мне обвинению – может в настоящий момент не сгустить, а, наоборот, разрядить атмосферу в партии, сведя вопрос к его действительным размерам.

В самом деле. Если бы действительно оказалось, что в партии проводится линия троцкизма против линии ленинизма, это значило бы, что дело идет о зародышевой борьбе разных классовых тенденций. Тогда никакие объяснения не помогли бы. Пролетарская партия сохраняет себя, очищая себя. Но если троцкизма на деле нет, если призрак троцкизма есть, с одной стороны, отражение дореволюционного прошлого, а с другой стороны, порождение мнительности, вызванной смертью Ленина; если призрак троцкизма нельзя на деле воскресить иначе, как извлекши из архива письмо Троцкого к Чхеидзе и прочее, – тогда открытое объяснение может помочь, может устранить старые накопленные предубеждения, может рассеять призраки, может очистить атмосферу партии. Именно такова цель настоящего объяснения.

Прошлое

Выше уже сказано, что предисловие мое к книге "1917" поставлено в дискуссии в связь со всей моей деятельностью и представлено, как выражение "троцкизма", стремящегося заменить собою ленинизм, в качестве партийной доктрины и метода партийной политики.

При такой постановке вопроса оказалось необходимым партийное внимание передвинуть в значительной мере с настоящего и будущего на прошлое. В партийный обиход введены старые документы, цитаты старой полемики и прочее. В числе таких материалов отпечатано, в частности, письмо, написанное мною тогдашнему социал-демократу (меньшевику) депутату Чхеидзе 1 апреля 1913 года, то есть почти двенадцать лет тому назад. Письмо это не может не произвести самого тяжкого впечатления на каждого члена партии, в особенности же на такого, который не прошел через испытания довоенной фракционной борьбы в условиях эмиграции, и для которого письмо поэтому является совершенной неожиданностью.

Письмо это написано в момент чрезвычайного обострения фракционной борьбы. Сообщать здесь подробности написания письма нет никакого смысла. Достаточно напомнить принципиальные причины, которые сделали возможным самый факт написания такого письма. Эти принципиальные причины состояли в том, что я занимал тогда в отношении к меньшевикам позицию, глубоко отличную от позиции Ленина. Я считал необходимым бороться за объединение большевиков с меньшевиками в одной партии. Ленин считал необходимым углублять раскол с меньшевиками, чтоб очистить партию от основного источника буржуазных влияний на пролетариат. Значительно позже я писал, что основная политическая моя ошибка состояла в том, что я не понял своевременно принципиальной пропасти между большевизмом и меньшевизмом. Именно поэтому я не понимал смысла организационно-политической борьбы Ленина, как против меньшевизма, так и против той примиренческой линии, которую я сам защищал.

Те глубокие разногласия, которые отделяли меня от большевизма в течение ряда лет и во многих случаях резко и враждебно противопоставляли большевизму, ярче всего выражались именно в отношении к меньшевистской фракции. Я исходил из той, в корне неверной перспективы, что развитие революции и давление пролетарских масс заставит, в конце концов, обе фракции пойти по одному и тому же пути. Поэтому я считал раскол напрасной дезорганизацией революционных сил. А так как активная роль в расколе принадлежала большевизму, ибо только путем беспощадного, не только идейного, но и организационного, размежевания Ленин считал возможным обеспечить революционный характер пролетарской партии (и вся позднейшая история целиком подтвердила правильность этой политики), то я в своем "примиренчестве" на многих острых поворотах пути враждебно сталкивался с большевизмом. Борьба Ленина против меньшевизма необходимо дополнялась борьбой против "примиренчества", которое нередко называлось "троцкизмом". Все те товарищи, которые читали сочинения Ленина, знают об этом. Смешно поэтому говорить, будто кто-то что-то здесь "скрывал". Мне, конечно, и в голову не могло бы прийти оспаривать теперь, задним числом, принципиальную правильность и величайшую историческую дальновидность ленинской критики российского "примиренчества", которое основными своими чертами сходно международному течению центризма. Я считал и считаю это настолько ясным и бесспорным для всякого члена партии большевиков, что самая мысль о дискуссии на этой почве, после того, что партией в этой области проделано, написано, усвоено, проверено и подтверждено, была бы просто нелепой.

Борясь, как сказано, против "генерального межевания" и раскола, я тем самым вступал вообще в ряд жестоких конфликтов с теми идейными и организационными методами, при помощи которых Ленин подготовлял, создавал и воспитывал нашу нынешнюю партию. Самое слово "ленинизм" в большевистской фракции тогда не существовало. Да и Ленин не допустил бы его. Только со времени болезни Ленина и особенно после смерти его, партия, как бы охватив сразу то гигантское творчество, каким была жизнь Ленина, ввела в свой обиход слово ленинизм. Слово это, разумеется, не противопоставляется марксизму, но оно включает в себя все то новое, чем обогатилась мировая марксистская школа, теоретически и практически, под руководством Ленина. Если же взять дореволюционную эпоху, то слово "ленинизм" употреблялось только противниками большевизма для характеристики как раз того, что они считали наиболее отрицательным и вредным в политике большевиков. Для "примиренца", каким был я, наиболее отрицательной чертой большевизма представлялось раскольничество, фракционная борьба, организационное межевание и прочее. Именно в этом смысле мною и применялось тогда, в моменты острой полемики, слово "ленинизм". Сейчас можно произвести большое впечатление на неопытного и неосведомленного партийца, спросив его: "а вы знаете, что такое, по Троцкому, ленинизм?" и затем прочитать ему из старых статей или писем фракционный выпад против ленинизма. Но это вряд ли правильный подход. Он рассчитан на

неосведомленность. Сейчас такие цитаты звучат для моего уха не менее дико, чем для уха каждого другого члена партии. Понять же их можно только из истории прошлого, то есть из истории борьбы между большевизмом и примиренчеством, – борьбы, в которой и историческая правота и победа были целиком на стороне большевизма. Более того, вся история деятельности Ленина свидетельствует, что понять его – не только, как политическую фигуру, но и как человеческую личность, – можно только, приняв его понимание истории, его цели, его методы и приемы борьбы. Нельзя оценить Ленина вне ленинизма. Нельзя оценить Ленина наполовину. Его политическая фигура исключает всякую половинчатость. Своим методом он заставлял всех либо итти с ним в ногу, либо бороться против него. Совершенно ясно поэтому, что для примиренчества, которое означает половинчатость в основных вопросах революции, самая фигура Ленина была чуждой и во многом непонятной. Борясь за то, что я считал тогда правильным – за единство всех фракций социал-демократии во имя мнимого "единства" рабочего движения, я тем самым не раз приходил на этом пути в столкновение с Лениным, как политической фигурой.

До тех пор, пока революционер не установил правильного отношения к основной задаче строительства партии и к методам ее работы, не может быть и речи о правильном, устойчивом и последовательном его участии в рабочем движении. Без правильного взаимоотношения между доктриной, лозунгами, тактикой и работой партийной организации не может быть революционной, марксистской, большевистской политики. Вот эту именно мысль Ленин не раз острополемически выражал в своих заявлениях, что мои революционные идеи или предложения представляют только "фразы", поскольку я, в своем примиренчестве, впадаю в противоречие с большевизмом, строящим основное ядро пролетарского движения. Прав ли был Ленин? Безусловно.

Без большевистской партии Октябрьская революция не могла бы ни совершиться, ни закрепиться. Стало быть, подлинным революционным делом было лишь то дело, которое помогало этой партии складываться и крепнуть. Всякая иная революционная работа находилась в стороне от этой столбовой дороги, не заключала в себе внутренних гарантий своей надежности и успешности, а во многих случаях приносила прямой вред главной революционной работе того времени. В этом смысле Ленин был прав, когда говорил, что примиренческая позиция, прикрывающая меньшевизм, превращает тем самым зачастую в фразу революционные лозунги, перспективы и прочее. Эта основная ленинская оценка центризма совершенно бесспорна. Было бы чудовищным поднимать по поводу нее дискуссию в большевистской партии. Во всяком случае, я, со своей стороны, для такой дискуссии не вижу никакого основания.

Перелом начался для меня в этом вопросе с началом империалистской войны. По всей той оценке, которую я неоднократно развивал с 1907 года, европейская война должна была создать революционную ситуацию. Но, вопреки ожиданиям, эта революционная ситуация привела к полному предательству социал-демократии. Я шаг за шагом пересматривал свою

оценку взаимоотношений между партией и классом, между революционным действием и пролетарской организацией. Под влиянием социал-патриотической измены международного меньшевизма я, шаг за шагом, приходил к выводу о необходимости не только идейной борьбы с меньшевизмом, что я, — правда, недостаточно последовательно, — признавал и ранее, но и непримиримого организационного раскола с ним. Этот пересмотр совершился не в один присест. В статьях и выступлениях моих за время войны можно встретить и непоследовательность и возвращение вспять. Ленин был совершенно прав, когда выступал против всех и всяких проявлений мною центризма, подчеркивая и даже преднамеренно преувеличивая. Но если взять весь период войны, как целое, то станет совершенно ясно, что ужасающее унижение социализма с началом войны стало для меня поворотным моментом от центризма к большевизму — во всех без исключения вопросах. И по мере того, как я вырабатывал себе более правильное, то есть большевистское представление о взаимоотношении между классом и партией, теорией и политикой, политикой и организацией, общий революционный подход к буржуазному обществу естественно наполнялся более жизненным, более реалистическим содержанием. С того момента, как для меня стала ясна безусловная необходимость смертельной борьбы с оборончеством, позиция Ленина повернулась ко мне своим лицом. То, что мне казалось "раскольничеством", "дезорганизацией" и прочее и прочее, предстало как спасительная и беспримерно дальновидная борьба за революционную самостоятельность пролетарской партии. Не только политические методы и организационные приемы Ленина, но и вся его политическая и человеческая личность предстали предо мною в новом свете — в свете большевизма, то есть в подлинном ленинском свете. Понять и принять Ленина можно, только став большевиком. Никогда после того вопрос о "троцкизме", как особом течении, не вставал предо мною. Никогда мне не приходило в голову ставить тот или другой вопрос под особым углом зрения "троцкизма". Неправдой, и при том чудовищной, является утверждение, будто я вступил в партию с мыслью заменять или подменять ленинизм троцкизмом. Я вошел в партию большевиков, как большевик. Когда Ленин, в беседе по поводу объединения межрайонцев с большевиками, ставил вопрос о том, кто еще из моих единомышленников должен, по моему мнению, войти в Центральный Комитет, я отвечал, что для меня этот вопрос политически не существует, так как я не вижу никаких разногласий, которые отделяли бы меня от большевизма.

Конечно, можно упрекать меня в том, что я ранее не подошел правильно к оценке меньшевизма. Это значит упрекать меня в том, что я не стал большевиком с 1903 года. Однако, никто по произволу не выбирает путей своего развития. Я шел к большевизму долгими и сложными путями. На этих путях у меня не было других интересов, кроме интересов революции и пролетариата. Я боролся с ленинизмом, когда был убежден, что ленинизм неправильно раскалывает рабочий класс. Когда я на опыте годов понял свою ошибку, я пришел к ленинизму. За этот сложный путь своего развития я несу, разумеется, политическую ответственность.

Все мое прошлое было, однако, полностью и целиком известно Центральному Комитету нашей партии и всем старым ее членам, когда я в мае 1917 года вернулся из Америки и предоставил себя в распоряжение большевистской партии. В этом прошлом были политические ошибки, но не было ничего, что налагало бы хоть малейшее пятно на мою революционную честь. Если я позже многих других товарищей пришел к ленинизму, то я пришел все же достаточно рано, чтобы в числе ближайших соратников Ленина принять участие в июльских днях, в октябрьской революции, в гражданской войне и в другой работе советских годов. Когда я однажды выразился (это вменяется мне в особую вину), что считаю свой путь прихода к большевизму не менее надежным, чем другие пути, то, я, разумеется, имел в виду индивидуальные интеллигентские пути, а не коллективный путь пролетарской партии. Я хотел этим сказать лишь то, что, насколько человеку дано судить о себе, мой путь привел меня к большевизму прочно и навсегда. Единственно для пояснения своей мысли я позволю себе привести исторический пример. Франц Меринг, известный немецкий марксист, пришел к Марксу и Энгельсу поздно и после большой борьбы. Более того, Меринг сперва подошел к социал-демократии, затем отошел от нее и лишь впоследствии примкнул к ней окончательно. Можно найти в старых архивах жестокие выступления Меринга против Маркса и Энгельса и уничтожающие отзывы Энгельса о Меринге. Во внутрипартийной борьбе Мерингу не раз впоследствии напоминали о его прошлом. Тем не менее Меринг пришел к марксизму прочно и до конца и умер, как основатель германской коммунистической партии.

Тов. Каменев с большой тщательностью подобрал все те ленинские цитаты, где вскрывалась ошибочность моей позиции. Полемические удары Ленина в течение ряда лет тов. Каменев превращает в мою законченную характеристику. У читателя должно, однако, возникнуть впечатление, что эта характеристика неполна. Так, читатель совершенно не найдет при этом ответа на вопрос о том, были ли в моей предшествующей (до 1914 и до 1917 годов) революционной деятельности только ошибки, или были в ней и такие стороны, которые сближали меня с большевизмом, вели к нему и привели к нему. Без ответа на этот вопрос характер дальнейшего моего участия в работе партии оставался бы совершенно необъяснимым. Наряду с этим, каменевская характеристика порождает неминуемо и вопросы другого, уже чисто фактического порядка. Неужели Ленин говорил и писал только то, что собрано у тов. Каменева? Неужели у Ленина не было других отзывов, уже на основании опыта годов революции? Неужели ныне, в конце 1924 года, правильно и добросовестно сообщать партии одни лишь отзывы дореволюционных годов, ничего не говоря об отзывах, выросших из совместной работы и борьбы? Вот вопрос, который неизбежно должен возникнуть у каждого серьезного читателя. Старые цитаты на этот вопрос не отвечают. Они порождают лишь вывод о тенденциозности и предвзятости.

Роль партии

Чтобы представить те или другие мои нынешние взгляды или статьи, как "троцкизм" и связать их для этого с прошлыми ошибками, нужно перешагнуть через многое и прежде всего через 1917 год. А для этого нужно доказать, задним числом, что я не понял событий 1917 года, что я по недоразумению примкнул без оговорок к апрельским тезисам Ленина, что я не понял роль партии в ходе переворота, что я игнорирую значение всей предшествующей истории партии и прочее и так далее. На событиях 1917 года этого никак нельзя, потому что участие мое в этих событиях никому не давало ни тогда, ни позже ни малейшего повода выдвигать против меня обвинение в проведении какой-то особой линии. Поэтому обвинение в троцкизме приурочено не к событиям и не к моему в них участию, а к моей статье, характеризующей некоторые уроки этих событий. Вот почему для всего обвинения меня в "троцкизме" приобретает огромное, можно сказать решающее значение вопрос о том, верно ли или неверно, будто я при освещении событий 1917 года искажаю ленинизм и противопоставляю ему иную, особую, непримиримую с ленинизмом тенденцию. Обвинение моих "Уроков Октября" в "троцкизме" становится, таким образом, основным узлом, который связывает воедино все построение "троцкистской" опасности в партии. Между тем, – и в этом суть дела, – узел, которым связано воедино все это искусственное построение, есть ложный узел. Достаточно серьезно прикоснуться к нему – и он рассыпается в прах. Только чрезвычайная придирчивость в союзе с еще большей предвзятостью могут дать повод толковать мои "Уроки Октября", как уклон от ленинизма, а не как внимательное и добросовестное применение ленинизма. Вот это я и хочу сейчас показать на главных вопросах спора.

Особенно поразительным, потому что слишком уж ложным, является утверждение, будто я в своем изложении октябрьского переворота, игнорирую партию. Между тем, центральная мысль предисловия и та задача, во имя которой оно написано, целиком построены на признании решающей роли партии в пролетарском перевороте. "Основным инструментом пролетарского переворота служит партия"(стр. XIV). Я иллюстрирую эту мысль на опыте поражений послевоенного революционного движения ряда стран. Наша ошибка, говорю и повторяю я, поскольку мы преждевременно ждали победы европейского пролетариата на исходе войны, состояла именно в том, что мы все еще недостаточно оценивали значение партии для пролетарской революции. Немецкие рабочие не могли победить ни в 1918, ни в 1919 годах, потому что у них не было основного орудия победы – большевистской партии. Я двукратно подчеркиваю в предисловии, что буржуазия при захвате власти пользуется целым рядом своих преимуществ, как класса, пролетариату же эти преимущества может заменить только революционная партия.

Если есть вообще мысль, которую я, со времени поражения германской революции, повторяю, подчеркиваю и развиваю с удесятеренной настойчивостью, так это именно мысль, что даже самые благоприятные

революционные условия не могут дать победы пролетариату, если им не руководит настоящая революционная партия, способная обеспечить победу. Такова главная мысль моего тифлисского доклада "На путях европейской революции" (11 апреля 1924 года), как и моих докладов "Перспективы и задачи на Востоке" (21 апреля 1924 года), "Первое мая на Западе и Востоке" (29 апреля 1924 года), "На новом переломе" (предисловие к книге "Пять лет Коминтерна"), "Через какой этап мы проходим?" (21 июня 1924 года) и прочее и прочее.* Так, в названной выше тифлисской речи, разбирая причины поражения германской революции, я говорю: "Почему же все-таки в Германии нет победы до сих пор? Я думаю, что ответ может быть только один: потому что в Германии не было большевистской партии и не было у нее вождя, какого мы имели в октябре... Не хватало партии с таким закалом, какой имеет наша партия. Это, товарищи, центральный вопрос, и из этого опыта должны будут учиться все европейские партии, и мы с вами должны будем учиться еще яснее и глубже понимать и ценить характер, смысл и природу нашей партии, обеспечившей пролетариату победу в октябре и ряд побед после октября". ("Запад и Восток", стр. 11). Повторяю, это основная, руководящая мысль всех моих докладов и статей, связанных с вопросом о пролетарской революции, особенно же после прошлогоднего поражения в Германии. Я мог бы привести десятки цитат, доказывающих это. Мыслимо ли допустить, что эту главную мысль, главный вывод из всего исторического опыта, особенно же из опыта последнего десятилетия, я внезапно забыл, устранил или исказил, работая над "Уроками Октября"? Нет, это немыслимо, и этого не было. Этого не было и в помине. Наоборот, все мое предисловие построено на том стержне, который я обрисовал в своем тифлисском докладе: "мы с вами должны будем учиться еще яснее и глубже понимать и ценить характер, смысл и природу нашей партии, обеспечившей пролетариату победу в октябре и ряд побед после октября". Разумеется, я не доказываю заново этой мысли, потому что этот "урок" октября считаю доказанным, проверенным, бесспорным и несомненным. Но именно мысль о решающей роли партии и ее руководства составляет стержень моего предисловия. Чтобы доказать это, надо было бы просто процитировать все предисловие, выделив жирным шрифтом его руководящие мысли. К сожалению, это невозможно. Мне остается только просить заинтересованного читателя прочитать или перечитать, под указанным углом зрения, предисловие с карандашом в руках, и в частности, обратить особое внимание на страницы: XII, XIII и XIV, сс. XLI, XLIII, XLVI, главу "Еще раз о Советах и партии в пролетарской революции" (стр. LVII). Здесь я ограничусь одним только примером. В заключительной главе предисловия я восстаю против всплывшей за последний год в нашей печати мысли о том, что в Англии революция может войти "не через ворота партии, а через ворота профсоюзов". Я говорю по этому поводу в своем предисловии: "Без партии, помимо партии, в обход партии, через суррогат партии пролетарская революция победить не может. Это есть главный

* См. в частности: Л. Троцкий, "Запад и Восток", Москва, 1924 г.

урок последнего десятилетия. Верно, что английские профсоюзы могут стать могущественным рычагом пролетарской революции; они могут, например, в известных условиях и на известный период даже заменить собою рабочие Советы. Но сыграть такую роль они могут не помимо коммунистической партии и тем более против нее, а лишь при том условии, если коммунистическое влияние в профессиональных союзах станет решающим. За этот вывод – относительно роли и значения партии для пролетарской революции – мы слишком дорого заплатили, чтобы так легко от него отказываться или только ослаблять его" (стр. IX). А меня как раз обвиняют в том, что я отказываюсь от него или ослабляю его! Достаточно, после всего сказанного выше, этой одной цитаты, чтобы показать, что мне приписывают, под именем "троцкизма", тенденцию, прямо противоположную не только духу и букве моего предисловия, но и всему моему пониманию пролетарской революции. С этой точки зрения указания на то, что я забываю или сознательно замалчиваю роль в перевороте Петроградского Комитета нашей партии, представляются уже совсем неуместной придиркой. Предисловие мое не есть рассказ о роли отдельных учреждений или организаций партии, не есть вообще изложение событий, а есть попытка выяснения общей роли партии в ходе пролетарского переворота. Я не излагаю фактов, а предполагаю их в общем и целом известными. Я исхожу из руководящей роли партии, разумеется, в лице ее живых и действующих организаций, – как из основного положения. Я не игнорирую и не замалчиваю то, что по ходу изложения предполагаю само собою разумеющимся. Никакие натяжки, никакие софизмы не смогут опрокинуть того факта, что центральное обвинение, выдвинутое против меня – в умалении значения партии – ложно в корне и находится в вопиющем противоречии со всем тем, что я на деле говорю и доказываю.

Столь же неправильны утверждения, будто в оценке партии я переношу внимание с партийной массы – на "верхи", на вождей. По этому поводу кое-где болтали даже о теории "героев" и "толпы". Но ведь вся суть дела в том, что, определив общее значение партии в ходе пролетарского переворота и определив это с такой категоричностью, к которой вряд ли что можно прибавить, – я ставлю особый, частичный, но исключительно важный вопрос о роли центрального руководства в период революции. Сюда, конечно, включается и так называемый вопрос о "вождях". Характеризуя работу Ленина в октябре, я дважды указываю, что сила его противодействия всяким шатаниям состояла в том, что он всегда мог в решающий момент опереться на "партийца-массовика". Если б я сводил всю проблему революции или хотя бы только всю проблему партийного руководства к вопросу о "вождях", это в корне противоречило бы марксизму. Но когда я, на основе марксистского определения роли партии в пролетарском перевороте, выдвигаю, как специальный, но крайне для революции важный вопрос о соотношении между руководящим центром партии, партией в целом и рабочими массами, то такая постановка вполне законна, а после прошлогоднего немецкого поражения – вдвойне обязательна. Об этом, впрочем, будет еще речь впереди.

Но, говорят мне, партия нужна не только для захвата власти, а и для ее удержания, для социалистического строительства, для международного маневрирования. Неужели же я об этом не догадывался. Суть, однако, в том, что перед европейскими партиями стоит еще во всем своем гигантском объеме задача овладения властью. На ней они должны сосредоточиться, ей подчинить все усилия. После захвата власти откроются новые трудности. Можно и здесь заранее сказать с уверенностью, что переход от победоносного вооруженного восстания к "органической" работе с ее по необходимости замедленным темпом будет неизбежно вызывать во всех или почти во всех партиях новый кризис – обособление недовольного левого крыла. В разных странах это будет, конечно, происходить по-разному. Но это опасность и трудность следующего этапа. С ней коммунизм справится: нужно только взять власть.

Такой же характер, то есть характер явно пристрастной, вымученной натяжки, имеет обвинение меня в том, будто в своем изложении уроков октября я игнорирую прошлое нашей партии, то есть историю ее до войны и до революции. Но уже сказано: весь ход моего изложения ведет к тому, что пролетариат не может использовать самой благоприятной революционной ситуации, если в предшествующий, подготовительный период авангард пролетариата не сложился в действительно революционную, то есть большевистскую партию. Это центральный урок октября. Этому уроку подчинены все остальные. Партию нельзя импровизировать для потребностей момента, то есть создать наспех для вооруженного восстания: это слишком неопровержимо обнаружилось на опыте европейского пролетариата после войны. Этим одним значение всей дооктябрьской истории нашей партии определяется полностью и целиком, даже если бы я непосредственно не говорил об этой дооктябрьской истории ни слова. Но на самом деле я вполне конкретно и точно говорю о тех условиях развития партии, которые подготовили ее для ее роли в октябре и после октября. Вот что сказано по этому поводу на 62 стр. предисловия: "История обеспечила нашей партии совершенно несравненные преимущества. Традиции героической борьбы с царизмом, навыки и приемы революционного самоотвержения, связанные с условиями подполья, широкая теоретическая переработка революционного опыта всего человечества, борьба с меньшевизмом, борьба с народничеством, борьба с примиренчеством, величайший опыт революции 1905 года, теоретическая проработка этого опыта в течение годов контрреволюции, подход к проблемам международного рабочего движения под углом зрения революционных уроков 1905 года, вот что, в совокупности, дало нашей партии исключительный закал, высшую теоретическую проницательность, беспримерный революционный размах". Где же тут "игнорирование" партии или ее дооктябрьской подготовки? Не только общий ход мыслей предисловия направлен на выяснение решающего значения подготовки и закала партии для пролетарского переворота, но имеется и совершенно точная, конкретная и, несмотря на свою кратость, почти исчерпывающая характеристика тех условий развития партии, которые сделали ее тем, что она есть. Разумеется, я не

рассказываю на страницах предисловия всей истории партии, потому что темой книги является не история партии, а октябрь, то есть определенный период в этой истории. Но я не знаю, что можно возразить против характеристики тех условий развития партии, которые обеспечили ей ее "совершенно несравненные революционные преимущества".

Но и это еще не все. Обвинение в том, будто я "замалчиваю" борьбу большевизма с той тенденцией, которую я лично в прошлом отстаивал, можно было бы вполне основательно отвести в данном случае тем соображением, что речь идет опять-таки не о предшествующей истории, не о борьбе против примиренчества до революции, а об октябре. Но и в таком доводе нет необходимости. Ибо в перечислении тех условий, которые сообщили нашей партии исключительный закал, высшую теоретическую проницательность и беспримерный революционный размах, у меня указаны не только борьба с меньшевизмом и народничеством, но и борьба с примиренчеством.

У меня нет нигде и намека на ту мысль, будто большевизм, каким он вышел из предреволюционной истории, нуждался в изменении своего существа посредством "троцкизма"; наоборот, у меня прямо сказано, что необходимой составной частью формирования большевизма была борьба с теми тенденциями, которые были известны под именем троцкизма. Другими словами, у меня сказано прямо противоположное тому, что мне приписывают. Без умаления мною роли партии, без игнорирования мною значения и смысла ее беспримерной дооктябрьской подготовки все построение возрожденной опасности троцкизма лишается главного своего устоя. Между тем, ни такого умаления, ни такого игнорирования у меня нет и в помине. Главная моя мысль, вокруг которой все остальное вращается, как вокруг своей оси, приведена выше, и я ее здесь снова повторяю: "мы с вами должны будем учиться еще яснее и глубже понимать и ценить характер, смысл и природу нашей партии, обеспечившей пролетариату победу в октябре и ряд побед после октября". ("Восток и Запад", стр. 11). Это есть мысль ленинизма. Я ее не подменяю и не разжижаю. Я ее отстаиваю и проповедую.

"Демократическая диктатура пролетариата и крестьянства"

Как обстоит дело с "троцкистским" пониманием роли партии, мы видели. Но мою критику ленинизма выводят еще и другими, при том двоякими путями. Во-первых, там где я характеризую "октябрьскую" позицию тов. Каменева и других товарищей, выступавших против восстания, я будто бы под видом критики тогдашних противников Ленина, борюсь с самим Лениным. Вторая линия моей критики ленинизма состоит будто бы в моем прямом изображении "ошибок" Ленина в октябре и моих будто бы поправок к этим ошибкам. Надо внимательно остановиться на этом вопросе.

В чем была суть октябрьских разногласий между тов. Каменевым и Лениным? В том, что тов. Каменев стоял за завершение буржуазной

революции под лозунгом демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, в то время, как Ленин, на основе уже развернувшейся буржуазной революции, подготовлял и призывал к социалистической диктатуре пролетариата, ведущего за собою деревенские низы. Таково самое существо двух тенденций в октябре. Ленин выступает со всей решительностью против каменевской постановки, отметая формулу демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, как пережившую себя. "Надо равняться, – говорит он, – не по старым формулам, а по новой действительности". Ленин спрашивает: "Охватывается ли эта действительность старобольшевистской формулой тов. Каменева: "буржуазно-демократическая революция не закончена"? "Нет, – отвечает он, – формула устарела. Она никуда не годна. Она мертва. Напрасны будут усилия воскресить ее". Значит ли это, что Ленин попросту "отрекался" от формулы демократической диктатуры пролетариата и крестьянства? Нет, нисколько. Такого отречения я ни мало не навязываю ему. Наоборот, я прямо говорю (стр. XVII), что Ленин, – в противовес всей шаблонно-западнической традиции русской социал-демократии, начиная с Группы Освобождения Труда, – дал своеобразию русской истории и русской революции политическое выражение в формуле демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, причем эта формула имела для него – как и все другие политико-тактические формулы – насквозь динамический, действенный и, следовательно, конкретно-обусловленный характер. Она была не догмой, а руководством к действию. Я спрашиваю в предисловии: осуществилась ли демократическая диктатура пролетариата и крестьянства в условиях революции 1917 года, и отвечаю, твердо опираясь на Ленина, что она осуществилась в виде полувластных рабоче-солдатских советов, которые не хотели полной власти. Ленин узнал свою формулу и в этой очень измененной и преломленной действительности. Он установил, что дальше этого половинчатого осуществления старая формула в данной исторической обстановке не пойдет. В то время, как противники захвата власти считали, что нам нужно "завершение" демократической революции, Ленин отвечал: все, что по "февральской" линии можно было сделать, уже сделано, уже осуществилось; старая формула уже пережила себя; нужно из развития действительности вывести новую формулу действия. Ленин обвинял своих противников в том, что они не узнали "демократической диктатуры" в том ее виде, в каком она осуществилась в условиях февральской революции. Уже с начала апреля Ленин неутомимо разъясняет: "Кто говорит только о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства", тот отстал от жизни, тот в силу этого перешел на деле к мелкой буржуазии против пролетарской классовой борьбы, того надо сдать в архив "большевистских" дореволюционных редкостей – можно назвать: архив "старых большевиков" (XIV, ч. 1, стр. 29). Ленин настойчиво повторяет, что его противники, противопоставляющие изжившую себя формулу потребностям революции, тем самым "сдаются беспомощно мелкобуржуазной революционности". Вот ленинская постановка вопроса. В таком именно виде я ее и излагаю. Почему моя солидаризация с Лениным, а не с тов. Каменевым, в этом краеуголь-

ном вопросе октябрьского переворота, оказывается ревизией ленинизма? Почему понятие ленинизма в отношении к октябрю охватывает Каменева, который принципиально противостоял Ленину, и исключает меня, который шел с Лениным? Не слишком ли гибким и услужливым становится тут слово ленинизм?

Чтобы построить подобие моста к такому совершенно неожиданному и невероятному противопоставлению ленинизма и антиленинизма в октябре, понадобилось изобразить дело так, будто я ошибку Каменева и других вижу в их большевистской последовательности; будто я говорю: "смотрите, вот эти товарищи действительно пошли до конца по пути ленинской формулы и попали в плен к мелкобуржуазной революции''. Но у меня не было и речи о том, будто ошибка октябрьских противников Ленина состояла в том, что они "последовательно'' применяли ленинскую формулу. Нет. Ошибка их состояла в том, что они относились к ленинской формуле не по-ленински, они не узнали своеобразного противоречия этой формулы в действительности: в том, что они не поняли переходного этапного характера формулы 1905 года; в том, что они, говоря словами Ленина, заученные формулы противопоставляли изучению действительности; в том, другими словами, что они понимали ленинскую формулу не по-ленински. Это констатировал сам Ленин и дал исчерпывающий анализ этой ошибки.

Все для той же цели, то есть для того, чтобы мою (вернее ленинскую) критику тов. Каменева и других превратить в критику мною ленинизма понадобилась цитата из моей статьи 1909 года, не из предисловия 1924 года, а из статьи 1909 года, где я говорил, что формула демократической диктатуры пролетариата и крестьянства угрожает на известном этапе революции обнаружить свои антиреволюционные черты. Да, я это писал в 1909 году в журнале Розы Люксембург. Статья эта вошла в состав моей книги "1905'', которая не раз переиздавалась после 1917 года и на русском и на иностранных языках, без протестов или возражений с чьей бы то ни было стороны, ибо все понимали, что статью надо брать в условиях времени, когда она писалась. Фразу из полемической статьи 1909 года нельзя, однако, вклеивать в предисловие 1924 года. Можно по поводу цитаты 1909 года с полным правом сказать, что когда я писал ее, я не отдавал себе отчета в том, что оспаривавшаяся мною формула имела для Ленина не самодовлеющий, а этапный, подготовительный характер. Такое обвинение будет правильным, и я его приму. Но ведь именно тов. Каменев и другие пытались – против Ленина – превратить эту динамическую формулу в догму и противопоставить ее потребностям развивающейся революции. Именно Ленин разъяснял им, что эта их позиция задерживает необходимое развитие революции. Я лишь конспективно и в крайне смягченной форме воспроизвел его критику и оценку. Как же отсюда мог получиться вывод в сторону ревизии ленинизма? При непременном желании привлечь к этому давно ликвидированному историей делу "троцкизм", можно было бы сказать по этому поводу лишь следующее: в предисловии Троцкий солидаризируется с ленинской постановкой вопроса о переходе демократической революции в социалистическую;

при этом, однако, Троцкий ничего не говорит о своем отказе от старой формулы перманентной революции; отсюда приходится сделать тот вывод, что Троцкий, на основании опыта революции 1917 года, истолковывает свою старую формулу в ленинском духе. Вот единственный вывод, который можно было бы сделать на этот счет – и то не на основании предисловия, где самый вопрос о перманентной революции не поднимается, как исторически ликвидированный, – а путем сопоставления предисловия со старыми моими работами, отражавшими разные политические этапы развития. И такой вывод был бы до известной степени правильным. То, что для меня было основным в формуле так называемой перманентной революции, это убеждение в том, что революция в России, начавшаяся, как буржуазная, должна будет неизбежно завершиться социалистической диктатурой. Если тактически-центристские тенденции, как я показал выше, отделяли меня от большевизма и противопоставляли ему, то основное политическое убеждение в том, что русская революция должна будет передать власть пролетариату, противопоставляло меня меньшевикам и через все этапы вело в лагерь большевизма. Но это, однако, стоит в стороне от занимающего нас вопроса. Во всяком случае я отвергаю, как нечто совершенно смехотворное, приписываемое мне мнение, будто Ленин или большевистская партия пришли к "моей" формуле революции, убедившись в ошибочности собственной формулы.

Я вынужден, однако, заранее признать, что можно, при желании, получить любые выводы по части подмены ленинизма троцкизмом, если пользоваться безразборчиво цитатами, относящимися к разным периодам на протяжении двух десятков лет, произвольно комбинируя эти цитаты, и особенно, если приписывать мне то, что я вообще никогда не говорил. Как известно, больше всего посчастливилось в этой дискуссии формуле "без царя, а правительство рабочее". Думаю, что не менее десятка авторов (и сколько ораторов!) приписывали мне друг за другом эту неправильную политическую формулу. Должен, однако, сказать, что популярную прокламацию под таким заголовком: "без царя, а правительство рабочее!" написал летом 1905 года Парвус, находившийся заграницей, тогда как я нелегально проживал в то время в Петербурге и ни в какой с ним связи не состоял. Прокламация эта вышла в заграничном издательстве за личной подписью Парвуса, и никем в России не перепечатывалась. Никогда я за эту упростительскую формулу Парвуса на себя ответственности не брал. Как раз в тот период я написал ряд прокламаций, из которых более существенные печатались в тайной бакинской типографии большевиков (лето 1905 года). Одна из таких прокламаций была специально адресована крестьянам. Ни в одной из этих моих прокламаций, в большинстве ныне розысканных, нет "перепрыгивания" через демократическую фазу революции. Все они выдвигают лозунги учредительного собрания и аграрной революции. Таким и подобным ошибкам в статьях, направленных против меня, несть числа. Останавливаться на этом нет, однако, надобности. Вопрос состоит ведь не в том, как я лично на разных этапах своего политического развития формулировал перспективы и задачи революции, а в том, правильно ли я ныне, в 1924 году, анализировал

ленинскую постановку основного тактического вопроса во внутренней связи с ходом октябрьской революции.

Никакой ошибки мне в этой области не указали. В теоретическом освещении октябрьского переворота я в полной мере остаюсь на основах ленинизма, как и в практическом проведении октября шел с Лениным.

Один из авторов умудрился даже заявить, будто я оцениваю октябрь... по Суханову и, в противовес этому, сослался на известную статью Ленина о книге Суханова. Ясно: троцкизм против ленинизма! Почтенный автор попал при этом пальцем в небо. 5 февраля 1923 года, то есть задолго до того, как мы узнали отзыв Ленина, я написал в редакцию "Правды" письмо, в котором, между прочим, так характеризую книгу Суханова: "Я перелистал на днях один из вышедших томов "Записок о революции" Суханова. Нужно дать об этой книге, мне кажется, уничтожающую рецензию. Более пошлую карикатуру на интеллигентский эгоцентризм трудно придумать... Сперва он (Суханов) ловил за ноги Керенского, поддерживал слева за локоть Церетели и Дана, внушая им самый что ни на есть благородный образ жизни, а затем – внушал правильный революционный образ действий большевикам. Суханов был ужасть как огорчен в своем благородстве, когда Ленин скрылся после июльских дней. Он, Суханов, так никогда бы не поступил"... И прочее и прочее. В "Правде" появилась тогда же рецензия, написанная в духе моего письма и даже со включением части его в рецензию. Читатель видит из этого, в какой мере я был склонен оценивать революцию "по Суханову"!..

Ленинизм и "бланкизм"

Теперь нам необходимо обратиться к обвинению, которое является в одно и то же время и наиболее чудовищным по замыслу и наиболее нелепым со стороны своего обоснования: я, видите ли, изображаю Ленина "бланкистом"(!!!), а себя – чуть ли не спасителем революции от ленинского бланкизма. Только полное полемическое ослепление могло подсказать такое обвинение.

Что послужило, однако, поводом для этих совершенно невероятных разговоров о "бланкизме"?

В сентябре, в дни Демократического Совещания, Ленин предложил из Финляндии, где он скрывался, Центральному Комитету окружить Александринку, где заседало Демократическое Совещание, арестовать его, занять Петропавловку и прочее. От имени питерского Совета в сентябре еще нельзя было провести этот план, так как организация Совета еще необольшевиченная, как следует быть, была для этого не приспособлена: Военно-Революционного Комитета еще не существовало. "Эта постановка вопроса,– так говорится в моей книге о сентябрьском предложении Ленина, – предполагала подготовку и совершение восстания партийным путем и от лица партии с тем, чтобы затем осветить победу через Съезд Советов." Почему-то некоторые товарищи сделали отсюда тот вывод, будто я считаю сентябрьское предложение Ленина – бланкизмом (!!!). Я совершенно не могу понять, при чем тут бланкизм? Под бланкизмом надо понимать

стремление захватить власть от имени революционного меньшинства, не опирающегося на рабочий класс. Но ведь вся суть положения в сентябре-октябре 1917 года состояла в том, что за нашей партией шло большинство трудящихся, и большинство это явно возрастало. Вопрос шел, следовательно, о том, чтобы Центральному Комитету партии, за которой идет большинство, взять на себя организацию вооруженного восстания, захватить власть, созвать съезд Советов и санкционировать, таким образом, совершившийся переворот. Говорить по поводу этого предложения о бланкизме, значит чудовищно исказить смысл основных политических понятий. Восстание есть искусство: задача восстания допускает несколько решений, из которых одни могут быть более удачными, другие менее удачными. Сентябрьское предложение Ленина имело то несомненное преимущество, что позволяло застигнуть противника врасплох, не давая ему возможности подтянуть верные части и перейти в контрнаступление. Неудобство сентябрьского предложения состояло в том, что оно могло до известной степени застигнуть врасплох не только врага, но и часть рабочих и гарнизона, вызвать в их рядах недоумение и тем ослабить наш натиск. Вопрос был важный, но чисто практический, не имеющий никакого отношения к принципиальному противоречию между бланкизмом и марксизмом. Центральный Комитет, как известно, не принял сентябрьского предложения Ленина и я голосовал в этом вопросе вместе со всеми другими. Дело здесь шло не об общем определении всего курса развития и не о противоречии между бланкизмом (!!!) и марксизмом, а о конкретной оценке совершенно практических, в значительной степени и технических условий восстания, политические предпосылки которого были налицо. В этом смысле я и упоминал о том, что Ленину пришлось чисто практические условия питерской обстановки оценивать "из подполья". Эти слова вызвали совершенно неожиданные протесты. Между тем, и в данном случае я лишь повторил то, что говорил и писал по этому поводу сам Владимир Ильич. Во время Третьего Конгресса Коминтерна он написал "в утешение" некоторым венгерским товарищам, которых накануне сам жестоко разделывал за чрезмерно "левую" позицию: "Когда я был в эмиграции, мне не раз приходилось занимать крайнюю "левую" позицию. В августе 1917 года, находясь опять в эмиграции, я представил ЦК нашей партии чересчур "левый" план, который, к счастью, был отвергнут. Совершенно естественно, что эмигранты часто идут "слишком далеко влево".* Мы видим, что Владимир Ильич называл свой собственный план слишком левым и объяснял его "левизну" тем, что он осужден был тогда на эмигрантское положение. Таким образом, я и здесь только изложил ленинскую оценку.

Тем не менее, этот отвергнутый ЦК план оказал положительное действие на ход событий. Ленин знал, что за осторожностью, осмотрительностью, вообще торможением недостатка не будет, и поэтому изо всех сил нажимал, стремясь каждого ответственного партийного работника и всех

* В этих строках описка: план, о котором говорится, был написан не в августе, а в сентябре.

вместе поставить лицом к лицу с вооруженным восстанием, как с совершенно неотложной практической задачей. Сентябрьское письмо Ленина, не имея ничего общего с бланкизмом (!!!), входило в его систему воздействия на партию, было целесообразным, заставляя конкретнее, тверже и смелее подходить к вопросам восстания.

В тесной связи с этим стоит другой существенный эпизод октябрьского переворота, именно попытка Керенского вывести петроградский гарнизон. Не потому я останавливаюсь на этом эпизоде, что имею прибавить что-либо новое к тому, что уже по этому поводу сказано, а исключительно по той причине, что мое изложение этого эпизода дало повод тов. Каменеву изобразить дело так, как если бы я свою "правильную" политику противопоставлял здесь "неправильной" (бланкистской) политике Ленина. Я не буду воспроизводить все те поистине отталкивающие выводы и намеки, которые на этот счет делались. Я перечитал соответственную часть своего предисловия, будучи, разумеется, заранее уверен, что там нет и намека на то, что мне приписывается. Но я нашел в предисловии нечто большее: там есть место, которое совершенно точно и резко исключает возможность какого бы то ни было лжетолкования насчет "особого" моего стратегического плана в связи с петроградским гарнизоном. Вот, что говорится в предисловии: "Придя в Петроградском Совете к власти, мы, большевики, точно продолжили и углубили методы двоевластия. Мы взяли на себя проверку приказа о выводе гарнизона. Этим самым мы прикрыли традициями и приемами легального двоевластия фактическое восстание петроградского гарнизона. Мало того, формально приурочивая в агитации вопрос о власти к моменту Второго съезда Советов, мы развивали и углубляли уже успевшие сложиться традиции двоевластия, подготовляя рамки советской легальности для большевистского восстания во всероссийском масштабе" (стр. 50). Таким образом, здесь самое изложение ведется никак уж не от личного имени, а от имени партии ("мы, большевики"). И затем, развитие борьбы вокруг гарнизона выводится вовсе не из чьего-либо плана, а из унаследованного нами от эсеров и меньшевиков режима двоевластия. Керенский хотел вывести гарнизон; этого по традиции нельзя было сделать без солдатской секции Совета, штаб обратился в президиум солдатской секции, но там уж прочно сидели большевики, возник конфликт, который получил свое дальнейшее развитие, чреватое столь важными последствиями для октябрьского переворота. Вот как, следовательно, рисуется у меня эпизод с гарнизоном, в полном соответствии с действительным ходом событий. Но и это еще не все. Как бы нарочно для того, чтобы исключить возможность каких бы то ни было ложных толкований тов. Каменева, я прямо говорю далее: "Если нам наша "хитрость" удалась на сто процентов, то это потому, что **она не была искусственным измышлением умничающих стратегов**, которые хотят обойти гражданскую войну, а потому, что она естественно **вытекала из условий разложения соглашательского режима**, из его вопиющих противоречий" (стр. 51). Таким образом, здесь самое слово "хитрость" взято в кавычки, чтобы показать, что это не чья-либо субъективная хитрость, а результат объективного развития отношений, выросших из

двоевластия. Предисловие прямо говорит, что тут не было "измышления умничающих стратегов". Таким образом, не только изложение ведется от имени партии, то есть ее представительства в Совете, но и прямо и ясно оговорено, что индивидуальная выдумка или личное хитроумие не имели здесь места. На чем же основано утверждение, будто я возвеличиваю здесь свою политику за счет Ленина? Решительно ни на чем. Разумеется, находясь в Финляндии, Ленин не мог видеть и знать этот эпизод в момент его зарождения и следить за ним на всех этапах его развития. Можно высказать предположение, что если бы Ленин знал своевременно и во всех подробностях, то есть на основании личных наблюдений, историю с петроградским гарнизоном, его тревога за ход переворота была бы, может быть, меньше. Но это нисколько не помешало бы ему, разумеется, развивать весь тот нажим, который он развивал. Он был безусловно прав, требуя, чтобы власть была захвачена до созыва съезда Советов, и именно благодаря его нажиму это было осуществлено.

"Комбинированный тип государства"

В центре октябрьских разногласий стоял вопрос о вооруженном восстании для захвата власти. Не поняв до конца ленинской постановки этого вопроса, нельзя, разумеется, понять и октябрьских разногласий. Между тем, я сейчас хочу показать на примере, играющем ныне в дискуссии первостепенную роль, что многие товарищи, обвиняющие меня в отступлении от ленинизма, на самом деле плохо знают Ленина и плохо продумали его постановку вопроса о захвате власти.

В предисловии я мимоходом упоминаю, что, выступив против захвата власти, авторы письма "К текущему моменту" оказались вынуждены занять приблизительно ту же позицию, которую в известный момент германской революции 1918–1919 годов занял тогдашний вождь независимой социал-демократии Гильфердинг, предложивший включить Советы в демократическую конституцию. Это мое сопоставление подверглось особо суровой критике. Меня обвиняли, во-первых, в том, что я совершенно неправильно и даже "недобросовестно" сблизил позицию тов. Каменева с позицией Гильфердинга; одновременно с этим мне доказывали, что и Ленин высказывался в духе сочетания Советов с Учредительным Собранием и что, стало быть, я опять ревизую ленинизм. Меня обвиняли в том, что я не понял того переходного момента, когда партия боролась за власть Советов, но в то же время еще не отказалась от Учредительного Собрания. Наконец, меня уличали в том, что и сам я, ведя агитацию за власть Советов, говорил о созыве Учредительного Собрания. Главное, однако, обвинение, как и во всех других случаях, состояло в том, что я позицию Ленина сблизил с позицией Гильфердинга: ревизия ленинизма, умаление ленинизма. Посмотрим, так ли это? Выяснение этого важнейшего эпизода бросит яркий свет и на вопрос о разногласиях 1917 года.

В самом деле, партия боролась тогда за власть Советов и в то же время — за созыв Учредительного Собрания. Один из наиболее популярных лозунгов агитации гласил, что без захвата власти Советами Учредительное

Собрание не будет созвано, а если и будет созвано, то станет орудием контрреволюции. Именно так ставился вопрос Лениным и партией: путь к Учредительному Собранию не через Временное правительство и Предпарламент, а через диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства. Учредительное Собрание не как расширенное издание Предпарламента, а как составная часть рабоче-крестьянского государства. В этом был гвоздь вопроса. Противники захвата власти противопоставляли ленинскому пути восстания — надежды на Учредительное Собрание. Они доказывали (см. письмо "К текущему моменту"), что буржуазия "не посмеет" сорвать Учредительное Собрание и не будет в состоянии подделать выборы в него. Они доказывали, что наша партия будет в Учредительном Собрании сильной оппозицией, имеющей, примерно, треть голосов. Это приводит их к следующей перспективе: "Советы, внедрившиеся в жизнь(?), не смогут быть уничтожены... Только на Советы может опереться в своей революционной(?) работе и Учредительное Собрание. Учредительное Собрание и Советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем". Таким образом, комбинированный тип государственности состоит в том, что власть через Временное правительство, Предпарламент и созванное им Учредительное Собрание остается в руках буржуазных классов. Мы играем роль оппозиции в Учредительном Собрании и в то же время остаемся руководящей партией Советов. Другими словами, здесь была перспектива продолжения двоевластия, которое было возможно в течение известного времени при профессиональных междуклассовых соглашателях, меньшевиках и эсерах. но стало абсолютно невозможным при том условии, что в Советах большевики в большинстве, а в Учредительном Собрании — в меньшинстве.

Разумеется, ленинская позиция не имела с этим ничего общего. Он говорил: сперва возьмем власть, потом созовем Учредительное Собрание и, если понадобится, скомбинируем его с Советами. В чем позиция Ленина отличалась от позиции авторов письма "К текущему моменту"? — В основном вопросе революции: в вопросе о власти. У Ленина и Учредительное Собрание и Советы являлись органами одного и того же класса, или союза неимущих классов (пролетариата и деревенской бедноты); вопрос о комбинировании учредилки с Советами получал для Ленина организационно-технический характер. У противников его Советы представляли один класс (пролетариат и бедноту), а Учредительное Собрание оставалось органом имущих классов. Держать курс на такой комбинированный тип можно было лишь исходя из фантастической надежды на то, что безвластные Советы будут "револьвером у виска буржуазии" и что буржуазия будет "комбинировать" с ними свою политику. Именно в этом и было сходство с позицией Гильфердинга, который, в период своего наибольшего левения, выступая против диктатуры пролетариата, предлагал ввести Советы в конституцию, как орудие давления на имущие классы, то есть как не стреляющий револьвер!

Или это все еще не ясно? Тогда обратимся к наиболее авторитетному для всех нас свидетелю и истолкователю. Обратимся к Ленину. Если б мои критики сделали это своевременно и внимательно, они оградили бы

читателей от большой путаницы. Раскроем XIV том и найдем там в "Письме к товарищам" (от 16–17 октября) следующие, поистине замечательные строки: "Тут не вывернуться нашим печальным пессимистам никогда. Отказ от восстания есть отказ от передачи власти Советам и "передача" всех надежд и упований на добренькую буржуазию, которая "обещала" созвать Учредительное Собрание. Неужели трудно понять, что при власти в руках Советов Учредительное Собрание обеспечено и его успех обеспечен? Это тысячи раз говорили большевики. Никто ни разу не пытался опровергнуть этого. Такой "комбинированный тип" все признавали, но протащить теперь под словечком "комбинированный тип" о т к а з от передачи власти Советам, протащить тайком, боясь отречься от нашего лозунга открыто, – что это такое? Можно ли подыскать для характеристики этого парламентские выражения? Нашему пессимисту ответили метко: револьвер без пули? Если да, то это прямой переход к Либерданам, которые тысячу раз объявляли Советы "револьвером" и тысячи раз обманывали народ, ибо Советы при их господстве оказывались нулем. А если револьвер "с пулей", то это и есть техническая подготовка восстания, ибо пулю надо достать, револьвер надо зарядить, да и одной пули маловато будет. Либо переход к Либерданам и открытый отказ от лозунга "вся власть Советам", либо восстание. Середины нет" (сс. 271–276). Когда читаешь эти поразительные строки, то кажется, что Ленин просто подает свой голос в нынешней дискуссии. Не дожидаясь ни чьих последующих разъяснений, Ленин заявляет, что под формулой комбинированного типа "протаскиваются" политические идеи прямо противоположные тем, которые он, Ленин, отстаивает. А когда я в своем предисловии в крайне смягченной форме повторил ленинскую характеристику "комбинированного государства", основанного на двоевластии, критики заявили, что я под флагом ленинизма протаскиваю... "троцкизм". Ну разве ж это не поразительно?! Разве ж здесь не вскрывается вся механика построения "троцкистской" опасности в партии? Если под "троцкизмом" (в старом, довоенном смысле) понимать примирение непримиримых по существу тенденций, то комбинированный тип государства, без захвата власти, можно с несомненным теоретическим правом подвести под "троцкизм" в указанном только что смысле слова. Только не я этот "троцкизм" проводил. И не я его ныне задним числом защищаю от Ленина.

Думаю и надеюсь, что вопрос теперь ясен. Во всяком случае, сделать его более ясным уж не в моих силах. Нельзя за Ленина сказать яснее, чем сказал за себя сам Ленин. А ведь меня корили тем, что даже комсомольцы поймали мою ошибку. Увы, вслед за некоторыми старшими товарищами, комсомольцы обнаружили лишь, что плохо читали или плохо поняли Ленина в основном вопросе октябрьской революции: в вопросе о власти.

Исчерпывающая весь наш спор ленинская цитата о "комбинированном типе" относится к середине октября, то есть написана им дней за десять до восстания. Однако Ленин и позже возвращался к тому же вопросу. С беспощадной теоретической ясностью Ленин формулировал позицию революционного марксизма в этом вопросе 26 декабря 1917 года, то есть

через два с половиной месяца после только что цитированного "Письма к товарищам" октябрьское восстание было уже далеко позади. Власть была уже в руках Советов. И, тем не менее, Ленин, который не имел склонности искусственно оживлять оставленные позади разногласия, если в этом не было безусловной необходимости, счел необходимым 26 декабря, то есть перед созывом учредилки, вернуться к спорному вопросу. Вот что мы читаем по этому поводу в его тезисах об Учредительном Собрании: "Всякая попытка, прямая или косвенная, рассматривать вопрос об Учредительном Собрании с формальной, юридической стороны, в рамках обычной буржуазной демократии, вне учета классовой борьбы и гражданской войны, является изменой делу пролетариата и переходом на точку зрения буржуазии. Предостеречь всех и каждого от этой ошибки, в которую впадают немногие из верхов большевизма, не умевших оценить октябрьского восстания и задач диктатуры пролетариата, есть безусловный долг революционной социал-демократии" (т. XV, стр. 53).

Ленин считал, как видим, безусловным долгом своим предупредить всех и каждого от ошибки, обнаружившейся как раз в споре о "комбинированном" типе государства. Он считал нужным сделать такое предупреждение, очень жесткое по тону, спустя два месяца после победоносного восстания. Мы видим, однако, что смысл этого предупреждения некоторыми товарищами наполовину забыт, наполовину ложно истолкован. А между тем, в международном масштабе – а, следовательно, и для нас – оно сохраняет и сегодня всю свою силу. Ведь всем коммунистическим партиям еще только предстоит пройти через стадию фактического ниспровержения демократического государства. Это задача гигантской трудности; в странах старой демократии – в тысячу раз более трудная, чем у нас. Формально все коммунисты стоят на почве "отрицания" формальной демократии. Но ведь это еще не решает вопроса. Остается еще самое главное: революционно ниспровергнуть демократию, глубоко вросшую в национальные нравы, ниспровергнуть на деле. Давление буржуазно-демократического общественного мнения окажет на этом пути могущественнейшее сопротивление, которое нужно понять и оценить заранее. Это сопротивление неизбежно проникнет и внутрь самих коммунистических партий, вызовет внутри их соответственные группировки. Можно заранее не сомневаться, что самой распространенной, нормальной, типичной формой "соглашательства" с буржуазной демократией явится именно идея "комбинированного государства" – в обход восстания и захвата власти. Это естественно вытекает из всей обстановки, из всех традиций, из всего соотношения классов. Вот почему нужно "предостеречь всех и каждого" от этой неизбежной опасности, которая для менее закаленных партий может стать роковой. Вот почему нужно сказать европейским товарищам: "смотрите, у нас в России, при нашей превосходной партии, иллюзии демократии, хотя бы и своеобразно преломленные, овладели в решающий момент сознанием выдающихся революционеров; у вас эта опасность неизмеримо больше; готовьтесь к ней; изучайте опыт октября; продумывайте его во всей его революционной конкретности: впитывайте его в плоть и в кровь!" Делать такие предостережения не значит подменять

ленинизм. Нет, это значит верой и правдой служить ему.

Тов. Зиновьев спрашивает: была ли предоктябрьская и октябрьская оппозиция против захвата власти правой группировкой, или правым течением, или правым крылом? На этот вопрос, который, казалось бы, вовсе и не является вопросом, тов. Зиновьев отвечает отрицательно. Его ответ чисто формалистический: так как большевистская партия монолитна, то у нее не могло быть в октябре правого крыла. Но совершенно очевидно, что большевистская партия не в том смысле монолитна, что в ней никогда не возникало правых тенденций, а в том смысле, что она всегда успешно справлялась с ними: иногда отсекала их, иногда рассасывала. Так было и в октябрьский период. Казалось бы, тут и спорить не о чем: раз в момент, когда переворот назрел, в партии обнаружилась оппозиция против переворота, то это была оппозиция справа, а не слева. Не можем же мы, как марксисты, ограничиваться только психологической характеристикой оппозиции: "колебания", "сомнения", "нерешительность" и прочее. Ведь эти колебания имели политический, а не какой другой характер. Ведь эти колебания противопоставляли себя борьбе пролетариата за власть. Ведь это противопоставление обосновывалось теоретически и велось под политическими лозунгами. Как же можно отказываться от политической характеристики внутрипартийной оппозиции, выступившей в решающий момент против захвата власти пролетариатом? И почему необходимо такое воздержание от политической оценки? Это я совершенно отказываюсь понять. Можно, конечно, поставить вопрос психологически и персонально, например: случайно или неслучайно тот или другой товарищ оказался в составе оппозиции против захвата власти? Я этого вопроса совершенно не касался, ибо он не лежит в плоскости оценки тенденций партийного развития. Тот факт, что у одних товарищей оппозиция измерялась месяцами, у других – неделями, может иметь только личное, биографическое значение, но не влияет на политическую оценку самой позиции. Она отражала давление на партию буржуазного общественного мнения в тот период, когда над головой буржуазного общества сгущалась смертельная опасность. Ленин обвинял представителей оппозиции в том, что они "фатально" проявляют оптимизм насчет буржуазии, и "пессимизм" – по части революционных сил и способностей пролетариата (XIV, ч. II, стр. 276). Надо просто перечитать письма, статьи и речи Ленина, относящиеся к этой эпохе, и всякий убедится без труда, что через них красной нитью проходит характеристика оппозиции, как правого уклона, отражавшего давление буржуазии на партию пролетариата в период, предшествующий завоеванию власти. Причем характеристика эта не ограничивается одним только периодом непосредственной острой борьбы с правой оппозицией, а повторяется у Ленина и значительно позже. Так, в конце февраля 1918 года, то есть четыре месяца спустя после октябрьского переворота, во время "свирепой" борьбы с левыми коммунистами, Ленин называет октябрьскую оппозицию "оппортунистами Октября". Можно, конечно, напасть и на эту оценку: разве в монолитной большевистской оппозиции могут быть оппортунисты? Но такой формалистический довод, конечно, повиснет в воздухе, раз дело идет о полити-

ческой оценке. А политическая оценка была дана Лениным, им обоснована, и считалась общепризнанной в партии. Не знаю, зачем ее ныне ставить под знак сомнения?

Почему правильная политическая оценка октябрьской оппозиции важна? Потому что она имеет международное значение; она еще только получит свое полное значение в будущем. Здесь мы подходим вплотную к одному из главных уроков нашего октября, и урок этот получает ныне новые, огромные пропорции после отрицательного опыта немецкого октября. С этим уроком мы будем встречаться в каждой пролетарской революции.

Среди многих трудностей пролетарского переворота есть одна совершенно определенная, конкретная, специфическая: она вытекает из задачи **партийно-революционного руководства.** При резком повороте событий даже самые революционные партии, как повторял Ленин, рискуют отстать, и противопоставить вчерашние лозунги или приемы борьбы новым задачам, новым потребностям. А более резкого поворота событий, чем тот поворот, который создает необходимость вооруженного восстания пролетариата, вообще не может быть. Здесь и возникает опасность несоответствия между партийным руководством, между политикой партии в целом и между поведением класса. В "нормальных"условиях, то есть при сравнительно медленном движении политической жизни, такие несоответствия, хоть и с ущербом, но без катастрофы. А в периоды острых революционных кризисов не хватает как раз **времени** для того, чтобы устранить несоответствие и, так сказать, выравнять фронт под огнем. Периоды высшего обострения революционного кризиса бывают, по самой своей природе, быстротечны. Несоответствие между революционным руководством (шатания, колебания, выжидательность...) и объективными задачами революции может иногда в течение нескольких недель и даже дней привести к катастрофе, к утрате того, что было подготовлено годами работы. Разумеется, несоответствие между руководством и партией (классом, всей обстановкой) может иметь и противоположный характер: это когда руководство обгоняет развитие революции, принимая пятый месяц беременности за девятый. Наиболее яркий пример такого несоответствия мы видели в Германии в марте 1921 года. Там мы имели в партии крайнее проявление "детской болезни левизны", и как результат – путчизм (революционный авантюризм). Эта опасность вполне реальна и для будущего. Уроки Третьего Конгресса Коминтерна сохраняют поэтому всю свою силу. Но прошлогодний немецкий опыт показал нам с жестокой наглядностью противоположную опасность: обстановка созрела, а руководство отстает. Пока руководство успеет выровняться по обстановке, меняется обстановка: массы отливают и резко ухудшается соотношение сил. В немецком поражении прошлого года было, конечно, много национального своеобразия, но были и глубоко типические черты, которые знаменуют общую опасность. Ее можно назвать кризисом революционного руководства. Низы пролетарской партии гораздо менее восприимчивы к давлению буржуазно-демократического общественного мнения, но известные элементы партийных верхов и среднего партийного слоя будут неизбежно, в большей или меньшей мере, поддаваться материальному и

идейному террору буржуазии в решающий момент. Отмахиваться от этой опасности нельзя. Конечно, против нее нет какого-либо спасительного средства, пригодного на все случаи. Но первый шаг борьбы с опасностью – понять ее источник и природу. Появление (или развитие) правой группировки в каждой коммунистической партии в "октябрьский" период отражает, с одной стороны, величайшие объективные трудности и опасности, а с другой, – бешеный напор буржуазного общественного мнения. В этом суть и смысл правой группировки. Именно поэтому неизбежно возникновение в коммунистических партиях колебаний и шатаний в этот именно момент, когда они более всего опасны. У нас эти колебания и трения имели минимальный характер. Это и дало нам возможность совершить октябрь. На противоположном полюсе стоит германская коммунистическая партия, где революционная ситуация оказалась упущенной, а внутрипартийный кризис был так остер, что привел к полному обновлению всего руководящего аппарата партии. Между этими крайними полюсами будут, по всей вероятности, располагаться все коммунистические партии в свой "октябрьский" период. Свести неизбежные кризисы революционного руководства к минимуму – одна из важнейших задач каждой коммунистической партии и Коминтерна в целом. Достигнуть этого можно, лишь поняв наш октябрьский опыт, поняв политическое содержание октябрьской оппозиции внутри нашей партии.

Вопросы настоящего

Чтобы перейти от оценок и уроков прошлого к вопросам настоящего, я начну с частного, но чрезвычайного яркого и острого обвинения, которое поразило меня своей неожиданностью.

Один из критиков договорился до того, будто в своих воспоминаниях я взваливаю "ответственность"(?!?) за красный террор на Ленина. Что, собственно, может означать такая мысль? Она предполагает, очевидно, какую-то потребность снять с себя ответственность за террор, как орудие революционной борьбы. Но откуда могла бы появиться такая потребность? Мне это не понятно ни политически, ни психологически. Правда, буржуазные правительства, пришедшие к власти путем революций, дворцовых переворотов и заговоров и прочее, всегда ощущали потребность набросить покров забвения на условия своего пришествия к власти. Прикрашивание и фальсификация своего "нелегального" прошлого, выскабливание из него воспоминаний о применявшемся кровавом насилии входят непременной составной частью в работу буржуазных правительств, пришедших к власти насильственным путем, после того, как они успеют упрочиться, укрепиться и выработать в себе необходимые консервативные навыки. Но как и почему такая потребность может возникнуть у пролетарских революционеров? Мы существуем как государство свыше семи лет, мы находимся в дипломатических отношениях даже с архиконсервативным правительством Великобритании, принимаем титулованных послов, но мы ни на йоту не отказываемся от тех методов, которые привели нашу партию к власти и которые октябрьским опытом

введены в железный арсенал мирового революционного движения. Мы сейчас имеем также мало оснований отказываться от применявшихся нами методов революционного насилия или замалчивать их, как и в те дни, когда мы к ним вынуждены были прибегать для спасения революции. Да, мы принимаем титулованных послов и мы допускаем частный капиталистический оборот, на основе которого воссоздается сухаревское общественное мнение. Конечно, всероссийская Сухаревка, которая вынуждена подчиняться советской власти, весьма мечтает о том, чтобы советское правительство, пришедшее к власти архи-"незаконными" и "варварскими" путями, облагообразилось и стало настоящей "цивилизованной", "почтенной", демократической, то есть консервативной буржуазной властью. При этих условиях не только наша недоношенная, но и международная буржуазия охотно простили бы советской власти ее "незаконное" происхождение, в уверенности, что мы сами не станем о нем больше напоминать. Но поскольку мы не собираемся ни на йоту меняться в своей классовой сущности, поскольку мы сохраняем в полной неприкосновенности свое революционное презрение к буржуазному общественному мнению, у нас не может быть никакой потребности отрекаться от своего прошлого, "сбрасывать" с себя ответственность за красный террор. Совершенно уж недостойной является мысль о желании сбросить эту ответственность – на Ленина. Кто может на него эту ответственность "сбросить"? Он ее несет и без того. За октябрь, за переворот, за революцию, за красный террор, за гражданскую войну – за все это он несет ответственность перед рабочим классом и перед историей и будет ее нести "во веки веков". Или тут, может быть, речь идет об излишествах, об эксцессах? Да где же и когда революции делались без "излишеств" и без эксцессов? Сколько раз Ленин разъяснял эту простую мысль филистерам, приходившим в ужас от эксцессов апреля, июля и октября! Да, ничто не снимает с Ленина "ответственности" за красный террор, ничто и никто. Даже и слишком услужливые "защитники". Красный террор был необходимым орудием революции. Без него она погибла бы. Революции уже не раз погибали из-за мягкотелости, нерешительности, добродушия трудящихся масс. Даже наша партия, несмотря на весь предшествующий закал, несла в себе эти элементы добродушия и революционной беспечности. Никто так не продумал заранее неимоверные трудности революции, ее внутренние и внешние опасности, как Ленин. Никто так ясно не понимал еще до переворота, что без расправы с имущими классами, без мероприятий самого сурового в истории террора никогда не устоять пролетарской власти, окруженной врагами со всех сторон. Вот это свое понимание и вытекающую из нее напряженную волю к борьбе Ленин, капля по капле, вливал в ближайших своих сотрудников, а через них и с ними – во всю партию и трудящиеся массы. Об этом именно я говорю в своих воспоминаниях. Я рисую как Ленин на первых порах революции, наблюдая всюду халатность, беспечность, излишнюю самоуверенность перед лицом нагромождавшихся опасностей и бедствий, на каждом шагу учил своих сотрудников тому, что революция может спастись, лишь перестроив самый характер свой на иной, более суровый лад и вооружившись

мечом красного террора. Вот об этом я и говорю в воспоминаниях. О великой проницательности Ленина, о великой силе духа, о революционной беспощадности — при великой личной человечности. Искать чего-либо другого в моих словах, усматривать в них желание "подкинуть" Ленину ответственность за террор может только политическая тупость и психологическая пошлость.

Если б я хотел так легко швыряться отравленными подозрениями, как иные из моих критиков, я сказал бы: не у меня надо искать "нэповских" тенденций, а именно у тех, которым может приходить в голову самая мысль об отречении от красного террора. И если бы кое-кто из сухаревской сволочи серьезно поверил таким и подобным обвинениям и стал строить на них какие-либо надежды, то это значило бы лишь, что обвинители создают призрак троцкизма применительно к Сухаревке, — но это вовсе не значит, что у меня с этим призраком есть что бы то ни было общего.

* * *

Доводы от Сухаревки, внутренней или эмигрантской, нужно вообще привлекать с величайшей осторожностью. Конечно, враги всех мастей радуются каждому нашему разногласию, каждой дискуссии, стремятся раздвинуть каждую щель. Но для того, чтобы из их оценок делать те или другие выводы, нужно проверить: во-первых, понимают ли они, о чем говорят, ибо симптоматическое значение имеет лишь серьезная, деловая и устойчивая оценка умного врага; и во-вторых, не фабрикуют ли они свои оценки специально для того, чтобы разжечь наши разногласия, подлив масла в огонь дискуссии? Особенно это относится к эмигрантской печати, у которой своих прямых политических задач нет, ибо нет массового читателя, и которая спекулирует, главным образом на том, какой отголосок ее суждения найдут в советской печати.

Я приведу один пример, но, как мне кажется, показательный. В нашей печати сообщалось, что меньшевистский "Социалистический вестник" во время прошлогодней дискуссии возлагал большие надежды на "оппозицию" или на отдельные ее элементы. Я не проверял этого сообщения, но вполне допускаю, что такие проницательные реалисты, как Дан и К°, надеявшиеся всю жизнь на демократизацию буржуазии, ныне исполнились надежд на меньшевизацию большевистской партии. Однако, совершенно случайно раскрыв № 7 правоменьшевистской "Зари", я в статье Ст. Ивановича нашел следующую критику, направленную против надежд Дана и К° на эволюцию большевистской партии. "Может быть, им (Дану и К°) что-нибудь известно насчет этой оппозиции такое, что неизвестно всем прочим. Но если им известно только то, что известно и всем прочим, то не может же им быть неизвестным и то, что именно среди оппозиции внутри РКП находятся наиболее утопические сторонники диктатуры, наиболее твердокаменные ее ортодоксы, влияние которых и сказалось в последних взрывах левого бешенства, в антинэповском курсе и тому подобное. Каким образом именно из этих ортодоксов "октября" могут

выделиться по словам платформы "элементы, способные... сыграть, благодаря своему положению, значительную роль в деле подготовки демократической ликвидации диктатуры"? Платформа находит, что все это может совершиться "под давлением развивающегося и приходящего к классовому сознанию рабочего движения". Но это совершенно произвольная гипотеза, при том опровергнутая жизнью еще до того, как она попала в платформу. Именно под влиянием длинной полосы бурных забастовок, иногда даже с политическими требованиями, оппозиция РКП потребовала усиления диктатуры, крови буржуя, нового курса. Жизнь показала, что оппозиция выделяет наиболее прожженных демагогов диктатуры, а платформа ждет отсюда выделения элементов демократии. Как неразумно поступает жизнь, что так расходится с платформой!" (стр. 197).

Эту цитату из статьи беломеньшевистского проходимца я с естественной брезгливостью воспроизвожу в работе, посвященной внутренним вопросам нашей партии. Я далек от мысли делать из цитаты какие-либо политические выводы, кроме одного: осторожнее с отзывами и суждениями эмиграции! Осторожнее с вырванными наудачу суждениями европейской буржуазной печати! Мнения врагов учитывать всегда полезно. Но нужно это делать критически и не наделять врага большей проницательностью, чем та, какою он располагает на деле. Не забудем, что буржуазия вслепую судит о тех для нее совершенно недоступных вопросах, которые составляют главное содержание нашей работы. Не забудем, что мировая капиталистическая печать не раз на протяжении советского режима заявляла, что Ленин стремится перевести Россию на национально-консервативные рельсы, но что ему мешают "левые", под именем которых фигурировали то Бухарин, то Зиновьев, то автор этих строк. Неужели же эти суждения были симптомом чего-либо другого, кроме тупости буржуазной мысли пред лицом задач пролетарской диктатуры? Особенно же недопустим такой образ действий, когда мы своими пристрастными, искусственными обвинениями сперва вводим в заблуждение томящуюся надеждами буржуазную печать, а затем кривое отражение в ней наших собственных слов выдаем за убедительную буржуазную оценку. Таким образом мы выдаем за реальность тень того призрака, который мы сами создаем!

* * *

Чтобы придать призраку "троцкизма", построенному на комбинации старых цитат, хоть некоторую актуальность (злободневность), критиками, особенно тов. Зиновьевым, выдвинуты были – правда, в крайне общей и неопределенной форме, – вопросы текущей внутренней политики. Никакой дискуссии по этим вопросам я не поднимал. Ни на какие конкретные столкновения по этим вопросам тов. Зиновьев не ссылается. Никакого повода мое предисловие для обсуждения этих вопросов не дает. Решения XIII съезда я нигде не оспаривал и во всей своей работе строго проводил. Но, так или иначе, мое предисловие было истолковано не на фоне поражения немецкой революции, а на фоне прошлогодней дискуссии. В связи с этим мое предисловие послужило поводом для постановки вопроса о моей "линии" вообще.

Тов. Зиновьев выдвигает целый ряд пунктов, которые должны, по его мнению, характеризовать мою линию, как направленную против линии партии.

Я стремлюсь будто бы ослабить руководящую роль партии в государстве. Я не могу принять это обвинение ни в какой степени. Чтобы подойти к этому общему вопросу совершенно конкретно, я напомню хотя бы, что рядом постановлений последнего времени ЦК снова и очень категорически высказался против замещения партийными органами местных органов советской власти. Должно ли это постановление ослабить роль партии? Нет, правильное проведение этой линии только усилит и укрепит роль партии. Разумеется, в этих рамках могут быть практические расхождения. Однако, и относительно таких чисто практических расхождений тов. Зиновьев не приводит каких-либо новых примеров, так как их в практике нашей работы не было.

Я не могу также ни в малейшей мере принять обвинение в том, будто я стремлюсь превратить партию в сумму фракций и группировок, – в духе английской рабочей партии. Карикатурность этого утверждения говорит сама за себя. Правильно или неправильно мое понимание октябрьских уроков, но нет никакой возможности рассматривать мою книгу об октябре, как орудие фракционной группировки. Такой цели я себе не ставил и ставить не мог. Нелепо вообще думать, будто в правящей массовой партии можно создавать "группировки" на почве исторических оценок!

Я не останавливаюсь на вопросах о "спецах", о финансах, о госплане и прочее и прочее, так как совершенно не вижу тут материала для "дискуссии" и ни с какой стороны не давал повода поднимать заново эти вопросы.

Остается, наконец, вопрос о моей недооценке крестьянства, как основном будто бы источнике моих ошибок, действительных и мнимых. Я не буду говорить о прошлом, так как это завело бы нас в безвыходные дебри. Я не буду останавливаться на том, что моя брест-литовская ошибка вытекала не из "игнорирования" крестьянства (на революционную войну с его стороны я не рассчитывал), а из надежды на более быстрое развитие революционного движения в Германии. Но в отношении настоящего и будущего я считаю необходимым остановиться на этом основном обвинении, бесформенном, но настойчивом.

Не могу, однако, здесь не отметить совершенно безобразных извращений брест-литовской истории, допущенных Куусиненом. У него выходит так: уехав в Брест-Литовск с партийной инструкцией: в случае ультиматума – подписать договор, я самовольно нарушил эту инструкцию и отказался дать свою подпись. Эта ложь переходит уже всякие пределы. Я уехал в Брест-Литовск с единственной инструкцией: затягивать переговоры как можно дольше, а в случае ультиматума, выторговать отсрочку и приехать в Москву для участия в решении ЦК. Один лишь тов. Зиновьев предлагал дать мне инструкцию о немедленном подписании договора. Но это было отвергнуто всеми остальными голосами, в том числе и голосом Ленина. Все соглашались, разумеется, что дальнейшая затяжка переговоров будет ухудшать условия договора, но считали, что этот минус переве-

шивается агитационным плюсом. – Как я поступил в Брест-Литовске? Когда дело подошло к ультиматуму, я сторговался насчет перерыва, вернулся в Москву, и вопрос решался в ЦК. Не я самолично, а большинство ЦК, по моему предложению, решило мира не подписывать. Таково же было решение большинства всероссийского партийного совещания. В Брест-Литовск я уехал в последний раз с совершенно определенным решением партии: договора не подписывать. Все это можно без труда проверить по протоколам ЦК. Куусинен грубо извращает брест-литовскую историю. Допускаю, впрочем, что злой воли тут нет, а есть просто незнание и непонимание.

Прежде всего нужно отвергнуть карикатурную мысль, будто формула "перманентной революции" есть для меня какой-то фетиш или символ веры, из которого я вывожу все свои политические заключения и выводы, особенно поскольку они связаны с крестьянством. В таком изображении дела нет и тени правды. После того, как я писал о перманентной революции с целью уяснить себе будущий ход развития революционных событий, прошли многие годы, произошла самая революция, развернулся богатейший опыт советского государства. Неужели же можно серьезно думать, будто мое нынешнее отношение к крестьянству определяется не коллективным опытом нашей партии и моим личным опытом, а теоретическими воспоминаниями о том, как я в таком-то году представлял себе развитие русской революции? Ведь был, и нас кое-чему научил, период империалистской войны, период керенщины, земельных комитетов, крестьянских съездов, борьбы против правых эсеров; период непрерывного солдатско-делегатского митинга в Смольном, где мы боролись за влияние на вооруженного крестьянина; был опыт брест-литовского мира, где значительная часть партии, руководимая старыми большевиками, неимевшими ничего общего с "перманентной революцией", рассчитывала на революционную войну и многому научила всю партию на опыте своей ошибки; был период строительства Красной армии, где партия в ряде опытов и подходов создавала военный союз рабочего и крестьянина; был период хлебной разверстки и тяжелых классовых конфликтов на этой почве... Затем партией взят курс на середняка, и курс этот постепенно привел к очень значительному изменению партийной ориентировки, – разумеется, на той же самой принципиальной основе; был совершен затем переход к свободе хлебной торговли и к нэпу – со всеми, вытекающими отсюда последствиями. Неужели же можно класть на одну чашу весов весь этот гигантский исторический опыт, которым питаемся мы все, а на другую чашу – старую формулу перманентной революции, которая будто бы должна везде, всегда и при всех условиях приводить меня к недооценке крестьянства? Неверно это, нереально. Я решительнейшим образом отвергаю такое богословское отношение к формуле перманентной революции. Сама эта формула отражала давно пройденную ступень развития. Она вытаскивается и раздувается только потому, что иначе трудно обосновать сегодняшнюю "недооценку крестьянства" и создать призрак "троцкизма".

В своей статье об РКИ Ленин писал, что основная политическая опас-

ность, которая могла бы в известных условиях стать источником раскола партии, есть опасность разрыва между пролетариатом и крестьянством, как двумя основными классами, сотрудничество которых является безусловной необходимостью для сохранения и развития завоеваний октября. Если подойти к этой опасности с точки зрения интересов обоих основных классов, то придется сказать так: только поддерживая известное равновесие материальных интересов рабочих и крестьян, можно обеспечивать политическую устойчивость советского государства. Равновесие это правящей партии приходится устанавливать в постоянно изменяющихся условиях, ибо меняется экономический уровень страны, меняется взнос на общее дело каждого из двух пайщиков, меняется доля, которую у них обоих ворует частный капитал, меняется пай, который каждый из союзников получает из общего труда. В чем может состоять в таких условиях реальная недооценка крестьянства или невнимание к нему? В том, что руководящий из двух союзников, пролетариат, стремясь через партию как можно скорее обеспечить свою базу, промышленность или поднять культуру, наложил бы чрезмерную ношу на крестьянина. Это могло бы привести к политическому разрыву, инициативу которого в этом случае взяло бы на себя крестьянство. Такого рода нетерпеливую и узкую тенденцию, поскольку она проявлялась, мы не раз характеризовали, как цеховую, тред-юнионистскую, а не коммунистическую. Нельзя вопрос о сегодняшней доле пролетариата в общенародном хозяйстве – вопрос, конечно, крайне важный – ставить над вопросом о сохранении диктатуры пролетариата, как условия социалистического строительства. С этим, надо думать, согласны мы все, и не со вчерашнего дня.

Но для всех нас совершенно очевидно и другое, а именно, что та же самая историческая опасность разрыва может обернуться к нам и противоположным своим концом. Если бы условия сложились так, что пролетариату пришлось бы нести слишком большие жертвы для сохранения союза, если бы рабочий класс пришел в течение ряда лет к выводу, что во имя поддержания своей политической диктатуры он вынужден итти на слишком большое классовое самоотречение, – это подсекло бы советское государство с другого конца.

Об этих двух концах одной и той же исторической опасности разрыва между пролетариатом и крестьянством мы говорим, разумеется, не потому, что считаем самую опасность реальной и близкой. Нет, этого никто из нас не думает. Мы берем опасность в исторической перспективе, чтоб правильнее ориентироваться в политике сегодняшнего дня. Совершенно бесспорно, что эта политика может быть лишь маневренной, требующей величайшего внимания к промерке дна, с его возможными мелями, и тщательного обследования обоих берегов – и правого и левого. Совершенно также бесспорно и то, что на настоящем этапе равновесие интересов нарушено прежде всего в ущерб деревне, и что с этим приходится серьезно считаться и в экономике и в политике.

Изложенные выше общие соображения относятся прежде всего к вопросу о развитии промышленности и к темпу этого развития.

Если советское государство держится на союзе рабочих и крестьян, то

социалистическая диктатура пролетариата держится на государственной промышленности и транспорте. Советское государство без социалистической диктатуры было бы телом без "души". Оно подверглось бы неизбежному буржуазному перерождению. Промышленность, как база социалистической диктатуры, зависит, однако, от крестьянского хозяйства. Но связь эта взаимная. Крестьянское хозяйство зависит, в свою очередь, от промышленности. Из этих двух составных частей более динамическим (движущим, толкающим вперед) началом является промышленность. Самое могущественное воздействие, какое советская власть может оказать на деревню, направляется по каналам промышленности и транспорта. Остальные методы воздействия, очень важные сами по себе, стоят все же во второй и третьей линии. Без правильного возрастания роли государственной промышленности, без усиления ее организующего воздействия на деревню все остальные мероприятия были бы обречены, в конце концов, на бессилие.

Темп развития промышленности, в ускорении которого заинтересованы и город и деревня, зависит, разумеется, не от нашей доброй воли. Тут есть объективные пределы: уровень крестьянского хозяйства, оборудование самой промышленности, наличные оборотные средства, культурный уровень страны и прочее. Попытка искусственно перескочить через эти пределы, конечно, отомстила бы за себя жестоко, ударив одним концом по пролетариату, другим – по крестьянству. Но никак не меньшей опасностью явилось бы отставание промышленности от экономического подъема страны, порождающее неизбежно явления товарного голода и высоких розничных цен, что неизбежно ведет, в свою очередь, к обогащению частного капитала. Темп социалистического накопления и промышленного развития не свободен, следовательно, и в другом направлении, то есть ограничен не только известным максимум, но и известным минимумом. Этот минимум непосредственно определяется соревнованием частного капитала внутри, давлением мирового капитала извне.

Опасности, вытекающие из всего нашего развития, имеют двусторонний характер. Промышленность не может слишком зарываться вперед, ибо тогда для нее могло бы не хватить народно-хозяйственного фундамента. Но столь же опасно и отставать. Каждое ее промедление, каждое ее упущение означает рост конкурирующего с нею частного капитала, рост кулака в деревне и рост экономического и политического влияния кулака на деревню. Отставание промышленности означает передвижку соотношения сил от города к деревне и внутри деревни – от бедноты к кулакам нового советского типа. Эта передвижка центра тяжести, ослабляя пролетариат, должна была бы вынудить его затем к дальнейшим экономическим и политическим уступкам во имя сохранения рабоче-крестьянского союза. Но совершенно ясно, что на этом пути диктатура пролетариата опустошалась бы от своего социалистического содержания.

Таким образом, все трудности и опасности, которые вырастают из переходного периода нашего хозяйственного развития, где пролетариат ведет социалистическое строительство на основе многомиллионных мелких товаропроизводителей, все наши трудности, вместе взятые, и

каждая в отдельности, всегда имеют, как уже сказано, двусторонний, а не односторонний характер. Погоня за слишком быстрым темпом развития промышленности так же опасна, как и слишком медленный темп ее развития.

Эти соображения, надеюсь, совершенно бесспорны. Их можно разве обвинить в том, что они слишком общи. Но несравненно более общий и расплывчатый характер, притом крайне односторонний, имеет обвинение в недооценке крестьянства. "Оценивать" нужно крестьянство не само по себе взятое, а в рамках подвижного равновесия классов. Заранее данной математической формулы, которая говорила бы, до какой линии нужно идти в согласовании интересов пролетариата и крестьянства, и где остановиться, не существует на свете. Ориентироваться и прощупывать обстановку приходится путем постоянного активного маневрирования. Это маневрирование, однако, никогда не имело и не будет иметь у нашей партии характера беспринципного лавирования (как изображают это меньшевизм и анархизм). Наше маневрирование, и хозяйственное и политическое, сводится к такой цепи мероприятий, при помощи которых, на основе союза рабочих и крестьян, обеспечивается диктатура пролетариата, а, следовательно, и возможность дальнейшего социалистического строительства. Это и есть наш верхний критерий.

Упорное и неправильное в своей односторонности обвинение в "недооценке крестьянства" тем более вредно, что оно неминуемо порождает – совершенно, разумеется, необоснованные опасения, будто это есть лишь теоретическая подготовка к смене курса – от социалистической диктатуры в сторону крестьянско-рабочей демократии. Это, конечно, вздор! Наша партия, сохраняя за собой полную свободу маневрирования, сверху донизу объединена программой социалистической перестройки общественных отношений. Это есть главный из тех заветов Ленина, которые мы все единодушно и до конца обязались выполнить. И мы его выполним!

Л. Троцкий

ноябрь 1924 г.

ЗАПИСКА КРАСИНА ТРОЦКОМУ

Л. Д.!

Обращался ли к Вам во время отпуска [М. Я.] Лапиров-Скобло? Мы его думали назначить в Лондон, в технический отдел Торгпредства, а он ставил это в зависимость от Вашего согласия. Я думаю, он мог бы там работать и для НТО. Прожив год-другой в Лондоне, научился бы многому.

[*Красин*]

[1924 г.]

1925 год

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ НАБРОСОК ТЕЗИСОВ О ПОЛИТИКЕ КОМИНТЕРНА

1. Со времени Пятого съезда Коминтерна произошел ряд событий, доказывающих с полной ясностью, что основная линия взятая Пятым съездом по вопросам тактики Коминтерна и его организационной политики не соответствует интересам рабочего движения, что она не только не в состоянии привести к большевизации компартий Запада, но, наоборот, привела к возникновению "левого" отзовистского крыла и последовательно – к срыву связи Коминтерна с широкими рабочими массами. Расширенному Исполкому Коминтерна, а после его созыва ИККИ пришлось принимать меры для спасения положения в Германии, Чехословакии, Польше. Меры эти чисто эмпирические, не продуманные до конца, ни, что касается их предпосылок, ни, что касается их последствий, и поэтому не могли ни принести действительного оздоровления в жизнь партии, которых касались, ни пресечь дальнейшее проведение в жизнь ошибочной политики Пятого конгресса в странах, в которых Коминтерн не успел еще задержать "левого" рвения товарищей. В промежуток времени, отделяющий нас от Пятого конгресса, произошли события, доказывающие, что постоянному провозглашению необходимости централизованного руководства со стороны ИККИ не соответствовали факты. Пока не происходили катастрофы, ИККИ занимался персональным составом Центральных комитетов, но не их политикой. Основные вопросы, стоящие перед Коминтерном, которые решить самостоятельно компартии Запада не в состоянии, которые могут быть решены только совместными усилиями лучших элементов Интернационала, не выдвигаются и не разрабатываются ИККИ. Они оставлены случайным решениям парламентских фракций и решаются без всякой продуманной общей линии. Если, несмотря на это, в ряде стран мы замечаем снова известное улучшение положения компартии, то это происходит только благодаря росту гнета политики стабилизации капитализма, которая толкает рабочие массы налево. Характерно, что самый сильный сдвиг налево происходит в Англии, где компартия незначительна; он идет по линии сближения английских и советских профсоюзов, а не по руслу Коминтерна.

2. Политическая линия Пятого конгресса Коминтерна основана была на следующих предпосылках: ввиду возможности стабилизации капитализма на более длительный период времени необходима передача руководства компартией в руки молодых левых элементов, которые не прошли социал-демократической школы и поэтому легче смогут повести борьбу против социал-демократии, как левого фланга фашизма, которые

решительнее смогут мобилизовать рабочие массы под знамена ленинизма. Как гарантия против отрыва этих левых элементов от масс, им было дано напутствие бороться за завоевание профсоюзов. Перед лицом происходящего процесса стабилизации капитализма, который выражался в стабилизации германской и польской валюты, в начинающемся восстановлении кредитной системы, выработке доклада экспертов, съезд Коминтерна не только не попытался довести до конца дискуссию о программе, но даже не выработал связанной платформы требований, направленных против попыток международного капитализма свалить на пролетариат все тяжести стабилизации капитализма.

На основе решений Пятого съезда Коминтерна произошло отстранение от руководства партии всей спартаковской группы в Германии, основной польской руководящей группы (Варский, Валецкий, Костржева, Прухняк), фактическое удаление от руководства чешской партией товарищей, наиболее связанных с массами: Шмераля, Муны, Запотоцкого, Крайбиха, устранение от руководства голландской компартией ее основателей: Вейнкупа, Равестайна и Сэтона; в Норвегии после раскола, проведенного еще до съезда Коминтерна, от руководства партии отстранен был фактически наиболее связанный с массами тов. Шефло. В "Воркерс парти" в Америке, уже в момент поворота от этой политики в других странах, от руководства партии устранен один из немногих ее членов, имеющих связь с массами тов. Фостер, руководитель крупных стачек в Америке, известный широчайшим массам. Руль партии был вынут из его рук, несмотря на то, что его единомышленники имели на партийном съезде значительное большинство.

Левое крыло Коминтерна, пришедшее к власти во всех партиях Коминтерна, под непосредственным давлением ИККИ, не было в состоянии хоть мало-мальски справиться с задачей коминтерновской пропаганды. Повторяя на каждом шагу: большевизация и ленинизм, оно, не прошедши в прошлом никакой школы марксизма, не смогло даже поставить марксистско-ленинской пропаганды. В его защиту можно только сказать, что оно не находило никакой помощи со стороны ИККИ. Единственное, что удалось издать для пропаганды ленинизма Коминтерну, — это один том избранных сочинений Ленина на немецком языке. Если перед Пятым конгрессом Коминтерна компартии издавали хоть популярную пропагандистскую литературу или переводили соответственные русские работы, то и это теперь вполне приостановилось. Единственная "самостоятельная" работа, которая должна была служить пропаганде ленинизма, — книга Маслова "17 год" была правильно объявлена Коминтерном шарлатанской, безграмотной попыткой ревизии ленинизма, после того, как в продолжении месяцев распространялась при помощи рекламы, неслыханной в истории соц. движения. Радиус агитации компартии неслыханно сузился, ибо они не умели вести ее на почве каждодневных требований пролетариата, в той очень сложной обстановке, переживаемой им во всем мире. Парламентская трибуна, которой до этого времени компартии не умели достаточно пользоваться для четкой и ясной комагитации, оказалась в руках "левых" средством компрометации коммунизма там, где им

удалось вышибить из фракций т. н. правые элементы. За все время, отделяющее нас от Пятого съезда, в первый раз Коминтерн может перепечатать в качестве агитационной брошюры парламентскую речь, но это речь Клары Цеткин. Позиция, занимаемая парламентскими фракциями по самым злободневным вопросам, это в лучшем случае вульгарно социал-демократическая позиция (податной вопрос), в худшем, – либеральная (речь левого Розенберга по вопросу о таможенных пошлинах). Единственным светлым пунктом являются дельные выступления французских товарищей по вопросу о Марокко или выступлений Шмераля и Крайбиха в чехословацком парламенте. Значение этого неумения использования парламентской трибуны тем более значительно, что агитационная роль парламентской трибуны в период стабилизации капитализма выросла.

Наиболее ярко выразилось банкротство "левого" курса в профсоюзах. Уменьшение влияния коммунистов в профсоюзах или, по меньшей мере, полная стагнация замечается во всех странах, за исключением Англии. Причины этого бесспорного факта не злая воля левых руководителей, хотя стоило много труда заставить их понять значение профсоюзов. Левые не могли бороться за влияние в профсоюзах потому, что: а) опираясь на наиболее нетерпеливые, молодые элементы рабочего класса, не могли через эти элементы пробраться в гущу рабочих масс (в некоторых странах, как в Германии, снят был с профсоюзного движения и партийных постов весь наш слой опытных профессионалистов, как "правый"); б) считая борьбу за податные требования и т. д. реформизмом, они приходили в профсоюзы с пустыми руками; в) не делая различия в агитации между социал-демократическими массами и социал-демократическими вождями, третируя социал-демократию в целом, как левое крыло фашизма, они, понятно, должны были отталкивать от себя рабочие массы.

Во Франции выборы показали слабость коммунистов в округах наиболее промышленных, в Германии, как на днях признала "Роте Фане", мы потеряли почву именно в крупных фабриках, где когда-то мы были очень сильны. "Роте Фане" открыто заявляет, что причина этого не только преследования коммунистов со стороны предпринимателей, а неумение коммунистов подойти к основным массам рабочих. Все это привело к падению числа голосов, отдаваемых на коммунистов в Германии, где они от весны 1924 г. до мая 1925 г. потеряли, по крайней мере, 2,5 млн голосов. Во Франции коммунальные выборы показывают падение голосов или стагнацию. Факт, что в Чехословакии противникам нашим не удалось разбить партию, является результатом того, что левые элементы, устранившие на предпоследнем съезде партии наиболее связанных с рабочей массой в руководстве партией, не имели кем заменить их в низших массовых организациях, и поэтому партии удавалось через т. н. "правых", удержать связь с массой. Вдобавок, борьба, проведенная дружно т. н. "левыми" с т. н. "правыми" против действительных ренегатов коммунизма (группа Бубника), воссоздание руководства, отвечающего составу партии на последнем съезде, позволило наверстать потерянное.

Способность компартий для проведения каких бы то ни было массовых движений, выходящих за рамки собраний и уличных демонстраций,

значительно понизились. Достаточно указать, что после года финансового кризиса во Франции, роста дороговизны, марокккского и сирийского кризиса, попытки компартии Франции организовать забастовку протеста 12 октября 1925 г., кончились полным банкротством.

3. Левый курс в Коминтерне означал не только отрыв от социал-демократических масс, от масс, симпатизирующих коммунизму, но он приводил с роковой необходимостью к отрыву от коммунистических партийных масс. Это случилось не только в странах, где левое руководство представляло незначительную часть партии, но даже в странах, как Германия, где оно пришло к власти на основе сдвига партийных масс налево, под влиянием разочарования к старому руководству, вызванного поражением в октябре 1923 г. Так как "левые" вожди партии объявили весь старый руководящий слой зараженным оппортунизмом и так как они знали, что к этому слою принадлежит большинство активных элементов партии, и так как они не могли противопоставить какой бы то ни было широкий слой "левых" с партийным прошлым и опытом, то им пришлось заморозить жизнь всех низовых парторганизаций. Снимая с постов, травя как зараженных оппортунизмом всякого члена партии, который посмел бы на парт. собраниях критиковать, даже ошибки, совершенные на глазах масс новыми вожаками, они добились состояния, в котором все молчали на собраниях партии, превратившихся в место вырешания бюрократических вопросов. Результатом этого было полное падение интереса партийных масс к жизни партии, "единомыслие" пустых собраний. Такое положение существовало еще несколько месяцев тому назад в Германии, Чехословакии, существует еще теперь во Франции. Элементы, которые пытались вести борьбу за приближение партии к массам, которые добивались актуальной программы агитации, исключались в Германии из партии (группа Янака была, по существу, исключена за выдвигание системы податей и т. д. как средства мобилизации рабочих масс против доклада экспертов).

Пытаясь создать в короткое время новый "левый" партактив, левые выдвигали всякого "радикального крикуна", не спрашивая его ни о партии, ни о личном прошлом. Благодаря этому к руководству в Чехословакии и в Германии пробрался ряд недоброкачественных элементов, которых пришлось удалять. В низовых организациях Германии пошла полоса систематических растрат наскоро завербованными "левыми" партчиновниками. В результате, компрометация партии в глазах коммунистов и некоммунистов, которые, даже не зная закулисных скандалов, великолепно разбирались в моральном облике этих элементов.

ИККИ не только не противодействовал нагонке против т. н. правых, но снял их со всех постов от него непосредственно зависящих, даже если они соглашались во имя партинтересов делать неруководящую работу. В то время, как ИККИ запрещал перепечатывание даже из "Правды" или из центральных партиздательств статьи и брошюры Троцкого, Радека, Тальгаймера, немецкий ЦК заказывал агитационные брошюры у левых социал-демократов. ИККИ пальцем не тронул, когда в Германии изгонялись из партии около ста лучших рабочих со старым нелегальным и

военным стажем, которые всем своим поведением после исключения доказали, что они принадлежат к самым стойким, самым созидательным элементам Коминтерна. ИККИ допустил исключение из французской компартии таких ценных синдикэлементов, как Росмер и Моиатт, которых можно было ассимилировать и которых, вместо этого, оттолкнули обратно к синдикализму. Уже в момент, когда ИККИ был принужден делать организационный поворот в чешской партии и тезисах своих о большевизации, на бумаге высказал приговор внутрипартийному зажиму во всех партиях Коминтерна, ИККИ создает, на основе денунциации, дело Брандлера, Радека и товарищей, одобряет чудовищный приговор, запрещающий им "вмешательство" в дела Коминтерна, чем высказывает на деле свое согласие со всем режимом полного зажима.

4. Непосредственно составляя ЦК, непосредственно руководя всей персональной политикой Центральных комитетов всех компартий, ИККИ не давал самых примитивных директив Коминтерну. Мы уже говорили о том, что Коминтерн не помог ни одной партии в выработке позиций по всем очередным крупным политическим и экономическим вопросам. Это отсутствие политического руководства роковым образом выразилось в болгарских и эстонских событиях, как и в президентских выборах в Германии. Мы не знаем действительного отношения ИККИ ни к болгарским, ни к эстонским событиям, мы не знаем не только фактического отношения ИККИ к этим событиям, но даже политического суждения о них, ибо ИККИ отказался от всякой ясной, публичной оценки этих событий. Тут налицо только три возможности: или ИККИ несет ответственность за эти события, что означало бы чистый авантюризм политический, или ИККИ не знал о подготовке этих событий, что было бы свидетельством полного отсутствия руководства, или, наконец, ИККИ принимал участие в начальных, подготовительных шагах и, убедившись в их безнадежности, не имело отваги и решительности прекратить эти подготовления и спасти партии от разгрома на много лет. Это было бы тоже свидетельство беспримерного отсутствия руководства. Мы считаем исключенным только первый вариант. Происшествия, имевшие место при выборах президента в Германии, дают картину полного отсутствия руководства. Хотя каждому известно было, в какой срок должны состояться выборы президента, ИККИ не дал компартии Германии никаких директив. Партия повела кампанию, соответствующую линии Пятого конгресса, которая сделала ей невозможным применение тактики единого фронта при перевыборах. Когда в результате получилось громадное поражение компартии, ИККИ, только по предложению Маслова, испугавшегося этого поражения, решается предложить компартии применение тактики единого фронта, но и это решение принимается с опозданием и попадает в Берлин после того, как партия уже выдвинула самостоятельно кандидатуру Тельмана. Это не мешает ИККИ напасть на руководство германской партии, которая, в свою очередь, в публичном заявлении устанавливает неправильность утверждения ИККИ о якобы от ИККИ исходящей инициативе применения тактики единого фронта. Отсутствие руководства переходит в дезорганизацию партии ИККИ.

Говоря об отсутствии руководства ИККИ компартиями, нельзя обойти молчанием подбор представителей ИККИ заграницей. Представителями ИККИ посылались люди, не только доказавшие в октябре 23 г. полное отсутствие всякого чувства партийной ответственности, но крупным массовым партиям посылались товарищи, не имеющие опыта ни в организации рабочих масс, ни в политике партии. Товарищи, которые в РКП не играли никакой политической роли, посылались даже люди, которые еще во время войны играли руководящую роль в буржуазной националистической печати.

5. Только перед лицом опасности распада партий ИККИ начал изменять свою политику, уступая давлению абсолютной необходимости. Так например, на расширенном пленуме ИККИ сделал поворот в чешском вопросе, взяв курс на блок шмералистов с левыми, который в последнюю минуту спас партию от неминуемого раскола. В Германии понадобилось громадное поражение при президентских выборах, полная мертвечина (единомыслящего) партсъезда, как и сведения о начале попыток международного соглашения "левых" для борьбы с ИККИ, который им казался недостаточно радикальным: только тогда выступил ИККИ с пресловутым открытым письмом, которое является документом банкротства не только Рут Фишер и Маслова, но и всего левого курса ИККИ. В то время, когда Зиновьев пытается в своем реферате на октябрьском пленуме ЦК РКП представить дело так, что ИККИ ошибся только в выборе двух руководящих лиц, Мануильский признает в "Правде" открыто, что ИККИ ошибся в выборе целого партийного слоя, которому доверил руководство компартиями. В Польше руководство, избранное при непосредственном участии ИККИ, оказалось неспособным к какой бы то ни было политической работе, зато способным к участию в создании "левого" фронта против ИККИ. После попыток доверения руководства партии пустому месту, ИККИ принужден снова восстановлять в руководстве партии только что исключенных им и оклеветанных так называемых правых руководителей.

6. Является ли этот поворот серьезным, позволяющим надеяться, что кризис Коминтерна изживается? Нет. Кризис этот принимает только более затяжную форму. Ослабление нажима, курс на сближение более здоровых левых элементов со старыми руководящими элементами в Чехословакии, Германии, Польше, попытка поворота к тактике единого фронта в Норвегии, быть может, задержит катастрофический распад компартий Запада. Но во всех этих поворотах недостает энергии, ясности мысли, ясности понимания совершенных ошибок. Организационно ИККИ по сегодняшний день не решился восстановить исключенных членов германской компартии, указав в своем письме, что германский съезд был результатом полной подтасовки, он не добивался и не добился нового съезда, перевыборов ЦК, а оставил руководство партии в руках выбранного на подтасованном съезде обанкротившегося ЦК, устранив только его политические головы. Оппозиционные элементы допускаются к партийной работе только после отдачи лицемерного покаянного заявления. Часть оппозиционных элементов находится по сегодняшний день под запретом. Режим зажима французской партии не прекращается. То же в американской.

Политически ИККИ пытается повернуть на тактику единого фронта, не устранив для этого идеологических помех. В Германии ИККИ ставит как задачу содействие создания левого крыла в профсоюзах и в социал-демократии и стремление к блоку с ними. Но эта политика требует ликвидации лозунга: социал-демократия – левый фланг фашизма. Тактика единого фронта, которую ИККИ рекомендует теперь в Германии и о которой "Роте Фане" говорит открыто, что она соответствует тактике 21–23 гг., страдает полным отсутствием перспектив. Если рабочее правительство является только агитационным лозунгом, как это сказано в резолюции Пятого съезда, то при проведении тактики единого фронта в Саксонии, Тюрингии надо или исходить из убеждения, что нельзя завоевать демократическим путем большинства и использовать его, как трамплин для революционной политики, – такое предположение, само собой понятно, не в состоянии дать размах нашей агитации, – или вся эта агитация упирается в надежду, что социал-демократы не пойдут на наши предложения и все кончается благополучно их разоблачением: этот исходный пункт со своей стороны, наверно, не может содействовать сближению с социал-демократическими массами. Только внушение социал-демократическим массам, что мы готовы идти практически на блок с ними, со всеми оттуда вытекающими последствиями, позволит развернуть с размахом кампанию, которая сблизит нас с массами и позволит нам оторвать значительные слои рабочих от социал-демократии. В те же вопросы упирается наша кампания во Франции, где финансовый кризис и кризис колониальный могут разрасться до крупного политического кризиса.

Кампания единого фронта становится *a la lougue* невозможной без политической программы, которая не говорит массам, как будет конкретно выглядеть диктатура пролетариата, но которая им говорит, за что бороться теперь, в период стабилизации капитализма, о котором никто не знает, как долго он будет продолжаться при всех его колебаниях.

7. Таким образом, положение в Коминтерне требует радикальных перемен. Они сводятся к следующему. Необходима перемена организационной политики Коминтерна. Вместо лидероведения, беспрерывных личных комбинаций, составлений Центральных комитетов, нужно предоставить свободу компартии учиться на собственных ошибках. Централизация Коминтерна не менее необходима в период шатаний, вызываемых сложными процессами периода стабилизации, чем в период непосредственной революционной борьбы. Но если в период непосредственной революционной борьбы всякая ошибка чревата немедленными, часто катастрофическими последствиями, то теперь партии имеют время исправить свои ошибки и лучше всего могут их сами исправить. Это не означает, что Коминтерн играет только роль зрителя. Коминтерн должен высказывать свое мнение об ошибках партий, давать им свои указания, но должен предоставить лучшим элементам партии проведение этой политики путем борьбы внутри партии, путем терпеливого разъяснения партии совершенных ошибок. Центральная задача Коминтерна это – идейная помощь компартиям в разработке всех сложных вопросов, выдвигаемых жизнью. Создание центральной международной группы, разрабатывающей научно

эти вопросы под руководством ИККИ, систематическое создание коммунистической литературы, дающей ответы на очередные вопросы международного движения, создание международной партшколы — вот ближайшие организационные международные задачи. Прекращение травли против лучших элементов Коминтерна как "правых", привлечение их к работе, не только усилит компартии, но позволит фактически исправить ошибки здоровых пролетарских левых элементов, обновить руководство партий, создать синтез молодого революционного поколения с наиболее опытным, выдержанным элементом прошлого, позволит вовлечь, принять обратно в партию такие элементы, как группа Росмера—Монатта во Франции, и исправить ошибки, подобно группе Лорио. Организационный поворот Коминтерна требует прекращения политики содержания партий субсидиями, особенно в тех странах, где партии легальны и могут содержать самих себя. Эти субсидии были необходимы в период непосредственных революционных возможностей, когда партии приходилось пытаться обхватить громадные массы и когда обстановка не позволяла им заняться созданием собственной базы для этого обхвата. Теперь содержание партии, это содержание бюрократии, независимой от партии. Бюрократия эта не позволяет партии развить собственную внутреннюю жизнь, боясь, что будет смещена. Но справляясь великолепно с функцией душения жизни партии, она неспособна быть хотя бы только проводником решений Коминтерна, ибо это требует интимной связи с массой. Без ликвидации субсидий на содержание этой бюрократии все прочие реформы являются утопией. Вышесказанное не относится к нелегальным партиям, где субсидии есть необходимое зло и не относится к поддержке партий издательствами, журналами и т. п. методами, которые имеют последствием повышение степени сознательности партийных масс. Само собой понятно, что эта коренная ломка организационной политики не может быть проведена сразу, что она требует ряда этапов. **Центральная политическая задача** Коминтерна на ближайшее время это — **выработка программы.** Программа должна быть так широко и гибко построена, чтобы создать основу и рамы и для программ партий, завоевавших уже власть, и для партий, находящихся в пути к завоеванию власти, и для партий, которым предстоит пока что только борьба за демократические реформы.

Особое внимание надо обратить на состояние работы Коминтерна на Востоке. Кроме Китая, эта работа везде находится в самом начале. Мы не говорим даже о таком непочатом крае, как магометанский Восток и Центральная Азия. Ни в Японии, ни в Индии — в странах с колоссальнейшей промышленностью и революционными перспективами, Коминтерну не удалось до этого времени поставить работу хотя бы на такой высоте, чтобы можно было сказать, что он там имеет уже свои основные ячейки.

8. Значение кризиса, переживаемого Коминтерном, необходимость преодоления его тем больше, что не подлежит сомнению, что нельзя сравнивать, как это часто делается, положения в Европе наших дней с положением в России 1907—1912 гг. Как бы пессимистически ни относиться к непосредственным революционным перспективам в Западной

Европе, не подлежит сомнению, что массовое рабочее движение в Европе не разбито ни на один момент и что оно развивается и что можно ожидать крупных массовых схваток, особенно в Англии, Франции и Германии. В такой период отрыв от масс, неспособность обслужить запросы их движения – смерти подобен. Нельзя создавать компартии, отрываясь от масс. Поэтому Ленин толкал большевиков на работу среди масс даже тогда, когда объективно возможность завоевания этих масс была, в силу свирепствующей контрреволюции, минимальной.

В атмосфере существования массовых движений, при существовании массовых социал-демократических партий, отсутствие политики, позволяющей нам завоевать эти массы, это опасность полного развала Коминтерна. Для этого развала нет никакой объективной необходимости. Вся борьба международного пролетариата будет интернационализоваться и обостряться. Коминтерн в состоянии исполнить свою великую задачу подготовления будущей революции путем создания массовых революционных коммунистических партий.

К. Радек

август 1925 г.

НЕЗАКОНЧЕННОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне было очень отрадно получить сообщение о том, что книжка моя "Вопросы быта" выходит в свет на японском языке. Разумеется , книжка эта далеко не во всем подходит для японского читателя. Разница общественных условий очень велика. Я писал свои очерки, посвященные вопросам быта, под непосредственным давлением фактов и запросов нашей революционной общественности, останавливаясь при этом не только на крупных, но и на мелких вопросах повседневной жизни. Многое из того, что сказано в моей брошюре, будет, может быть, недостаточно интересно для японского читателя, а кое-что останется неясным для него. Но я хотел бы надеяться, что нашедший в этой книжке общий подход к вопросам быта может найти свое применение и в условиях японской жизни.

В старом феодальном обществе вопросов быта не существовало, как вопросов. Общественные и бытовые условия феодализма складывались в течение столетий. Для Японии эта историческая эпоха совпадает со временем феодально-военной империи, Сногуната, захватывая около тысячелетия. Конечно, за это время происходили изменения, как в строении японского общества, так и в отношениях личности и семьи. Но эти изменения происходили медленно, незаметно для отдельных поколений, и формы жизни передавались по наследству с такою же повелительностью, как организация улья переходит от одного поколения пчел к другому. В этих условиях личности, как личности, еще не существует. Она целиком связана традициями, преданиями, заповедями касты. Такого рода общественная среда глубоко консервативна и потому враждебна всяким внешним влияниям. Крепкая, цельная, консервативная Япония сопротивлялась против вторжения американских и европейских идей и отношений" вплоть до второй половины XIX столетия.

1868 год считается годом Великой Перемены. Этот политический кризис совпадает с переломной эпохой в жизни Европы и Америки. В Соединенных Штатах Северной Америки происходит (1861–1865 годы) война Севера против Юга за отмену рабства. В России в 1861 году отменяется крепостное право. Италия поднимает меч за свое национальное объединение. Таким образом, японская Великая Перемена приобщает Японию к миру новых, буржуазных отношений и идей. Японская общественная жизнь идет по линии компромисса между старыми феодальными отношениями и новыми – буржуазными. Этот компромисс мы наблюдаем в экономических отношениях, в государственном строе и в частном быту. Развитие капиталистических отношений разбивает старые феодальные сословные связи, пробуждая человеческую личность. Пробуждение это у разных классов принимает разную форму. Но общим, до известной степени, у равных классов буржуазного общества является то, что личность стремится сбросить с себя покровы традиции и ставит себе самостоятельные цели и задачи. Критика бытовых отношений и стремление перестроить их на новых, более разумных началах развивается на основе капиталистического общества. Но породив эти стремления, капитализм лишает возможности осуществить их.

Л. Троцкий

13 августа 1925 г.

БЛОК С ЗИНОВЬЕВЫМ (к дневнику)

I. Источники нынешней дискуссии и ее методы

1. Социальной основой той партийной дискуссии, которая разворачивается ныне между ленинградской организацией и ЦК и принимает все более острый характер, является взаимоотношение пролетариата и крестьянства в условиях капиталистического окружения. Никаких определенных практических предложений, которые должны были бы внести те или другие изменения в экономическое и политическое соотношение сил пролетариата и крестьянства, ни той ни другой сторонами до сих пор не сделано. Узаконение аренды и найма рабочей силы было проведено, насколько партия может судить, без внутренней борьбы. Так же прошло снижение сельскохозяйственного налога. При выработке мер хлебозаготовительной кампании не наблюдалось в ЦК разделения на сторонников высоких и сторонников низких цен. То же самое относится к определению размеров повышения заработной платы. Не наблюдалось, насколько может судить партия, разногласий так же при установлении государственного бюджета на 1925–26 годы. Другими словами, во всех тех вопросах, которые прямо или косвенно определяют объем и темп развития промышленности и отдельных ее отраслей, размеры содействия крестьянскому хозяйству в лице отдельных его слоев, или определяют долю рабочего в народно-хозяйственном продукте (заработная плата и прочее), между большинством и меньшинством ЦК, опирающимся на ленинградскую организацию, не вскрылось разногласий. Наконец, резолюции

октябрьского пленума, подводившие итоги всей указанной выше работе и легшие в основу резолюции, которую ЦК предъявляет съезду, были приняты единогласно.

2. Тем не менее, борьба вокруг единогласно принятых резолюций принимает все более острый, преимущественно организационный характер, лишь частично и довольно бесформенно отражаясь в печати и в прениях. Партия или, вернее, ее верхние, более посвященные ряды, становятся свидетелями и полупассивными участниками жесточайшей аппаратной борьбы вокруг вопросов о взаимоотношении пролетариата и крестьянства, но без противостоящих друг другу определенных законодательных предложений или принципиальных платформ.

3. Что касается существа разногласий, то они несомненно вытекают, как уже сказано, из ориентировки основных классов, из их стремления определить или уточнить свои взаимоотношения на новом этапе развития, из их опасений за завтрашний день и прочее. Что же касается формы их и метода, то они целиком вытекают из условий партийного режима, каким он сложился в течение последних двух-трех лет.

4. Чрезвычайная трудность, по крайней мере на данной стадии, определить реальной классовое существо разногласий, порождается совершенно небывалой ролью партийного аппарата, далеко оставляющего в этом отношении позади даже то, что было год тому назад. Достаточно только продумать значение того факта, что в Ленинграде была принята единогласно или почти единогласно резолюция, направленная против ЦК, в то время, как московской организацией единогласно, без единого воздержавшегося, принята резолюция, направленная против Ленинграда. Совершенно очевидно, что решающую роль в этом поразительном факте играли местные обстоятельства, коренящиеся в составе и в работе партийно-секретарского аппарата, а не в жизни самих масс. Известные массовые настроения, лишенные возможности сколько-нибудь правильно преломляться через массовые организации, профессиональные союзы, партию, доходят глухими и обходными путями или путями потрясений (стачки) до партийных верхов, дают те или иные толчки мысли и закрепляются затем уже по воле правящего в данной области аппарата.

II. Существо разногласий

5. Тем не менее, не случайно местом аппаратной оппозиции против ЦК оказался Ленинград. Проделываемые партией сложные и длительные маневры в отношении деревни, рост экономического и политического удельного веса деревни в общей жизни страны, рост расслоения внутри деревни, отставание промышленности от потребностей платежеспособного рынка, проявление тех или других неувязок в хозяйстве, медленный сравнительно рост заработной платы, напор безработных из деревни, – все это в совокупности своей не может не порождать как раз у наиболее мыслящих элементов пролетариата тревоги за завтрашний день. Происходят ли те или другие неувязки от ошибок предвидения и руководства или же от объективных причин (на деле имеет место, разумеется, и то

и другое), – факты остаются фактами и, не прорабатываемые систематически общественнопартийным мнением, создают время от времени настроения тревоги, что, в свою очередь, приводит к припадкам аппаратной паники, как это несомненно имеет место в Ленинграде.

6. Откидывая демагогию, поиски популярных лозунгов, приемы аппаратной самообороны и прочее, необходимо сказать: позиция, занятая ленинградскими верхами, является бюрократическим извращенным выражением политической тревоги наиболее передовой части пролетариата за судьбу нашего хозяйственного развития в целом и за диктатуру пролетариата.

ПРИМЕЧАНИЕ. Ссылки на то, что в блоке с руководителями ленинградской организации стоит тов. Сокольников, который во всех случаях противопоставляет ложно им истолковываемые интересы деревни и частнохозяйственного оборота жизненным интересам промышленности, не является ни в коем случае возражением против приведенной выше характеристики роли и смысла ленинградской оппозиции. Глухая аппаратная борьба неизбежно создает переплет и путаницу противоречивых тенденций, которые, очевидно, должны найти свое настоящее место в дальнейшем развитии борьбы. Но совершенно очевидно, что позиция тов. Сокольникова, готовая принести в жертву интересы промышленности и монополию внешней торговли во имя оживления товарного оборота вообще, не меняет смысла ленинградской оппозиции, которая представляет собою бюрократически-демагогическое приспособление аппаратной верхушки к тревоге передовой части рабочего класса за общий ход нашего развития.

Разумеется, сказанное не означает, что этой тревоги нет у рабочих в других частях страны, или что в Ленинграде она охватила рабочих целиком. Вопрос в том, где и как эти настроения проявляются, зависит в огромной степени от партийно-секретарского аппарата.

7. Глухой верхушечный пока что характер борьбы придает ее идейным отражениям крайне схематический, доктринерский и даже схоластический характер. Придавленная аппаратным единогласием, партийная мысль при столкновении с новыми вопросами или опасностями прокладывает себе дорогу обходными путями и путается в абстракциях, воспоминаниях, бесчисленных цитатах. Сейчас партийное внимание как бы сосредоточивается печатью на теоретическом определении нашего режима в целом.

III. Государственный капитализм и социализм

8. В 1921 году, при переходе к нэпу, Ленин особенно настаивал на определении складывающегося у нас хозяйственного режима в целом, как государственный капитализм. В то время, когда промышленность находилась в состоянии полного паралича, было много оснований думать, что развитие ее пойдет преимущественно путем смешанных обществ, привлечения иностранного капитала, концессий, аренды и прочее и прочее, то есть путем капиталистических и полукапиталистических форм, контро-

лируемых и направляемых пролетарским государством. В этих условиях кооперация должна была стать проводником товаров государственно-капиталистического происхождения, а, следовательно, составной частью государственно-капиталистического хозяйственного аппарата, связующей промышленность с крестьянством.

Фактическое развитие пошло, однако, по более благоприятному пути. Решающее место заняла государственная промышленность. В сравнении с ней не только смешанные общества, концессии и арендные предприятия, но и кустарные промыслы участвуют на рынке незначительной долей. Кооперация проводит вниз товары, доставляемые ею главным образом государственными трестами, то есть основными органами строющегося социалистического хозяйства. Это придает другой характер и самой кооперации, несмотря на то, что низшими своими звеньями она опирается на раздробленное частно-товарное крестьянское хозяйство. Кооперация становится составной частью не государственно-капиталистического, а формирующегося социалистического хозяйственного аппарата и ареной его борьбы с капиталистическими тенденциями.

Совершенно очевидно, что общее определение нашего хозяйственного режима как "государственный капитализм" теряет при этом смысл: ни государственная промышленность ни крестьянское хозяйство под это определение не подходит; называть же всю систему по ее наименее значительным составным частям (смешанные общества, концессии, аренда и прочее), было бы чудовищным нарушением всех пропорций.

Можно бы без труда показать, что во время дискуссии 23 года термин "государственный капитализм" применялся огульно к нашей общей системе в целом, в том числе и к государственным трестам с явным нарушением того смысла, который вкладывал в это понятие Ленин, когда рисовал менее благоприятную перспективу со слабой в первые годы ролью чисто государственной промышленности и большой ролью частного, в особенности иностранного капитала.

9. Оставляя, однако, в стороне прошлую путаницу вокруг этого вопроса, вытекающую из того, что живой ленинский анализ подменялся некритическим подбором цитат, можно с несомненностью сказать, что доктринерская по форме борьба вокруг термина "государственный капитализм" отражает собою стремление партийной мысли пересмотреть вопрос о взаимоотношении между промышленностью и сельским хозяйством ввиду неудовлетворительной его постановки в последние годы.

10. Осенью 1923 года официальная партийная мысль установила, что главная опасность состоит будто бы в чрезмерно быстром развитии промышленности, для которого не окажется настоящего рынка. Главным лозунгом в отношении промышленности было – не забегать вперед. Соответствие между промышленностью и сельским хозяйством понималось и истолковывалось статистически, а не динамически, то есть совершенно не выдвигалось то соображение, что ведущим началом является промышленность, что именно поэтому она должна "обгонять" сельское хозяйство, ведя его вперед, и что при правильном руководстве такое взаимоотношение может чрезвычайно ускорить общий темп хозяйствен-

ного развития. Вся хозяйственная установка получила минималистский характер. Пятилетние и иные программы промышленности, транспорт, кредиты и прочее оказались в результате такой постановки карикатурно приуменьшенными. Вся полоса хозяйственно-политического развития оказалась окрашенной пассивным преклонением перед состоянием крестьянского рынка, и каждый данный момент недооценкой или непониманием роли промышленности как экономического начала, не пассивно приспособляющегося к состоянию рынка, а динамически формирующего и расширяющего рынок.

Ссылка теперь, задним числом, на то, будто предупреждения и поучения 23 года в области сельского хозяйства и промышленности оправдались, находится в вопиющем противоречии с действительным ходом развития за последние два с половиной года. Предвидение и программы, отмеченные печатью робости и крохоборчества, приходилось неизменно исправлять под непосредственным напором потребностей из квартала в квартал, нередко из месяца в месяц, с неизбежным при этом нарушением не только предвидения, но и непосредственного руководства.*

11. Сейчас мы живем в период хвостов. Недостаток промышленных товаров создал серьезнейшие затруднения в деле экспорта, которые, в свою очередь, бьют по промышленности. Разумеется, нынешние хвосты коренным образом отличаются от хвостов первых лет советской власти: те являлись продуктом прогрессивного хозяйственного упадка, нынешний – вырастает из роста. Но они являются наиболее ярким выражением того, что в оценке перспектив хозяйственного развития руководящая мысль была поражена нерешительностью, минимализмом, недооценкой действительных возможностей.

12. Тревога и сомнения наиболее мыслящих слоев рабочего класса не могут не вызваться этим вопиющим несоответствием предвидения и действительности. Предвидение гласило: не зарываться, не спешить, чтобы не оторваться от деревни. А действительность обнаруживала на каждом шагу ужасающее отставание промышленности, необходимость спешных импровизаций в области промышленных планов. В довершение к этому – хвосты.

13. В отношении так называемой товарной интервенции – та же картина. Лозунг товарной интервенции, то есть предложение не забывать о международном разделении труда и мировом рынке и о необходимости пользоваться его ресурсами для регулировки внутреннего рынка и ускорения собственного хозяйственного развития, был объявлен уступкой кулаку. Эта установка питалась пассивным страхом перед внешним рынком и в выводах сбивалась на теорию замкнутого национального хозяйства. Действительность опровергла такую постановку вопроса целиком. Товарная интервенция оказалась навязанной ростом нашего собственного хозяйственного развития. Она показала, что может стать

* Дать точную хронологическую картину пересмотра различных производственных программ, в частности, показать, как ставился вопрос о заказах заграницей паровозов.

могущественным орудием ускорения развития государственной промышленности. Ее отрицательные последствия сказывались постольку, поскольку она производилась вопреки предвидению и плану, в порядке спешной поправки.

14. Все ярче и отчетливее обнаруживается, что планирование не есть пассивная увязка ведомственных планов, ограниченных наркомфином, и частнохозяйственных процессов, предугадываемых или определяемых в порядке статистики. Планирование государства, опирающегося на могущественный комбинат промышленности, транспорта, торговли и кредита, состоит в сознательной постановке больших хозяйственных задач и в создании условий для их выполнения. Минимализм или меньшевизм как метод подхода к задачам и возможностям, — существует не только в политике, но и в хозяйстве, тем более, что нынешняя политика состоит на девять десятых в разрешении хозяйственных задач. Производственный минимализм является продуктом недооценки ведущей роли государственной промышленности — с одной стороны, и ресурсов и методов, какими располагает рабочее государство — с другой стороны.

Партия нуждается в новой установке в этом основном вопросе. Государственная промышленность должна стать стержнем хозяйственного планирования, основанного на твердом, действенном соподчинении составных частей государственного и общественного хозяйства, как в его внутренних взаимоотношениях, так и в его взаимоотношениях с частным хозяйством.

9 декабря 1925 г. *Л. Троцкий*

ОБВИНЕНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПОРАЖЕНЧЕСТВЕ

Критику методов хозяйственно-партийного руководства пытались неоднократно отождествить с пораженчеством, то есть с расчетом на хозяйственные кризисы, на ухудшение экономического положения страны и вытекающее отсюда недовольство масс. Трудно представить себе более чудовищную клевету только на основе роста производительных сил, развития промышленности, экономических успехов вообще, может быть полностью обнаружена необходимость систематического, глубоко продуманного и твердого планового руководства. Затруднения, вытекающие из хозяйственных неудач, из задержки развития или упадка производительных сил, способны лишь потрясти советский строй, порождая недовольство или неверие в завтрашний день. Только новые, более сложные задачи, вырастающие из хозяйственного подъема, способны воспитывать партийную мысль, закалять ее, поднимать ее на более высокую ступень. В глазах марксиста эти элементарные мысли не нуждаются в доказательствах.

То же самое полностью и целиком относится и ко внутрипартийному режиму. Развитие его в сторону действительной демократии мыслимо только на основах хозяйственного подъема. Здоровое пульсирование

хозяйственной жизни, рост промышленности, повышение заработной платы, удовлетворение элементарных потребностей являются необходимыми предпосылками сплочения рабочих масс, роста их активности, их самостоятельности. Нет никакого сомнения в том, что наличность безработицы в среде квалифицированных рабочих за последние годы являлась предпосылкой развития и упрочения аппаратно-бюрократического режима. Рабочий чувствует себя тем более независимым в советской организации, в профсоюзе и в партии, чем прочнее у него под ногами почва, как у производителя. Ничем иным, как голой бессмыслицей, надо объявить поэтому всякую попытку связать борьбу за подлинное социалистическое руководство хозяйством и за подлинно большевистский режим в партии с надеждами на экономические неудачи и поражения. Прогрессивные тенденции в управлении хозяйством или в руководстве партией могут опираться только на новые и новые хозяйственные и культурные достижения, на рост промышленности и сельского хозяйства, повышения сознания рабочих, их культурности и активности на основе общего подъема страны. Таков курс оппозиции с начала до конца.

ПРИМЕЧАНИЕ. Именно с этой точки зрения нужно признать жестокой и глубоко принципиальной ошибкой введение государственной продажи водки. Как и следовало предвидеть, прежде чем она успела обнаружить свои успехи в деле вытеснения самогона в деревне, она завоевала себе широкое поле в городе. Она подрывает материальный уровень рабочих масс. Она понижает их культурный рост. Она принижает в их глазах авторитет государства. Ее фискальные выгоды ни в каком случае не покрывают тех ударов, которые она наносит хозяйству, физиологически и духовно поражая основную силу социалистического строительства – рабочий класс.

Л. Троцкий

12 декабря 1925 г.

В левой части первого листа документа рукописная приписка Л. Троцкого: "Очень важно развить". – *Прим. сост.*

ПОРАЖЕНЧЕСТВО

Обвинение в пораженчестве отвергаем полностью и целиком.

Только накопление и развитие хозяйственных успехов, повышение роли промышленности в хозяйстве, повышение роли пролетариата в производстве могут служить гарантией полного выпрямления классовой линии государства, орабочения его аппарата, преодоления бюрократизма.

Ставка на неудачи и поражения была бы одновременно изменнической и бессмысленной.

Л. Троцкий

12 декабря 1925 г.

ТЕЗИСЫ

ВСТУПЛЕНИЕ: голосование за тезисы о народном хозяйстве отнюдь не означало, что эти тезисы достаточны. Оно означало в данном случае, что тезисы настолько общи, что допускают и правильное конкретное истолкование. Естественное нежелание противопоставлять этим тезисам другие, не освобождают, однако, от необходимости сказать: ход прений на съезде по отчету ЦК с полной ясностью обнаружил бесформенность и недостаточность тезисов. Они должны быть во что бы то ни стало дополнены, конкретизированы, уточнены, иначе они останутся обломком додискуссионного периода.

1. Предварительный итог дискуссии: оселком для определения политики является отношение к промышленности.

2. Вопрос запутывается, поскольку с определением основной линии связываются оправдания и обвинения политики отдельных государственных органов (СТО, наркомфина и прочих).

3. Основная линия определяла политику всех органов – и советских и партийных, в том числе и Политбюро, – и эта основная линия была формулирована тов. Каменевым на XII съезде в противовес докладу о промышленности, была усугублена между XII и XIII съездами во время дискуссии и прочее. Эта основная руководящая линия по отношению к промышленности может быть формулирована словами: "реже шаг!".

4. Фактическая история промышленных программ, исходивших из лозунга "реже шаг!". И как результат – товарный голод.

5. Вздором является утверждение, что мы можем строить социализм черепашьим шагом (Бухарин). Непонимание вопроса темпа. Мировой рынок не ждет. И мужик не захочет ждать.

6. Вопрос о сравнительных количественных и качественных коэффициентах не есть вопрос промышленной статистики и бухгалтерии, а есть вопрос о судьбе нашего хозяйственного развития. В нынешних условиях темп определяет не только скорость движения, но и направление его.

7. Угрожающие ножницы между розничными ценами и оптовыми являются результатом недостаточного темпа промышленного развития. Эти ножницы означают, что известная часть прибавочной стоимости попадает в руки частного капитала, другими словами, что государственная промышленность служит источником не только социалистического, но и капиталистического накопления. Этого факта нельзя затушевывать голыми абстрактными противопоставлениями социализма и капитализма. Государственная промышленность постольку социалистична, поскольку она играет ведущую роль в народном хозяйстве. Отставая от его развития, она не только очищает место для капитализма, но и непосредственно питает его.

Надо добавить оценку политики цен и за счет чего происходит накопление частного капитала: а) сокращением роста промышленности; б) зарплаты.

7а. Смешно отделываться общими местами насчет необходимости соответствия между промышленностью, рынком, финансовыми средст-

вами и прочее. Дело идет не о пассивном соответствии, а об активном распределении средств в данных объективных условиях. Надо понять, что промышленность есть в полном смысле слова боевой фронт, атакуемый мировым капиталом, с сомнительным тылом – в виде крестьянского рынка.

8. Ленин писал, что нам нужна самая жесткая экономия во всех областях, чтобы каждую свободную копейку двинуть в промышленность. Во время гражданской войны закрывались целые комиссариаты для сосредоточения сил и средств на фронте. Разумеется, сейчас такой режим невозможен. Но при правильном понимании зависимости между темпом промышленного развития и судьбой социализма можно и должно в четырехмиллиардном бюджете произвести смело и твердо, по-ленински, перераспределение средств, дав 300–400 дополнительных миллионов промышленности.

9. Вопрос планового руководства надо поставить в полном объеме. Надо отбросить, наконец, идиотские рассуждения о том, что кто-то хочет навязать жесткий план и прочее и прочее. Дело идет не об этом, а о том, чтобы понять, что темп развития зависит от устранения лишних накладных расходов, то есть от правильности планового руководства, а для этого надо лучшие и наиболее квалифицированные силы с наиболее широким хозяйственным кругозором и со специальными знаниями сосредоточить в плановом штабе.

10. Надо понять раз навсегда, что СТО, политбюро и прочие в своем руководстве целиком и полностью зависят от предварительной компетентной и авторитетной проработки основных вопросов планового руководства. То обстоятельство, что на девятом году советского режима, в процессе начавшейся дискуссии, попутно обнаружилась несостоятельность ЦСУ, свидетельствует также о несостоятельности постановки всего нашего планового руководства.

11. "Лицом к деревне", как и "лицом к военным опасностям", как и "лицом к мировой революции" значит прежде всего "лицом к промышленности". Надо отбросить в корне ложное представление, будто промышленность есть один из подчиненных элементов нашего хозяйства, и будто планирование состоит в увязке (финансовой, торговой, административной и всякой иной) промышленности – с одной стороны, крестьянского хозяйства – с другой. Планирование осуществимо только через ведущую роль промышленности в народном хозяйстве.

12. Надо покончить с трехлетней традицией фактического руководства хозяйством через наркомфин, для которого все пути хороши, раз они поддерживают червонец, и который по этому одному не склонен слишком внимательно присматриваться, где кончается капитализм и где начинается социализм.

13. Надо с самого начала положить предел и дать отпор замашкам наркомторга стать на путь наркомфина.

14. Надо твердо понять, что госплан не может стоять между промышленностью, транспортом и прочим с одной стороны, крестьянским хозяйством – с другой, как третейский судья. Государство планирует прежде

всего **через промышленность.** Необходимо **соподчинение** госплана и ВСНХ. Не абстрактная идея планового хозяйства, "увязки", "учета" и прочее, а конкретное развитие промышленности, в соответствии со всеми внутренними и международными условиями, должно быть положено в основу работ госплана. В оркестре планировки индустрия играет первую скрипку. Это выражается в том, что председатель ВСНХ должен быть и председателем госплана.

15. Сжатие экспорта и возрастающие финансово-кредитные затруднения вытекают непосредственно из отставания промышленности, то есть из неправильного распределения сил и средств, и выход надо искать не в лозунге "реже шаг", то есть не в накоплении опасностей, вытекающих из отсталости промышленности, а в мерах широкого масштаба, в смелом, некрохоборческом пересмотре бюджета; в реальных шагах по привлечению иностранной техники; в решительной и твердой рационализации самой промышленности, начиная с устранения наиболее вопиющих накладных расходов, порождаемых параллелизмом, местничеством, вредной конкуренцией и прочее.

16. Нужно обеспечить подлинный хозяйственный штаб, нужно обеспечить подлинное хозяйственное руководство, лозунг: не "реже шаг", а "тверже шаг".

Л. Троцкий

декабрь 1925 г.

АНАЛИЗ ЛОЗУНГОВ И РАЗНОГЛАСИЙ

Ни о классах, ни о партиях нельзя судить только по тому, что они сами о себе говорят, по тем лозунгам, которые они в данный момент выдвигают. Это относится целиком и к группировкам внутри политической партии. Лозунги надо брать не сами по себе, а в связи со всей обстановкой и в особенности в связи со вчерашним днем данной группировки, с ее традициями, с подбором в ней человеческого материала и пр. и пр.

Это не значит, однако, что лозунги не имеют никакого значения. Если они не определяют физиономии группировки целиком, то они являются одним из составных элементов этого определения. Попробуем проанализировать основные лозунги, взятые сами по себе, и оценить их затем в рамках создавшейся политической обстановки.

Резкая постановка вопроса о дифференциации крестьянства есть, несомненно, факт положительного значения уже по тому одному, что от чисто абстрактного представления о кооперировании середняка она возвращает нас к реальности хозяйственного процесса. Сосредоточение внимания партии на дифференциации крестьянства заставляет понять, что внутренними средствами самой деревни выхода к социализму нет и быть не может. Отсюда сдвиг в позиции Каменева, который выдвигает теперь против Бухарина то соображение, что социализм не есть советская власть плюс кооперация, но нечто более сложное, именно: советская власть плюс электрификация, плюс кооперация, причем под электрификацией надле-

жит понимать индустриальную технику вообще. Такая постановка вопроса есть, по сравнению с позицией 1923 года, явившейся одной из причин систематического отставания промышленности, несомненным шагом вперед. Если довести мысль до конца, то она должна быть сформулирована, примерно, так: кооперирование может иметь и социалистический и капиталистический характер: если предоставить хозяйственный процесс деревни самому себе, то кооперирование, несомненно, пойдет по капиталистическому пути, то есть станет орудием в руках кулачества; только на основе новой техники, то есть на основе возрастающего перевеса промышленности над сельским хозяйством, кооперирование бедняка и середняка может обеспечить развитие к социализму; чем быстрее будет темп промышленности, чем скорее она достигнет перевеса над сельским хозяйством, тем увереннее можно рассчитывать на задержку процесса дифференциации крестьянства, на ограждение массы середняков от пролетаризации и пр.

Но в то самое время, когда Каменев противопоставляет аграрно-кооперативным перспективам Бухарина промышленность, как движущую силу, Бухарин выступает против Каменева по вопросу об оценке социальной природы самой промышленности. Каменев, Зиновьев и другие продолжают оценивать промышленность, как составную часть системы государственного капитализма. Эта точка зрения два-три года тому назад была общей, и особенно настойчиво провозглашалась во время дискуссии 1923–24 годов. Суть этой точки зрения состояла в том, что промышленность есть одна из подчиненных частей системы, в которую входят другими частями крестьянское хозяйство, финансы, кооперация, регулируемые государством частно-капиталистические предприятия и прочее и прочее. Все эти хозяйственные процессы, регулируемые и контролируемые государством, составляют систему государственного капитализма, которая через ряд этапов должна привести к социализму. В этой схеме руководящая роль промышленности совершенно исчезала. Плановое начало почти целиком оттеснялось финансово-кредитным регулированием, которое принимало на себя роль посредника между крестьянским хозяйством и государственной промышленностью, рассматривая их как две тяжущиеся стороны. Именно из этой схемы выросла конструкция аграрно-кооперативного социализма, против которой справедливо выступает Каменев. Но из этой же схемы выросла оценка государственной промышленности не как основного социалистического рычага, а как подчиненной составной части государственного капитализма, против чего ныне справедливо выступает Бухарин. Мы видим здесь, как обе стороны по частям ликвидируют общую их позицию 1923 года, приведшую к отставанию промышленности от сельского хозяйства – с одной стороны, а с другой стороны, – к середняцко-кооперативной схеме Бухарина, выраженной отнюдь не случайным лозунгом "обогащайтесь".

Ликвидировать позицию 1923 года надо не по частям, а полностью. Надо твердо и отчетливо сказать, что суть вопроса лежит не в сегодняшнем уровне дифференциации деревни, и даже не в темпе дифференциации, а в темпе развития промышленности, которая одна только способна

внести качественные изменения в основной процесс хозяйственного развития деревни. Отсюда вытекает далее, что "лицом к деревне" означает в первую голову "лицом к промышленности". Отсюда вытекает, что планирование не есть посредничество между промышленностью и крестьянским хозяйством, а есть целевая хозяйственная установка государства, осуществляемая в первую голову и главным образом через промышленность. Стержнем планирования может и должна быть программа развертывания промышленности. Планирование, поставленное в стороне от промышленности, неизбежно выродится в крохоборчество, во внесение тех или иных поправок, в попытки согласования от случая к случаю. Это относится так же к госплану, как и к СТО. Поскольку планирование превращалось в полупассивное посредничество между отставшей от рынка государственной промышленностью и крестьянским хозяйством, постольку наркомфин, естественно, отодвигал в сторону госплан, ибо финансы оказывались более радикальным и реальным средством посреднической регулировки, чем статистические комбинации госплана. Но финансовая и кредитная регулировка, по самому существу своему, не заключала в себе никакого планового начала и, питая весь хозяйственный процесс, не заключала и не могла заключать в себе гарантии развития к социализму.

На заре нашей хозяйственной работы Ленин выдвинул идею электрификации, как основу хозяйственного плана. Электрификация есть высшее выражение индустриального начала. Формально идея электрификации продолжала числиться руководящей идеей. На деле она занимает все меньшее относительно место в общем развитии хозяйства. Электрификация была теснейшим образом связана с идеей хозяйственного плана. Здесь нашла свое первое выражение мысль, что социалистическое хозяйство может планировать хозяйство только через индустриальную технику. Без теснейшей связи госплана с ВСНХ мы не будем иметь ни правильной целостной программы развертывания промышленности, ни реального целевого активного хозяйственного планирования, осуществляемого прежде всего через промышленность. Ибо от характера и темпа развития промышленности зависят и сельское хозяйство, и транспот, и устойчивость того же червоица. В общей цепи хозяйства промышленность является основным и решающим звеном.

Л. Троцкий

14 декабря 1925 г.

О ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОППОЗИЦИИ

"Правда" и ораторы съездовского большинства характеризуют ленинградскую оппозицию, как продолжение и развитие оппозиции 1923–24 годов. Надо прямо признать, что это сближение есть не только полемический прием, но и заключает в себе частицу истины. Необходимо только правильно выяснить, какую.

Существо ленинградской оппозиции сводится к обвинению официального курса или его правого крыла в том, что крестьянство начинает

заслонять пролетариат, а в самом крестьянстве кулак оттесняет середняка, а середняк – бедняка.

Сейчас не может быть никакого сомнения, что крупнейший толчок к дальнейшему развитию так называемый кулацкий уклон получил со времени XII и особенно XIII съездов. Борьба против троцкизма шла главным образом по линии обвинений в недооценке крестьянства. В чем был гвоздь обвинений? В том, что оппозиция ставит во главу угла промышленность и ее развитие, требует ускоренного темпа этого развития, то есть соответственного перераспределения ее средств, требует внесения планового начала в промышленность и прочее. Эта позиция объявлялась ревизией ленинизма, и главными условиями последнего провозглашались: смычка, союз рабочих и крестьян и прочее. У старшего поколения, не забывшего опыта истекших десятилетий, эти упрощенные формулировки ложились, по крайней мере, на накопленный опыт борьбы с народничеством за классовую политику пролетариата. Что же касается широких кругов молодежи, лишенной классового закала, то перед ней дискуссия последних годов, за вычетом всех наслоений и искажений, представала в таком виде: с одной стороны, признание "диктатуры промышленности" и непрерывного развития международной революции, а с другой стороны, смычка с крестьянством, союз с середняком, кооперация, как другой путь развития, и прочее. В сущности, молодое поколение, лишенное закала классовой борьбы, сформировалось на этой полемике. Можно с полной уверенностью утверждать, что этим самым создана была самая широкая и плодоносная почва для развития крестьянского уклона. Что вся общественная жизнь страны, при затяжке мировой революции и при отставании промышленности, создают для этого уклона благоприятные материальные предпосылки – в этом не может быть ни малейшего сомнения. Таким образом, под знаком борьбы с оппозицией шло формирование, особенно в младших поколениях партии, в комсомоле, элементов советского народничества, которые ждали своего теоретического оформления. Школа Бухарина это оформление, хотя бы и очень робкое и половинчатое, дала.

(Совершенно не случайно, что ленинградская организация оказалась наиболее восприимчивой к голосам предупреждения, как не случайно лидеры оппозиции в борьбе за самосохранение оказались вынуждены приспособляться к классовой восприимчивости ленинградского пролетариата. В результате получается совершенно чудовищный по внешности, но вполне закономерный в то же время парадокс: ленинградская организация, дошедшая в борьбе с оппозицией до геркулесовых столбов, громившая недооценку крестьянства, крикливее всех выдвигавшая лозунг "лицом к деревне", первой отшатнулась от последствий наметившегося партийного переворота, идейным источником которого была борьба с так называемым троцкизмом.

По поводу непрестанных криков о недооценке крестьянства, требования повернуться "лицом к деревне", выдвигания идеи о замкнутом национальном хозяйстве и замкнутом построении социализма, оппозиция еще в 1923–24 годах говорила об опасностях того, что такая идейная

установка в партии может подготовить и облегчить медленное сползание на мужицкий термидор. И мы слышим теперь, как ленинградцы называют по имени ту же самую опасность, в идейной подготовке которой принимали руководящее участие их вожди.)

Что ленинградские методы партийного и хозяйственного руководства; агитаторская крикливость, местническая заносчивость и прочее скопили в партии чрезвычайное недовольство ленинградской верхушкой; что к этому недовольству присоединяется острое возмущение ленинградским режимом со стороны многих и многих сотен работников, в разное время вышвырнутых из Ленинграда и рассеянных по всей стране, – эти факты совершенно неоспоримы, и значение их нельзя не дооценивать. В этом смысле обновление ленинградской верхушки и усвоение ленинградской организации менее комиссарского тона в отношении ко всей партии является бесспорно фактами положительного значения.

Но было бы слепотой упускать из виду тот факт, что под враждебностью к специфическим чертам и замашкам ленинградской верхушки на XIV съезде вскрылись настроения враждебности к идейной диктатуре города над деревенской страной. У центров слишком большой бюджет, у них промышленность, у них печать, у них самая сильная организация, у них идейное превосходство, они слишком малым поступаются в пользу деревни, оглушая ее голыми лозунгами, – таковы те тенденции, крайне ослабленным отголоском которых явились многие выступления на съезде. Сегодня очередь Ленинграда, завтра может наступить очередь Москвы. Выступление Москвы и Ленинграда друг против друга облегчает эту возможность. Провинция ухватилась за оппозицию Ленинграда Москве, чтобы подготовить удар по городу вообще. Разумеется, мы имеем здесь только первые предзнаменования процесса, который может в своем развитии стать роковым для роли пролетариата. (Примером чисто личной беспринципности и в то же время величайшим курьезом является тот факт, что в качестве одного из лидеров ленинградской оппозиции выступает сегодня Сокольников, который являлся и является теоретиком экономического разоружения пролетариата перед деревней.)

Ни Тамбовской губернии, ни Воронежской, ни Грузии нельзя скинуть со счетов. Крестьянский уклон вытекает из объективно необходимого внимания партии к крестьянству. Весь вопрос в степени и в активном противовесе. Наиболее активным противовесом могут быть деятельные и мощные пролетарские организации промышленных центров, то есть Ленинграда и Москвы. Демократизация внутренней жизни этих организаций является необходимым условием их активного и успешного противодействия крестьянским уклонам. На самом деле мы наблюдали обратное явление. Аппаратный режим усыплял обе эти организации. Всякое требование ослабления этого режима клеймилось, как капитуляция перед мелкобуржуазной стихией и прочее и прочее. Скованный целиком аппаратным режимом Ленинград на сто процентов послужил делу борьбы против оппозиции под лозунгом "лицом к деревне" и помог, таким образом, тенденциям национально-деревенской ограниченности развернуться и достигнуть уже достаточно яркого выражения на нынешнем съезде

партии. Хотя формально никто не соглашается с "крайностями" школы Бухарина, но фактически вся "стрельба" идет по Ленинграду.

Л. Троцкий

22 декабря 1925 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВЫПИСКИ ИЗ СТЕНОГРАФИЧЕСКОГО ОТЧЕТА XIV СЪЕЗДА ВКП (б), 18–31 ДЕКАБРЯ 1925 ГОДА, СДЕЛАННЫЕ ТРОЦКИМ

Каменев

"Товарищи, если даже тов. Бухарин в речи, которую он хотел сделать принципиально политической, счел необходимым повторить прием, знакомый партии, прием напоминания о наших октябрьских ошибках... (Г о л о с: "Зиновьев первый начал".) Давайте договоримся: если у вас есть поручение перебивать меня, то вы так и скажите. (Г о л о с: "Никто никакого поручения не давал, – у нас своя голова есть".) Так вот, мы предчувствуем, конечно, что если Николай Иванович встал на этот путь, то в дальнейшем эти темы и эти методы, вероятно, будут разработаны очень широко. Ну что же, шкуры у нас дубленые..." (сс. 244–245).

"Мы глубочайшим образом убеждены, что складывающаяся в партии теория, школа, линия, не находившая до сих пор и не находящая теперь достаточного отпора, гибельна для партии, поэтому наш долг заключается в том, чтобы предупредить партию..." (с. 246).

"Итак, товарищи, я утверждаю, что подобной обстановки для обсуждения принципиальных вопросов у нас в партии никогда не было. Я утверждаю, что наше выступление вынуждено, потому что нам не давали выступать раньше". (с. 248).

"Во время октябрьского пленума ЦК большинство ленинцев сказало: "Не смейте дискутировать". Большинство ленинцев запретило статьи Крупской и мою. Большинство ленинцев гарантировало совместную подготовку съезда. (Петровский: "Большинство политбюро".) И большинство политбюро свалило на голову съезда обвинение нас в пораженчестве и ликвидаторстве". (с. 249).

"Я тов. Сталина упрекал в ряде совещаний, я повторяю это перед съездом: ты вряд ли согласен с этой линией, но ты ее прикрываешь, и в этом твоя ошибка, как руководителя партии; ты твердый человек, но ты не даешь партии твердо опровергнуть эту линию, которую большинство партии считает неправильной. Я говорил тов. Сталину: если лозунг "обогащайтесь" мог гулять в течение полугодия по нашей партии, то кто в этом виноват? Виноват тов. Сталин. Я спрашивал его: ты согласен с этим лозунгом? – Нет, не согласен. Почему же ты мешаешь партии ясно и точно отвергнуть этот лозунг? Теперь я вижу, товарищи, что тов. Сталин целиком попал в плен этой неправильной политической линии (смех), творцом и подлинным представителем которой является тов. Бухарин". (с. 255).

Когда он жалуется, что не напечатаны были статьи Крупской, его и других, подается реплика (с места: "При нашем участии даже статьи Ильича не помещались, а вы хотите, чтобы вам разрешили монопольно писать") (с. 255).

"...Мы против того, чтобы создавать теорию "вождя", мы против того, чтобы делать "вождя". Мы против того, чтобы секретариат фактически объединяя и политику и организацию, стоял над политическим органом. Мы за то, чтобы внутри наша верхушка была организована таким образом, чтобы было действительно полновластное политбюро, объединяющее всех политиков нашей партии, и вместе с тем, чтобы был подчиненный ему технически выполняющий его постановления секретариат" (с. 274).

"Мы не можем считать нормальным и думаем, что это вредно для партии, если будет продолжаться такое положение, когда секретариат объединяет и политику и организацию и фактически предрешает политику. (Шум.) Вот, товарищи, что нужно сделать. Каждый, кто не согласен со мной, сделает свой вывод. (Голос с места: "Нужно было с этого начать".) Это право оратора начать с того, с чего он хочет. Вам, кажется, следовало бы начать с того, что я сказал бы, что лично я полагаю, что наш генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя большевистский штаб. Я не считаю, что это основной политический вопрос. Я не считаю, что этот вопрос более важен, чем вопрос о теоретической линии. Я считаю, что если бы партия приняла (шум) определенную политическую линию, ясно отмежевала бы себя от тех уклонов, которые сейчас поддерживает часть ЦК, то этот вопрос не стоял бы сейчас на очереди. Но я должен договорить до конца. Именно потому, что я неоднократно говорил это тов. Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба" (сс. 274–275).

"Эту часть своей речи я начал словами: мы против теории единоличия, мы против того, чтобы создавать вождя! Этими словами я и кончаю речь свою" (с. 275).

Томский

"Что у нас людей много? Что мы с ума сошли? Каменева и Зиновьева отстранить? Зачем? С какой стати? Что это такое? Оставьте вы эти разговорчики" (с. 288).

"...Нет, тов. Каменев, если вы ставите вопрос о том, что система единоличных вождей не может существовать, мы говорим: мы все время против этого боролись; система единоличных вождей не может существовать и ее не будет, да ие будет..." (с. 289).

"Скажите, тов. тов. Зиновьев и Каменев, когда была плоха линия Центрального Комитета? Когда вы внесли какое-нибудь практическое предложение, и его отвергли?

Когда у нас был спор с тов. Троцким, он приходил и говорил: "Вот была неправильная тактическая линия".

"Такого-то числа я вносил такое-то практическое предложение – его отвергли".

"Такого-то числа я вносил такое-то практическое предложение – его тоже отвергли".

"Можсте ли и вы дать нам документ о том, когда вы вносили поправки и какие поправки н резолюции XIV партийной конференции, и чтобы их отвергли? Не можете..." (с. 290).

"...Мы берегли достояние партии, ибо такие люди, как Каменев и Зиновьев не каждый день создаются партией. Мы это понимаем. Мы берегли то, что партия создала..." (с. 291).

Андреев

"К чему же сводится требование тов. Каменева об изменении структуры ЦК? Нет, товарищи, за этим кроется другое – за этим кроется нежелание признать растущий авторитет тов. Сталина, который является генеральным секретарем..." (с. 298).

"...Мы все ценим достаточно высоко и тов. Каменева и тов. Зиновьева. Напрасно тов. Лашевич убеждал нас в том, что мы стоим за то, чтобы сжить тов. тов. Каменева и Зиновьева со свету. Мы не мыслим себе даже, чтобы тов. тов. Каменев и Зиновьев не были в руководящем органе ЦК – политбюро..." (с. 298).

Калинин

"...Мое расхождение с тов. Зиновьевым началось с истории с тов. Троцким. Это было первое практическое расхождение. В чем суть этого расхождения? Мне казалось, что тот накопленный авторитет, который носит персонально тов. Троцкий, есть капитал, накопленный партией; растрачивать этот капитал надо очень и очень осторожно; поэтому и формы борьбы с ним должны быть таковы, чтобы при достижении максимальных результатов, минимально пострадал накопленный партией авторитет Троцкого" (с. 318).

"...и затем на одном нз собраний он выпалил: "обогащайтесь". Ну, будьте же немножко, хотя бы на один процент, людьми беспристрастными. Разве этот лозунг у нас в советской республике, при наших условиях, имеет большее практическое значение, чем, предположим, выкрик "напивайтесь в пустыне Сахаре"?

Не больше, товарищи. Вы придираетесь к нему, потому что тов. Бухарин слишком быстро идет на признание своих ошибок, а вы пользуетесь этим и хотите одного из крупнейших авторитетов нашей партии свести на нет. (Аплодисменты.) Вы крови бухаринской хотите. (Смех. Голос: "Это уже совсем напрасно".) Большинство ЦК находит, что тов. Бухарин ни в коем случае закланию подлежать не должен. Я считаю, что эту политику тов. тов. Зиновьева и Каменева съезд решительно должен пресечь" (сс. 320–321).

Сокольников

"...Для меня этот факт (неправильной линии в отношении Зиновьева и Каменева) состоял в том, что очень скоро после XIII съезда партии, без всяких поводов к этому со стороны Каменва и Зиновьева, тов. Сталин напечатал сделанный им на курсах секретарей укомов доклад, в котором он выступил впервые – этого у нас никогда не было – против Каменева и Зиновьева в печати..." (с. 333).

"...никаких абсолютно чувств неприязни, личной и политической, по отношению к тов. Сталину у меня нет, абсолютно никаких. Я это должен сказать, поскольку утверждают, что все наши отношения будто бы диктуются личной неприязнью и прочее. Этого нет, я ни в малейшей степени не сомневаюсь в том, что для всей партии огромнейшую пользу имеет работа, которую выполняет тов. Сталин" (с. 334).

"Я не могу согласиться с тем, что если в политбюро, или в ЦК, или на съезде встает вопрос о том, как должен быть организован секретариат, и должен ли тот или другой товарищ быть в составе секретариата, то это обстоятельство мы должны рассматривать, как попытку внутрипартийного переворота. С этим я не согласен. Товарищи, я лично убежден в следующем: я думаю, что влияние и авторитет тов. Сталина, если бы даже он не был генеральным секретарем нашей партии... (шум и крики). Товарищи, неужели мы в самом деле на съезде партии не можем обсуждать вопрос, который в любой губернской организации можно обсудить – кто будет ее секретарем и так далее?.. Так или иначе должны быть организованы отношения между секретариатом и политбюро, будет ли там сидеть тов. Сталин. Но я спрашиваю: почему, в какой степени может быть поколеблен авторитет тов. Сталина, если он работает в качестве члена политбюро? Разве этим в какой-нибудь мере уменьшается руководящее политическое значение каждого слова, сказанного тов. Сталиным? Не уменьшается. (шум, крики).

Я думаю, что мы напрасно делаем из вопроса о том, кто должен быть генеральным секретарем нашей партии, и нужен ли вообще пост генерального секретаря, вопрос, который мог бы нас раскалывать...

Да, у нас был Ленин. Ленин не был ни председателем политбюро, ни генеральным секретарем и тов. Ленин, тем не менее, имел у нас в партии решающее политическое слово. И если мы против него спорили, то спорили трижды подумав. Вот я и говорю: если тов. Сталин хочет завоевать такое доверие, как тов. Ленин, пусть он и завоюет это доверие..." (с. 335).

Жданов

"Теперь, товарищи, говорят здесь о том, что ежели кто ревизует ленинизм, то это не "четверка", не тов. Зиновьев, не тов. Каменев, а ревизует тов. Бухарин. И понятно, почему все стрелы направлены против Бухарина. Потому, что тов. Бухарин, как никто другой, представляет из себя одного из лучших теоретиков нашей партии. Разбить тов. Бухарина, дискредитировать в глазах партии этого теоретика – совершенно очевидно, что это есть один из политических маневров новой дискуссии, новой оппозиции" (с. 369).

1926 год

ЗАМЕТКИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ

1. Каждый общественный строй и каждый этап развития данного общественного строя в основе своей характеризуется степенью производительности труда.

2. Капитализм довел развитие производительных сил до того уровня, когда они стали несовместимы с капиталистическими общественными отношениями. В отношении Европы это надо понимать в абсолютном смысле, в отношении Америки – в относительном. В Европе производство перестало расти. В Америке оно растет несравненно медленнее, чем могло бы расти при социалистической организации.

3. В Советском Союзе мы имеем социалистическое государство, опирающееся на более низкие производительные силы, чем в капиталистических государствах. Общественных преград к развитию производительных сил нет. Вся задача сводится к развитию техники, к правильной организации труда, к рационализации производства.

4. Совершенно очевидно, что социалистическое хозяйство в нашей стране может развиваться и утверждаться лишь в том случае, если производительность труда выравняется с капиталистической, а затем и превысит ее.

5. Путь к этому лежит через индустриализацию нашего хозяйства, которое – при наших пространствах и естественных ресурсах – может вполне обеспечить нашу хозяйственную и военную промышленность.

6. Было бы, однако, неправильно думать, что путь хозяйственной самостоятельности на высокой индустриальной основе лежит через политическую экономику замкнутого в себе государственно-хозяйственного целого. Наоборот, только пользуясь ресурсами мирового хозяйства, можно сравняться с ним и превысить его.

7. Международное разделение труда вытекает как из естественных, так и из исторических причин. То обстоятельство, что наша страна перешла к социалистической организации хозяйства в то время, как остальное человечество живет в капиталистических условиях, отнюдь не отменяет международного разделения труда и вытекающих из него связей и зависимостей. Одной из причин нашего хозяйственного упадка в первые годы

революции была блокада. Выход из блокады означает восстановление хозяйственных связей, вырастающих из мирового разделения труда, то есть, прежде всего, из разницы экономических уровней разных стран.

8. Характер и размер внешней торговли и являются непосредственным выражением того, как и в какой мере мы пользуемся мировым капиталистическим товарооборотом для ускорения темпа нашего хозяйственного развития.

9. Вступая в интенсивный товарооборот с капиталистическими странами, мы тем самым ставим наше хозяйство под критерий производительности труда и себестоимости мирового рынка.

10. Монополия внешней торговли является могущественным орудием, непосредственно ограждающим нас от экономического натиска богатых капиталистических стран и обеспечивающим за нами достаточно длительный срок, чтобы поднять свою технику и хозяйство.

11. Но было бы неправильно думать, что монополия внешней торговли является абсолютной гарантией. Степень ее действительности зависит от того темпа, с каким производительность труда в нашем хозяйстве приближается к производительности труда в хозяйстве мира.

12. В наших валютных затруднениях контроль мирового рынка сказывается наиболее отчетливо и непосредственно: мы недостаточно вывозим, чтобы иметь возможность своевременно ввозить все, что необходимо для дальнейшего роста нашего хозяйства.

13. В чем лежат причины, препятствующие экспорту?

Причина та, что экспорт нерентабелен для государства, либо невыгоден для производителя-крестьянина. Нерентабельность может происходить от основных и второстепенных причин. Если нерентабельность происходит от чрезмерности торговых, транспортных и иных накладных расходов, то здесь мы имеем проверку через мировой рынок целесообразности государственно-торгового аппарата, на который опирается монополия внешней торговли. Основная же причина состоит в ножницах сельскохозяйственных и промышленных цен. Крестьянин получает за свои продукты, предназначенные для экспорта, предельную цену, допускаемую мировым рынком и условиями экспорта. Но цена, получаемая крестьянином, оказывается недостаточной в переводе на цены промышленных изделий. Если бы дело шло о замкнутом хозяйстве, то сельскохозяйственные цены пришли бы в известное соответствие с промышленными. Но так как условием нашего движения вперед является экспорт, то цены продуктов крестьянского хозяйства подвергаются давлению цен мирового рынка.

Монополия внешней торговли может в течение длительного времени ограждать от иностранной конкуренции дорогую продукцию внутренней промышленности, но монополия не может поднять хлебных цен мирового рынка.

14. Ресурсы мирового рынка с точки зрения наших экспортных потребностей являются практически неограниченными. Потребности наши в предметах импорта практически также безграничны. Это не стоит ни в каком противоречии с курсом на индустриализацию, наоборот, целиком вытекает из него.

Практически пределы импорта определяются полностью и целиком пределами экспорта.

15. Отсюда очень легко сделать тот вывод, что ключом позиции является сельскохозяйственный экспорт, что в сельское хозяйство нужно направить максимальное количество дополнительных средств, чтобы, раздвинув экспортные ресурсы через импорт, ускорить развитие промышленности.

16. На самом деле такая позиция ошибочна. В основе экспортных затруднений лежит диспропорциональность сельскохозяйственной и промышленной продукции. Это значит не то, что деревня производит слишком много, а то, что город производит слишком мало. Высокая себестоимость промышленной продукции тесно связана с ее недостаточным количеством.

17. Теоретически мыслимый выход можно искать в двух направлениях: во-первых,*

Л. Троцкий

15 января 1926 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РЕЧЬ ТОВ. ВОРОШИЛОВА НА ПУТИЛОВСКОМ ЗАВОДЕ 20/I–26

ВОРОШИЛОВ. Товарищи, два слова относительно решения Центрального Комитета в отношении тов. Троцкого. Тов. Глебов допустил здесь привести, выражаясь мягко, оговорку. В январе месяце 1925 г. у нас были весьма серьезные споры с меньшинством ЦК и было решено тов. Троцкого оставить во всех учреждениях, посмотреть, как он будет работать, как он будет себя вести, какие выводы он для себя сделает после тех жесточайших уроков, которые ему были даны партией. Затем в октябре месяце, когда можно уже было констатировать, что Троцкий ведет себя неплохо, исправляется, работу, порученную ему, выполняет добросовестно, по-большевистски, не без пользы, что есть все надежды на его полное выправление – был поднят вопрос, как дальше быть. И товарищи из меньшинства в ЦК вновь потребовали исключения Троцкого из Политбюро. В этом вопросе был жесточайший бой. И после долгих споров, после долгих разговоров, было решено оставить тов. Троцкого и снова посмотреть: если тов. Троцкий и теперь (как это утверждали из меньшинства) проявит себя в том смысле, что работать будет плохо, не по-большевистски – тогда держать курс на его исключение из Политбюро. Наконец, мы дожили до съезда. И после XIV съезда в первых числах января месяца на пленарном заседании ЦК, из 64 человек состоящего, был предложен спи-

* Документ обрывается. – *Прим. сост.*

сок Политбюро и за этот список, тов. Глебов-Авилов, голосовали единогласно, в том числе Зиновьев, Каменев, Евдокимов и все.

АВИЛОВ (с мест) : Единство хотели.

ВОРОШИЛОВ. Мы вам очень благодарны за это. Тов. Троцкий был избран в Политбюро (аплодисменты). (Шум.) Почему был единогласно избран? Да потому, товарищи, что было бы глупо, неправильно, дико, я бы сказал, если бы мы в этот момент, когда началась драка между ленинградцами, стали бы создавать новые затруднения. Тов. Троцкий вел себя на съезде более чем прилично. Он не вмешался в эту драку, хотя смог бы вмешаться (шум, звонок председателя) и создать много затруднений. А ведь тов. Троцкому немало сочувствуют и не столько в партии, сколько вне партии. Ему многие сочувствуют, которые в нашей стране играют немалую роль (шум, звонок председателя), и тов. Глебов-Авилов распинается здесь зря.

Глебов говорит, что мы признаем наши госпредприятия последовательно социалистическими. Но построим ли мы социализм? Помолчим об этом. Строить будем, но пока помолчим. Черта с два построим мы так. Ничего мы не построим. (Аплодисменты.) Строить-то мы, может быть, будем, а вот что мы построили, так это одному богу известно (аплодисменты). Вот тут, товарищи, и проскальзывает, кто вы. (Шум. Звонок председателя.) Тут, уважаемый друг мой, и проскальзывает неверне, сомнение ваше в том, может ли быть на Западе революция. А разве Троцкий не на этом сломал себе шею? Он говорил: никакого крестьянства нет, есть мировой пролетариат. (Голоса: "Довольно!" – "Продолжай, просим". Аплодисменты. Шум. Звонок председателя.)

ВОРОШИЛОВ. Для того, чтобы строить социализм... (Гол.: "Довольно!". Шум.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Призываю к спокойствию. (Шум. Звонок. Голос с места: "Матюшин, уговори своих. Накачали...")

ВОРОШИЛОВ. Для того, чтобы строить вообще что-нибудь, необходимо, если вы возводите фундамент, знать, что вы строите: сарай, церковь или броненосец, а может быть, и пушку. Это нужно знать заранее.

СТАБИЛИЗАЦИЯ И ЛОЗУНГИ

К тезисам

В 1924–25 году лозунг "Соединенные Штаты и Европа" был снят, так как политика пошла по руслу внутренней государственной стабилизации. Это было правильно.

По той же самой причине [лозунг] был снят рабоче-крестьянским правительством.

Ныне тезисы выдвигают лозунг "Соединенные Штаты Социалистической Европы" вполне своевременно. Внутренние стабилизационные процессы совершились и уже переходят в свою противоположность. Давление

Америки обнаружилось уже не в прогнозе, а в тяжеловесных фактах. Но если мы выдвигаем лозунг "Соединенные Штаты Социалистической Европы", то тем самым мы должны выдвинуть лозунг "Рабоче-крестьянские правительства", по крайней мере для некоторых стран, в первую голову, для Франции. Это целиком вытекает из кризиса парламентаризма.

К стр. 21-й тезисов

До тех пор, пока социал-демократия участвует в коалиционных правительствах или выражает согласие в них участвовать, или терпит в своей среде тех, которые проповедуют коалицию с буржуазией, до тех пор, пока социал-демократия прямо или косвенно поддерживает буржуазные государства, голосует за военный бюджет, отстаивает защиту империалистического отечества или терпит в своей среде патриотов и империалистов, до тех пор, пока социал-демократия проповедует рабочим, что они не смеют выходить из повиновения законов буржуазного государства, буржуазного парламентаризма и пр., до тех пор, пока социал-демократия не провозгласит открыто, что господство буржуазии может быть сброшено лишь вооруженным восстанием рабочего класса, до тех пор, пока социал-демократия не призовет рабочие массы к тесному союзу с республикой советов для общей борьбы против империализма и буржуазного господства во всех странах – не может быть и речи и пр. и пр.

Л. Троцкий

13 февраля 1926 г.

Экз. № 13
Исх. № 1643/с
от 25.III.26 г.

С. секретно
Копия

Полный текст решений комиссии.
Л. Троцкий

ВОПРОСЫ НАШЕЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ И ЯПОНИИ*

1. В положении Китая надлежит учитывать факторы трех категорий:
   а) внутренние силы Китая;
   б) милитаристские организации, которые, выражая в той или другой форме внутренние силы Китая, в чрезвычайной степени зависят от иностранных государств;

* Слева на полях приписка Троцкого: "Решения комиссии. Председатель Троцкий. Члены: Чичерин, Ворошилов, Дзержинский". Вверху первой страницы приписка секретаря Троцкого: "Исправленный Л. Д. экземпляр. Отправлен в П. Б. 3 апреля 1926 г. на имя тов. Товстуха". Ниже имеются еще две приписки, возможно взаимосвязанные: "дипломатическая перегруппировка – через две недели". – ***Прим. сост.***

в) силы иностранного империализма, с одной стороны, силы СССР и пролетарского революционного движения, с другой.

Вся трудность ориентировки — во взаимоотношении этих факторов трех категорий, из которых каждая имеет свою внутреннюю логику и свой темп развития.

В развитии пробужденной страны с четырехсотмиллионным населением решающими, конечно, являются в последнем счете факторы внутреннего порядка. На развитие этих внутренних сил, т. е. прежде всего на вовлечение в революцию крестьянства и обеспечение руководства пролетарских организаций, должны мы взять нашу основную ориентировку. Наше решающее преимущество в том, что мы имеем возможность вести в Китае политику большого исторического масштаба.

При этом мы, разумеется, не можем игнорировать борьбу милитаристских групп со всеми эпизодическими удачами и неудачами, но должны не позволять этим эпизодам совлекать нас с основной линии нашей политики.

I. Международная ориентировка китайской революции и СССР

2. Нет данных, которые заставляли бы думать, будто бы развитие внутренних сил китайской революции приостановилось хотя бы временно. Наоборот, имеются все основания полагать, что в ближайший период движение широких народных масс — рабочих и крестьянских — будет развиваться и крепнуть. Мы со своей стороны должны сделать все, чтобы придать этому движению максимальный размах. Но международная обстановка стала несравненно трудней в связи с известной стабилизацией Европы, Локарнским соглашением и — особенно — *постановкой империалистами китайской проблемы в полном объеме.* В этих условиях руководящие революционные силы Китая, а тем более Советское государство, должны сделать все для того, чтобы затруднить создание единого империалистического фронта против Китая. Крайне опасной для китайской революции в настоящий момент может стать Япония, как ввиду ее географического положения, так и ее жизненной экономической и военной заинтересованности в Маньчжурии. *Китайское революционное движение подошло к тому этапу, когда вопрос об отношениях с Японией получает для него крайне важное значение.* Необходимо сделать попытку добиться здесь передышки, а это значит на деле "отложить" вопрос о государственной судьбе Маньчжурии, т. е. фактически примириться с тем, что Южная Маньчжурия останется *на ближайший период* в руках Японии, не прекращая, разумеется, общеполитической борьбы против японского империализма.

3. Данная политическая ориентировка, ни в каком случае не означающая, разумеется, прекращения общеполитической борьбы против японского империализма, должна быть полностью согласована с китайской компартией и Гоминданом. Нужно при этом заранее учесть, насколько такая ориентировка трудна для революционных элементов Китая и для его широкого общественного мнения, ввиду крайней вражды против

Японии. Тем не менее ориентировка эта диктуется внутренними потребностями китайской революции, которая до новой революционной волны в Европе и Азии не сможет устоять против объединенного натиска империалистов. С интересами китайской революции вполне совпадают в этом случае, как и в других, интересы советского государства, которому *продление* передышки нужно так же, как и китайскому революционному движению *завоевание* передышки.

4. Из сказанного ясно, что курс на обострение противоречий между империалистическими державами на Дальнем Востоке и, в первую голову, курс на известное соглашение с Японией должен быть тщательно подготовлен в отношении общественного мнения революционных сил Китая, дабы исключить возможность ложного истолкования этой политики со стороны недостаточно информированных элементов, как жертву интересами Китая в целях улаживания межгосударственных отношений СССР и Японии.

5. Для надлежащей ориентировки китайского общественного мнения признать, в частности, необходимым усиление революционного и антиимпериалистского влияния на китайскую печать как путем создания новых органов, так и путем воздействия на существующие.

6. В случае создания автономной Маньчжурии, к чему стремится Япония, надлежит добиваться отказа Чжан Цзолиня от экспедиций на юг и вообще от вмешательства во внутренние дела остального Китая. Разумеется, мы ни в каком случае не можем брать на себя инициативы или хотя бы косвенной ответственности в этом деле, но ясное понимание смысла автономии Маньчжурии в нынешних условиях само по себе продиктует необходимую линию поведения руководящим кругам китайского революционного движения, с одной стороны, нам – с другой.

7. Ввиду намеченного выше общего направления политики, сейчас для нас важнее, чем когда бы то ни было, устранить все лишние, побочные и второстепенные моменты, раздражающие китайское общественное мнение. Совершенно несомненно, что в действиях представителей разных ведомств в отношении Китая были недопустимые великодержавные замашки, компрометирующие советскую власть и вызывающие представление об ее империализме.

Внушить соответственным органам и лицам жизненную важность для нас такой политики и даже такой *внешней формы* политики в отношении Китая, чтобы самая тень подозрения в великодержавных замыслах была устранена. Везде и всюду проводить линию, основанную на величайшем внимании к правам Китая, на подчеркивании его суверенитета и пр. и пр. В каждом отдельном случае нарушения такой политики, как бы незначительны эти нарушения ни были, карать виновных с доведением об этом до сведения китайского общественного мнения.

8. В разных формах гласно заявить: наша политика, целиком основанная на сочувствии к борьбе народных масс Китая за единое независимое государство и демократию, устраняет, однако, мысль каких бы то ни было военных интервенций с нашей стороны. Разрешить китайскую проблему может и должен сам китайский народ. До осуществления

единства Китая советское правительство стремится к установлению и поддержанию лояльных отношений со всеми существующими в Китае правительствами, как центральным, так и провинциальными.

9. В Маньчжурии дипломатическая работа целиком и полностью переносится из Харбина в Мукден.

10. С Чжан Цзолином договариваться на такой основе: для нас ясно, что при существующих условиях маньчжурская власть должна сохранять хорошие и устойчивые отношения с Японией; мы на эти отношения не покушаемся; но для маньчжурской власти выгодно в то же время сохранять устойчивые и мирные отношения с нами, обеспечивая тем самым себе известную независимость по отношению к Токио.

При переговорах указать Чжан Цзолину на то, что известные японские круги согласны на замену Чжан Цзолиня другим буферным генералом, но что мы не усматриваем основания к замене Чжан Цзолиня другим лицом при условии установления нормальных отношений.

11. Основным элементом договоренности *с Маньчжурией* является выработка строго делового режима для КВЖД:

а) точная согласительная процедура (на паритетных началах) для всех спорных или конфликтных вопросов;

б) в случае каких-либо осложнений вопрос переносится в Мукден.

Одновременно с этим наш управляющий дорогой, консул в Харбине и генеральный консул в Мукдене получают инструкцию: всякая попытка железнодорожных властей разрешать вопросы односторонне, через голову китайских властей, а тем более путем ультиматумов этим последним, должна караться без всякого снисхождения.

12. После соглашения с Чжан Цзолином и соответственной регистрации этого соглашения в Пекине добиться созыва китайско-японско-советской железнодорожной конференции с задачей выработать общий всем трем державам план железнодорожного хозяйства и строительства в Маньчжурии и касающегося Маньчжурии экономического соглашения на основах полного уважения к взаимным интересам и правам.

13. При строгом сохранении действительного аппарата КВЖД в руках советской власти, что только и может оградить на ближайший период дорогу от захвата ее империалистами, — необходимо сейчас же предпринять широкие меры культурно-политического характера для *китаизации* дороги.

а) Ввести делопроизводство на двух языках. Вокзальные надписи, инструкции, вывешенные на вокзалах и в вагонах, и пр. должны быть на двух языках.

б) Создать китайскую школу железнодорожников, соединяя техническое воспитание с политическим.

в) Создать в соответственных пунктах по линии необходимые культурно-воспитательные учреждения для китайских рабочих и соприкасающегося с дорогой китайского населения.

14. Необходимо проверить (тов. Серебрякову), не может ли передача дороги непосредственно НКПС быть истолкована китайской стороной как шаг к одностороннему захвату дороги нами.

Тщательно продумать и проработать с заинтересованными китайскими кругами все детали изменения режима дороги.

15. Воспользоваться нынешним моментом, когда наши действия на дороге имеют совершенно свободный характер для того, чтобы в соответствии с решением Политбюро провести в месячный срок серьезную чистку на КВЖД, переводя малопригодные или скомпрометировавшие себя элементы администрации и рабочих на дороги Союза и заменяя их в Маньчжурии безусловно надежными и политически воспитанными работниками с центральных дорог.

16. С другой стороны, необходимо теперь же тщательно собрать (и выяснять в дальнейшем) все случаи произвола и насилия со стороны китайской военщины, полицейщины и русской белогвардейщины по отношению к русским рабочим и служащим КВЖД, а также все случаи конфликтов между русскими и китайцами на национально-бытовой почве. Нужно создать такие пути и способы отстаивания личного и национального достоинства русских рабочих, чтобы конфликты на этой почве не разжигали шовинистических чувств обеих сторон, а наоборот, имели бы политико-воспитательное значение. Необходимо создать особые согласительные комиссии или суды чести при профсоюзе с участием обеих сторон на началах равноправия и под фактическим руководством серьезных коммунистов, понимающих всю важность и остроту национального момента.

Способы ограждения железнодорожных служащих от произвола местных китайских властей должны быть разработаны в соответственном договоре (с Мукденом и с Пекином) и обставлены всеми необходимыми организационными гарантиями.

На все эти темы необходимо издать инструкции и воззвания на русском и китайском языках и распространить их по линии дороги, вывесить в вокзальных и тому подобных помещениях, а также в вагонах.

17. Обновить состав генерального консульства в Харбине в соответствии с указанной выше политикой.

18. Один из пунктов соглашения с Чжан Цзолинем (а в дальнейшем и с Японией) должен оградить народно-революционную Монголию от покушений Чжан Цзолиня.

19. Сейчас общих переговоров с Японией не начинать, а сосредоточить внимание на фактическом улучшении отношений путем проведения всех намеченных выше мероприятий и путем соответственного *воздействия на японское общественное мнение*, поручив НКИД разработать соответственную систему мер. Не предрешая форм возможного тройственного соглашения (СССР, Япония, Китай) подготовлять политически и дипломатически почву так, чтобы те уступки, какие Китай может оказаться вынужденным временно сделать Японии, ни в каком случае не могли быть истолкованы в Китае как раздел сфер влияния при нашем участии; китайское общественное мнение, особенно левых кругов, должно твердо усвоить, что мы готовы мириться лишь с теми уступками Китая японскому империализму, какие необходимы для самого народно-революционного движения Китая, чтобы оградить себя от единого наступательного

фронта империалистов. В этой перспективе возможные общие переговоры должны будут иметь своей целью ценою уступок оторвать Японию от Англии.

20. В случае, если бы выяснилось, что народные армии надолго сдают позицию У Пэйфу, могло бы оказаться целесообразным искать соглашения с этим последним, чтобы ослабить его зависимость от Англии, неизменно ведя в то же время борьбу против Англии как главного и непримиримого врага китайской независимости.

21. В отношении народных армий необходимо провести всестороннюю политико-воспитательную и организационную работу (Гоминдан, компартия), чтоб превратить их в действительный оплот народно-революционного движения, независимый от личных влияний.

22. Кантон. При медленном развитии революционного движения в Китае Кантон приходится рассматривать не только как временный революционный плацдарм, но и как огромную страну с населением в 37 миллионов душ, вынужденную – и по экономическим и по политическим причинам – установить тот или другой модус вивенди с иностранными государствами. Пользуясь нашей поддержкой издалека, Кантон зажат непосредственно между французскими владениями с юга и областью английского влияния с севера и с востока, т. е. с моря. При возможных согласованных враждебных действиях со стороны Франции и Англии положение Кантона может стать крайне тяжким. Необходима со стороны кантонского правительства попытка установить модус вивенди с Францией на основе тех или других уступок.

ПРИМЕЧАНИЕ: Запросить тов. Раковского насчет того, имеются ли известные шансы для кантонского правительства установить официально или неофициально тот или другой модус вивенди с Францией, и не целесообразно ли было бы в целях прощупывания французского правительства в этом направлении отправить представителя Кантонского правительства в Париж.

Правительство Кантона должно сосредоточить все свои усилия на внутреннем укреплении республики путем проведения аграрных, финансовых, административных и политических реформ; путем вовлечения широких народных масс в политическую жизнь Южнокитайской республики и путем укрепления ее внутренней обороноспособности.

Првительство Кантона должно в нынешний период решительно отклонять мысль о военных экспедициях наступательного характера и вообще о таких действиях, которые могли бы толкнуть империалистов на путь военной интервенции. (Поправка Сталина – Л. Т.)

23. Принимая во внимание, что в целом ряде принятых решений имеются такие элементы, которые толкают руководителей Гоминдана к осторожности и уступчивости, в определенных строго очерченных вопросах необходимо – во избежание какого бы то ни было уклона общей политики – твердо разъяснить, что такого рода вынуждаемые обстоятельствами уступки ни в коем случае не должны ослаблять революционный размах движения или урезывать самую широкую агитацию как в Ки-

тае, так и за пределами его, в целях содействия революционному движению соседних угнетенных колониальных стран и пр. и пр.

24. Ввиду требования со стороны китайской реакции, подстрекаемой империализмом, об отозвании тов. Карахана, признать необходимым развить в Китае (а по возможности, и в других странах, прежде всего – в Англии и Японии) самую энергичную политическую кампанию против этого наглого требования, разъясняя смысл и содержание освободительной политики, проводившейся тов. Караханом как представителем Советского Союза.

II. Железнодорожные вопросы в Маньчжурии

1. Желательна отсрочка конференции о маньчжурских железных дорогах до улучшения отношений на КВЖД.

2. О железнодорожном строительстве КВЖД следует предварительно сговориться с Мукденом, имея в виду, что с самостоятельным железнодорожным строительством в Маньчжурии СССР выступать не может.

3. С целью развития железнодорожного строительства КВЖД должны быть уменьшаемы затраты на благоустройство КВЖД с тем, чтобы все свободные средства были обращаемы на железнодорожное строительство.

4. Принять план железнодорожного строительства КВЖД, выдвинутый НКПС.

5. Для постройки отдельных подъездных путей считать желательной организацию акционерных обществ с привлечением местного китайского капитала и, по возможности, с китайской инициативой.

6. КВЖД не должна ограничивать свои задачи проведением подъездных путей, но должна стремиться к проведению шоссейных дорог с автомобильным транспортом и к развитию судоходства.

7. Пытаться всеми наличными средствами противодействовать проведению японских железнодорожных линий к северу от КВЖД, а также на Хайлар и смычке железнодорожных линий к востоку от Гирина с КВЖД.

8. Для давления на Японию муссировать сведения о проведении нами железнодорожных линий от Читы через восточную Монголию.

9. Иметь в виду при первой возможности приступить к постройке железной дороги от Верхнеудинска на Ургу–Калаган и от Хабаровска на Советскую Гавань.

10. Поручить НКПС выяснить, какие разногласия между КВЖД и ЮМЖД по вопросам тарифов, рефракций и распределения грузов должны быть поставлены на конференции правительств.

11. Ответить Дебчи, что в связи с поездкой тов. Серебрякова, стоящие перед нами вопросы будут выясняемы на месте, причем тов. Серебряков лично заедет в Токио, после чего с нашей стороны будут выдвинуты конкретные предложения, имеющие своей целью урегулирование спорных вопросов и устранение трений на началах взаимного уважения к интересам всех трех заинтересованных сторон.

III. О японской иммиграции

При разрешении вопроса о японской иммиграции на советском Дальнем Востоке следует считаться с крайней заинтересованностью в этом японского общественного мнения. Принимая, однако, во внимание опасность японской колонизации на Дальнем Востоке, следует все шаги проводить с необходимой осторожностью и постепенностью. Устанавливать численность допускаемых в СССР японских иммигрантов сейчас преждевременно, но во всяком случае, японская иммиграция не должна быть многочисленной. Японская иммиграция должна быть строго урегулированной и контролируемой, она должна происходить в разбивку, на японские средства, при помощи созданного для этой цели специального общества. Японские колонисты должны быть расселяемы по шахматному принципу одновременно с усилением колонизации из Центральной России. Предоставляемые участки должны быть приемлемы для японских крестьян, причем надо учитывать особенности японского земледелия. Подходящие для японских колонистов участки имеются в районе Хабаровска и дальше к югу, но не в глубине Сибири. Не следует допускать корейской иммиграции в этих районах под видом японской. Вопрос о корейской иммиграции должен быть рассмотрен отдельно, причем корейцам могут быть предоставляемы районы значительно дальше в глубине Сибири.

Верно: *С. Чечулин*

ПРИЛОЖЕНИЕ
(из документов 1919 года)

Копия
Секретно

ЦК РКП

Крушение Венгерской республики, наши неудачи на Украине и возможная потеря нами Черноморского побережья, наряду с нашими успехами на восточном фронте, меняют в значительной мере нашу международную ориентацию, выдвигая на первый план то, что вчера еще стояло на втором.

Разумеется, время теперь такое, что большие события на Западе могут нагрянуть не скоро. Но неудача всеобщей демонстративной стачки, удушение Венгерской республики, продолжение открытой поддержки похода на Россию – все это такие симптомы, которые говорят, что инкубационный, подготовительный период революции на Западе может длиться еще весьма значительное время.

Это значит, что англо-французский милитаризм сохранит еще некоторую долю живучести и силы и наша Красная армия на арене европейских путей мировой политики окажется довольно скромной величиной не

только для наступления, но и для обороны. В этих условиях мелкие белогвардейские страны по западной окраине могут создать для нас до поры до времени "прикрытие".

Иначе представляется положение, если мы станем лицом к востоку. Правда, разведывательные и оперативные сводки восточного фронта так общи и по существу небрежны, что я до сих пор не составил себе вполне точного представления о том, разбили ли мы Колчака в конец или только побили его, дав ему все же возможность увести значительные силы на меридиан Омска. Во всяком случае, здесь открыты довольно широкие ворота в Азию, где – предполагая даже худшее, т. е. что Колчак далеко еще не разбит, – нам противостоят все же не крупные изолированные силы с крайне протяженными и необеспеченными коммуникациями.

Остается, правда, еще вопрос об японских войсках в Сибири, в которых числится несколько десятков тысяч. Цифра эта сама по себе незначительная для сибирских пространств. Кроме того, имеющиеся сведения говорят, что японцы не продвигались на запад от Иркутска. Есть все основания предполагать, что Америка будет более, чем когда-либо, противодействовать продвижению Японии в Сибирь. Колчак был непосредственно *американским* агентом. Высаживая свои дивизии во Владивостоке, Япония это мотивировала тем, что ей необходимы гарантии против той американизации, какую проводит Колчак. Теперь же дело повернулось другим концом. Колчак сходит на нет, и Японии – в ожидании нашего дальнейшего продвижения на восток – придется или значительно увеличить свои оккупационные войска, или убраться прочь. Увеличение японских сил в Сибири при сведении на нет Колчака означало бы для Америки японизацию Сибири и не может, конечно, быть ею принято без сопротивления. В этом случае мы могли бы даже рассчитывать, вероятно, на прямую поддержку вашингтонских подлецов против Японии. Во всяком случае, при нашем продвижении в Сибирь антагонизм Японии и Соединенных Штатов создал бы для нас благоприятную обстановку.

Нет никакого сомнения, что на азиатских полях мировой политики наша Красная армия является несравненно более значительной силой, чем на полях европейской. Перед нами здесь открывается несомненная возможность не только длительного выжидания того, как развернутся события в Европе, но и активности по азиатским линиям. Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию. Нарушить неустойчивое равновесие азиатских отношений колониальной зависимости, дать прямой толчок восстанию угнетенных масс и обеспечить победу такого восстания в Азии может такая армия, которая на европейских весах сейчас еще не может иметь крупного значения.

Разумеется, операции на Востоке предполагают создание и укрепление *могущественной базы на Урале.* Эта база нам необходима во всяком случае, независимо от того, в какую сторону нам придется в течение ближайших месяцев или, может быть, лет стоять лицом – в сторону запада или востока. Необходимо во что бы то ни стало возродить Урал. Всю ту рабочую силу, которую мы тратили или собирались тратить на рабочие

поселения в Донской области, на продовольственные отряды и проч., необходимо теперь сосредоточить на Урале. Туда нужно направить лучшие наши научно-технические силы, лучших организаторов и администраторов. Нужно возродить идею, которая была у нас весной прошлого года под влиянием немецкого наступления: сосредоточить промышленность на Урале и вокруг Урала. Равным образом нужно сейчас же придать серьезный характер нашей советской работе в очищенных областях Урала и очищенных областях Сибири. Нужно туда направить лучшие элементы Украинской партии, освободившиеся ныне "по независящим причинам" от советской работы. Если они потеряли Украину, пусть завоевывают для советской революции Сибирь. С завоеванием степных приуральских или зауральских пространств, мы получаем возможность широкого формирования конницы, для которой Златоуст будет давать необходимое вооружение. Конницы нам не хватало до настоящего времени. Но если конница в маневренной гражданской войне, как показал опыт, имеет огромное значение, то роль ее в азиатских операциях представляется бесспорно решающей. Один серьезный военный работник предложил еще несколько месяцев тому назад план создания конного корпуса (30 000 – 40 000 всадников) с расчетом бросить его на Индию.

Разумеется, такой план требует тщательной подготовки – как материальной, так и политической. Мы до сих пор слишком мало внимания уделяли азиатской агитации. Между тем международная обстановка складывается, по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии.

Наши военные успехи на Урале и в Сибири должны чрезвычайно поднять престиж советской революции во всей угнетенной Азии. Нужно использовать этот момент и сосредоточить где-нибудь на Урале или Туркестане революционную академию, политический и военный штаб азиатской революции, который в ближайший период может оказаться гораздо дееспособнее исполкома 3-го Интернационала. Нужно уже сейчас приступить к более серьезной организации в этом направлении, к сосредоточению необходимых сил, лингвистов, переводчиков книг, привлечению туземных революционеров – всеми доступными нам средствами и способами.

Разумеется, мы и ранее имели в виду необходимость содействия революции в Азии и никогда не отказывались от наступательных революционных войн. Но еще не так давно мы с значительной долей основания все внимание и все мысли обращали на запад. Прибалтийский край был у нас. В Польше, казалось, революция развертывается быстрым темпом. В Венгрии была советская власть. Советская Украина объявила войну Румынии и собиралась продвигаться на запад, на соединение с советской Венгрией. Обладание Одессой открывало нам более или менее прямую и надежную связь не только с очагами балканской революции, но и французскими и английскими портами, куда мы направляли значительное количество коммунистической литературы. Сейчас, повторяю, положение резко изменилось, и нужно отдать себе в этом ясный отчет. Прибалтика не у нас. В Германии коммунистическое движение после первого

периода бури и натиска загнано внутрь и, может быть, – на долгий ряд месяцев. Поражение советской Венгрии задержит, по всей вероятности, рабочую революцию в мелких странах: в Болгарии, Польше, Галиции, Румынии, на Балканах. Сколько времени протянется этот период? Этого, конечно, предсказать нельзя, но он может протянуться и год, и два, и пять лет. Сохранение нынешнего живодерского капитализма хотя бы на несколько лет означает неизбежные попытки усугубления колониальной эксплуатации, а с другой стороны, – столь же неизбежные попытки восстаний. Ареной близких восстаний может стать Азия. Наша задача состоит в том, чтобы своевременно совершить необходимое перенесение центра тяжести нашей международной ориентации.

Разумеется, сейчас не может быть и речи об ослаблении нашей борьбы на южном фронте. Но не исключена возможность того, что в течение ближайшего года восстания украинских крестьян будут подавляться не нами, а Деникиным, подобно тому, как в течение прошлого года с крестьянскими восстаниями в Сибири бороться приходилось не советской власти, а Колчаку.

Во всяком случае, европейская революция как будто отодвинулась. И что уж совершенно вне сомнения – мы сами отодвинулись с запада на восток. Мы потеряли Ригу, Вильну, рискуем потерять Одессу, Петроград – под ударом. Мы вернули Пермь, Екатеринбург, Златоуст и Челябинск. Из этой перемены обстановки вытекает необходимость перемены ориентации. В ближайший период – подготовка "элементов" азиатской ориентации и, в частности, подготовка военного удара на Индию, на помощь индусской революции, может [носить] только предварительный, подготовительный характер. Прежде всего – деятельная разработка плана, изучение его осуществления, привлечение необходимых подготовленных лиц, создание вполне компетентной организации.

Настоящий доклад имеет своей задачей привлечь внимание ЦК к поднятому здесь вопросу.

Л. Троцкий

5 августа 1919 г.
Лубны

Копия
Сов. секретно

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ РКП

В дополнение к моему докладу от 5-го августа считаю необходимым поставить нижеследующие вопросы.

Перемирие Афганистана с Англий, по некоторым данным, может повернуться целиком против нас. По сообщениям наших туркестанцев, Англия деятельно работает над объединением Персии, Бухары, Хивы и Афганистана против советского Туркестана. Было бы непостижимым, если

бы она этого не делала. На востоке Англия пытается сейчас создать цепи государств, подобно тому, как она сделала на нашей западной окраине. Там указанная работа представляет в свою очередь наименьше затруднений, чем на западе. Весь вопрос сейчас в том, кто выиграет темп.

Наше успешное продвижение на Туркестан, разрушение южной армии Колчака создают условия, при которых темп можем выиграть мы. Но отсюда вытекает, что ведя совершенно правильную политику выжидания, приспособления, уклончивости, уступок на западе, мы должны перейти к политике решительности и стремительности на востоке.

Мы можем сейчас подорвать работу Англии по сплочению азиатских государств против нас, создав в Туркестане серьезную военную базу, для чего уже имеются достаточные элементы. Нужно немедленно же выбрать возможную линию удара и одно из цепи государств, которые Англия противопоставляет нам, поставить перед непосредственным ударом, предъявив ультиматум о мире, подчинить своей воле и нанести удар.

Отсюда вытекает: 1) необходимость посылки в Туркестан лица с исключительно широкими полномочиями и с инструкцией, которая дала бы гарантию того, что означенный товарищ не будет исключительствовать на востоке с той уже традиционной оборонительной уклончивостью, которая нам навязана на западе, 2) предписать Реввоенсовету республики сосредоточить в Туркестане материальные и персональные элементы для возможного с нашей стороны наступления из Туркестана на юг.

Л. Троцкий

20 сентября 1919 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ ОППОЗИЦИИ ПО ОТЧЕТУ ЦК XIV СЪЕЗДУ ПАРТИИ

1. Общая характеристика международных отношений построена под углом зрения "небывало возросшей роли Соединенных Штатов, граничащей с их мировой финансовой гегемонией" и с точки зрения "противоречий" между Соединенными Штатами Америки и Европой".

2. В области экономической съезд указал программу борьбы против превращений Советского Союза в придаток капиталистического мирового хозяйства (даузэизация) – за самостоятельное хозяйственное развитие на социалистических основах.

3. Съезд подтвердил мысль Ленина, что наша страна имеет "все необходимое для построения полного социалистического общества" (Ленин).

4. Съезд признал, что имеется налицо "экономическое наступление пролетариата на базе новой экономической политики" и "продвижение экономики СССР в сторону социализма".

5. Съезд признал необходимым:

"Укрепление монополии внешней торговли".

"Рост социалистической государственной промышленности" и "вовлечение под ее руководством и при помощи кооперации все большей массы крестьянских хозяйств в русло социалистического строительства".

6. Съезд признал с особой силой необходимость "держать курс на индустриализацию страны" и, следовательно, "развитие производства средств производства".

7. В качестве ограничительных рамок индустриализации страны съезд указал:

а) емкость рынка;

б) финансовые возможности государства.

8. Съезд признал необходимым индустриализацию сельского хозяйства и его коллективизацию на этой основе.

9. Съезд признал неправильным отнесение государственных промышленных предприятий как предприятий "последовательно социалистического типа" к предприятиям государственно-капиталистическим.

10. Устранив путаницу в деле характеристики государственной промышленности, съезд установил, что "одной из основных форм классовой борьбы в настоящее время является борьба между капиталистическими и социалистическими элементами хозяйства, борьба между буржуазией и пролетариатом за овладение основной массой крестьянства".

11. Исходя из всего изложенного выше, съезд признал: "Основной путь строительства социализма в деревне заключается в том, чтобы при возрастающем экономическом руководстве со стороны социалистической госпромышленности, государственных кредитных учреждений и других командных высот, находящихся в руках пролетариата, вовлечь в кооперативную организацию основную массу крестьянства и обеспечить этой организации социалистическое развитие, используя, преодолевая и вытесняя капиталистические ее элементы".

12. Съезд подтвердил и одобрил как решения *апрельской конференции*, раздвинувшей рамки товарооборота в деревне в интересах роста производительных сил, так и дополнительные решения *октябрьского пленума ЦК*, выдвигающие необходимость искать опоры в бедняке и союза с середняком не в обход бедняка, а при его активном участии и, в известной мере, через его посредство.

13. Съезд подчеркнул возрастающую дифференциацию деревни.

14. Съезд указал, что несмотря на эту дифференциацию середняк остается преобладающим в деревне типом.

15. Съезд указал два уклона в отношении к деревне:

а) Недооценка дифференциации деревни и опасности кулачества.

б) Недооценка роли и значения середняка и необходимости союза с ним.

Съезд особенно подчеркнул необходимость борьбы с уклоном, состоящим в недооценке середняка, в переоценке дифференциации и кулацкой опасности.

На ком сосредоточить огонь?

16. Указав на рост активности масс и необходимость повышения самодеятельности всех массовых организаций, съезд постановил: "Необходимо, чтобы и руководящая сила этих организаций, т. е. ВКП, стала во всех своих составных частях на путь последовательной внутрипартийной демократии".

17. В отношении состава партии съезд отверг "политику, ведущую к чрезмерному разбуханию партийных рядов и наполнению их полупролетарскими элементами, не прошедшими школы профсоюзов и пролетарских организаций вообще".

Резолюции по работе профсоюзов и комсомола представляют собой в общем и целом развитие тех же положений.

18. Резолюция по вопросу о Коминтерне намечает курс на демократизацию режима Коминтерна путем коллективного участия в руководящей работе братских коммунистических партий.

1. В отношении общей оценки международного положения разногласия ходом развития фактически сняты, как свидетельствует резолюция по отчету ЦК и тезисы расширенного исполкома Коминтерна.

2. По вопросу о тенденциях, методах и формах нашего экономического развития, нашего социалистического строительства, по оценке его основных сил, по определению путей социалистического развития – резолюция XIV съезда не вызывает принципиальных разногласий.

Вопрос сводится к ее истолкованию и фактическому применению.

Огромное значение в этом отношении должна иметь хозяйственная резолюция, представляемая на утверждение апрельского пленума ЦК. На основании этой резолюции должны быть выработаны партийные директивы хоз. органов в отношении бюджета.

3. По вопросу о двух уклонах в хозяйственной политике. Ленинград и Кубань.

По вопросу о внутрипартийной демократии.

Теория и практика.

Л. Троцкий

27 марта 1926 г.

ПИСЬМО ТРОЦКОГО СЕРЕБРЯКОВУ

С. секретно

Дорогой Леонид Петрович,

Пишу Вам наспех. Тот разговор, который был у Вас со мною и несколькими другими товарищами по предложению Сталина и по соглашению с ним, получил совершенно неожиданное, прямо-таки фантастическое развитие. Дня через два после Вашего отъезда стали распространяться по аппарату слухи насчет того, что Серебряков перед отъездом в Манчьжурию организовал... фракцию, представителями коей являются... Троцкий, Пятаков и Радек, причем Пятаков оставлен для связи. Так как распространение этих слухов связывали почему-то с именем Куйбышева, то я обратился к нему напрямки с вопросом, что он об этом знает. Он ответил в том смысле, что насчет фракции-де он не слышал, но что со слов Сталина (кажись, так) дело представляется ему в следующем виде: Сталин обратился, мол, с требованием "безоговорочного признания решений XIV съезда, а Серебряков, уклонившись от ответа на этот вопрос, предъявил требова-

ние насчет прекращения травли, инсинуаций" и пр. и пр. Я старался объяснить Куйбышеву дело, как оно было в действительности, или, по крайней мере, как я его понял на основании собственного разговора со Сталиным и разговора Сталина с Вами. Изображать дело так, будто Ваша записка есть ответ на предъявление какого-то требования Сталина, есть же чистейший вздор, так как речь у Вас идет, насколько помню, о назначении свидания для разговора по инициативе Сталина. Какое-то личное требование Сталина в частном разговоре с Вами безоговорочного признания решений XIV съезда было бы просто непонятно, ибо устав партии и решения ее каждый из нас знает достаточно хорошо и за решения XIV съезда каждый из нас отвечает полностью и целиком. Угланову, который попытался как-то по телефону (в связи с докладом моим у текстильщиков) разговаривать на тему о том, что мы, дескать, не знаем ваших взглядов на XIV съезд, я ответил: "Какое право имеете вы предполагать или подозревать, что я как член партии или член ЦК могу выступать иначе, как с защитой решений XIV съезда?" Я понимал дело так, что частная беседа имеет своей целью устранение обвинений и инсинуаций насчет камня за пазухой и создания условий более дружной работы, разумеется, на почве решений XIV съезда. Правда, мне показалось несколько странным, что Сталин, с которым мы вместе работаем в Политбюро, обращается таким кружным путем после того, как у нас с ним был разговор на эти же темы. Но я считал, что было бы нелепо по формально-организационным причинам отказываться от разговора, который Сталин предлагал от определенной части Политбюро (кажется, от имени четырех его членов). Совершенно не могу понять, зачем затевался весь этот разговор и зачем дается ему сейчас такое направление, чтобы не облегчить, а наоборот, затруднить дальнейшую работу. Зачем и почему разговор затевался Сталиным именно с Вами, накануне Вашего отъезда в Манчьжурию, что затрудняет здесь установление действительного содержания Вашего разговора со Сталиным и смысл Вашего письма, связанного с этим разговором.

Я считаю необходимым информировать Вас хоть бегло этим письмом на тот случай, если бы пришлось, скажем, по телеграфу затребовать от Вас объяснений для Политбюро по поводу всего этого загадочного инцидента.

Крепко Вас обнимаю и желаю бодрости и здоровья.

Ваш Л. Троцкий

2 апреля 1926 г.

К ВОПРОСУ О НАШИХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗАТРУДНЕНИЯХ

В последнее время в нашем хозяйстве обнаружился целый ряд болезненных явлений, настолько ощутительных, что они начинают вызывать опасения насчет возможности кризиса, инфляции и т. п. Нет сомнения, что в этих опасениях элемент паники играет не такую уже маловажную роль. Тем не менее в них нужно внимательно разобраться.

Попробуем перечислить их. Это, прежде всего, некоторое снижение покупательной способности нашего червонца внутри страны. Из прилагаемой таблицы №1 ясно видно, что цифры всех существующих у нас индексов – оптового Госплана, розничного, бюджетного и розничного Конъюнктурного института за 1924–25 год в общем и целом выше соответствующих цифр 1923–24 г. Средняя годовая индекса Госплана в 1924–25 году выше средней годовой 1923–24 г. на 6,5%, розничного бюджетного – на 8,5% и розничного КИ – на 6%. С 1 января 1924 г. по 1 января 1925 г. индекс Госплана повысился на 6,5%, розничный бюджетный на 6% и розничный КИ на 10%. Таким образом, падение покупательной силы нашего рубля за последний год должно быть оценено в пределах от 5,5 до 9%. Однако при этом несомненном снижении следует отметить, во-первых, что только индекс КИ в январе 1925 г. дает рекордную цифру, превышая предыдущий – майский – максимум на 2,3%, январский же индекс Госплана и розничный бюджетный *ниже майских* на 6,5 и 4%, и во-вторых, *что в предыдущем* году рост всех индексов был, пожалуй, не меньше.*

В общем итоге, при несомненном снижении покупательной способности нашего червонца** за два года (с 1 января 1924 по 1 января 1926 г. достигающего от 7,5 до 13,3%) ни в коем случае нельзя говорить о превращении нашей валюты в падающую: типичным признаком последней является то, что деньги в этом случае теряют некоторые из своих функций – функцию средства сбережения, платежного средства и мерила ценностей, превращаясь в средство обращения в самом узком смысле этого слова. Ничего подобного с нашим червонцем не происходит, ибо и самый размер снижения его покупательной силы слишком мал, и повышение цен имеет не всеобщий характер (главным образом, повысились цены на с.-х. продукты), а самое повышение идет не непрерывно, а волнообразно.

---

* С 1 января 1923 г. по 1 января 1924 г. индекс Госплана возрос на 1,7%, розничный бюджетный на 8,5%, а индекс КИ на целых 14%.

** Кстати же, здесь надо отметить, что падение покупательной способности денег отнюдь еще не тождественно с инфляцией. Так, например, покупательная способность царского золотого рубля с 1895 по 1914 г. упала на 37,5% (см. таблицу № 1 в книжке Кохна "Русские индексы цен", с. 158) и тем не менее никому не приходило в голову утверждать, что это была инфляция. Воспоминания о периоде падающей валюты, когда инфляционные изменения цен заслоняли собой все остальные изменения, настолько сильны, что слова "дефляция" и "инфляция" доводятся у нас подчас до абсурда. Мне недавно еще пришлось слышать выражение "инфляция в области промышленных цен". Так нетрудно дойти до "текстильной инфляции", "сахарной инфляции" и т. п., т. е. всякое изменение цен рассматривать как колебание валюты. Нужно помнить, что при твердой валюте и индексы отражают прежде всего конъюнктуру и лишь резкий и систематический рост их может считаться одним из признаков падения валюты.

Именно поэтому результаты понижения покупательной способности рубля сказываются наиболее болезненно не на нашем внутреннем рынке, а на рынке внешнем: курс червонца на иностранную валюту имеет тенденцию к понижению, преодолеваемую пока так называемой валютной интервенцией. Дело осложняется здесь еще и тем, что покупательная способность золота на мировом рынке повышается и несомненно будет в ближайшее время повышаться и дальше. Мировой золотой рынок далеко еще не пришел после войны в сколько-нибудь нормальное состояние: мировая покупательная способность золота составляет и сейчас не выше 65% довоенной. Что этот уровень совершенно ненормален и отнюдь не является результатом изменения соотношения ценности золота и остальных товаров, видно хотя бы из того, что в течение послевоенного периода производство золота во всем мире является нерентабельным. Мы находимся только в начале того периода, когда огромные массы золота, вытолкнутые из обращения благодаря переходу большинства стран на бумажную валюту и переполнившие мировой золотой рынок, вновь, по мере возвращения к твердым валютам, начинают рассасываться, в результате чего "товарная цена" золота начинает приближаться к его ценности. Как нам придется реагировать в будущем на это явление, влекущее за собой обогащение тех стран, в которых сосредоточены сейчас мировые золотые резервы, — вопрос, который в пределах данной статьи не подлежит обсуждению. Ясно одно: *в то время, как покупательная способность червонца внутри страны понизилась, покупательная способность золота повышается,* покупательная сила нашего рубля расходится с его золотым паритетом.*

Поскольку мы, тем не менее, этот золотой паритет поддерживаем, получается третье, характерное для данного года явление: для большой группы наших экспортных товаров экспорт становится невыгодным. В самом деле, покупая у нас эти товары по цене, скажем, вдвое выше довоенной, продавая их за границей всего на 60%** выше заграничной довоенной цены и затем разменивая полученную иностранную валюту по нынешнему (т. е. довоенному) паритету, наши экспортеры терпят явные убытки. Отсюда то "отсутствие воли к экспорту", которое неоднократно отмечалось и в нашей печати, и при обсуждении вопросов экспорта в различных хозяйственных органах. Благодаря этому, наши экспортные планы, которые не учитывали, да и не могли учитывать этого обстоятельства, проявляют в этом году стихийную тенденцию

* К этому надо добавить еще одно явление, действующее в том же направлении. Кризис в соседней нам Германии, где общее кризисное понижение цен отражается на нас, как повышение покупательной способности германской марки.

** Цифры эти только примерные и служат только для иллюстрации. К сожалению, мы до сих пор не имеем индексов движения цен на экспортные и импортные товары, которые дали бы нам возможность более точно ориентироваться в этом вопросе.

к недовыполнению.* Наоборот, импорт становится чрезвычайно прибыльным, несмотря на пошлины, и имеет тенденцию к превышению против плана. Разумеется, монополия внешней торговли ставит этой последней тенденции огромные препятствия. *Но как бы то ни было, наш торговый баланс в этом году, несмотря на приличный урожай, имеет тягу к пассивности* при меньших, чем в прошлые годы, валютных резервах.

Следующий момент: промышленность для своего развертывания в масштабе меньшем, чем в прошлый год (в прошлом году она развернулась почти на 54% выше предшествующего, в текущем году, согласно плана, только на 33,5%),** а также для подготовки к развертыванию в будущем 1926–27 году нуждается в несравненно больших капитальных затратах (в 1924–25 г. она определилась в сумме около 350 млн. руб. – на будущий год намечено около 800 млн. руб. против первоначальных предположений в 1 миллиард). Однако, несмотря на то, что предполагаемый при этом рост продукции несомненно не удовлетворит рынок, намеченный размер затрат *вызывает огромное напряжение финансовых средств самой промышленности, кредита и бюджета.*

И наконец, товарный голод на продукты промышленности все еще не изживается, расхождение оптовых и розничных цен (см. диаграмму № 2) с июля месяца быстро растет и к декабрю *дает рекордную цифру за последние два года. Особо нужно отметить явные признаки товарного голода уже не на предметы широкого потребления, а на средства производства.* Текущий год пройдет под знаком недостатка топлива, а цены на строительные материалы за предыдущий год вскочили на 36%.

Не случайно, разумеется, все эти явления сконцентрировались к осени 1925 года. Лишь повышение покупательной способности золота, усилившее общий неблагоприятный результат их, было явлением посторонним и не зависимым от нашей внутренней экономики. За вычетом этого осложняющего обстоятельства, все остальные явления теснейшим образом связаны с тем периодом развития нашего хозяйства, который мы переживаем, и с той экономической политикой, которую мы ведем.

Этот период есть период перехода от так называемого восстановитель-

---

* У нас очень часто говорят о просчетах как причине теперешних хозяйственных затруднений. Однако при этом забывают, что такие просчеты имели место не только в этом, но и в прошлом году. В частности, в отношении экспорта хлеба в прошлом году просчет был значительно хуже, и вместо предполагавшегося экспорта мы получили импорт хлеба. И тем не менее, за счет экспорта других с.-х. культур и некоторых видов промышленного экспорта мы этот просчет с избытком покрыли: сравнительно с первым ориентировочным планом фактический экспорт 1924–25 г. составил 118,5%, а сравнительно с последним уточненным планом – 112,6%. Более выгодные тогда условия для экспорта сыграли в этом немаловажную роль.

** См. "Плановое хозяйство", 1926, № 2, – "Пересмотр контрольных цифр Госплана", с. 48.

ного периода к так называемому реконструкционному. Если до последнего времени затраты, необходимые для расширения производства, сводились, главным образом, к затратам на сырье, топливо, вспомогательные материалы и рабочую силу, т. е. на вещественные элементы оборотного капитала, если мы еще в прошлом году имели все же довольно солидные резервы неиспользованного оборудования, если благодаря этому мы могли не только не включать в наши калькуляции затрат на новое оборудование, но даже амортизацию старого учитывать в них далеко не полностью, то теперь дело радикально меняется: всякому расширению производства должны предшествовать крупные капитальные затраты, а амортизация старого оборудования должна производиться в усиленном размере для того, чтобы наверстать прежние упущения: в ряде случаев (например, в угольной промышленности) не только расширение производства, но даже удержание его на прежнем уровне требует переоборудования и капитальных затрат.

Что означает это с народно-хозяйственной точки зрения. Прежде всего, что дальнейшее развитие нашего хозяйства требует изменения соотношения между производством средств производства и производством средств потребления – в сторону усиления первого сравнительно со вторым. А это означает, в свою очередь, необходимость относительного увеличения той части совокупного продукта, остающегося сверх восстановления использованных в процессе производства средств производства, которая идет на накопление, сравнительно с частью его, идущей на потребление, – это во-первых. И во-вторых, необходимость сосредоточения этого накопления в тех участках нашего хозяйства, которые для своего развития нуждаются при прочих равных условиях в больших затратах на вещественные элементы основного капитала.

Чем мельче хозяйства – тем ниже, вообще говоря, органический состав его капитала, тем меньшие вложения нужны для его расширения, тем лучше в начале его развертывания соотношение между количеством продуктов, извлекаемых им из народного хозяйства в качестве средств производства и возвращаемых ему обратно в качестве предметов потребления. Наоборот, при высоком органическом составе капитала, при продолжительном обороте основного капитала, средства производства, извлеченные из народного хозяйства, возвращаются ему обратно лишь в течение ряда лет.* Поэтому такие отрасли нуждаются при своем развертывании или в большем накоплении внутри данной отрасли, или в при-

* Эта большая "рентабельность" вложений в отрасли с низким органическим составом капитала многим кажется весьма соблазнительной. Особенно грешит по этой части НК, забывая, что погоня за этими "рентабельными" вложениями есть, в сущности, ни что иное, как хищническое использование производительных сил страны, которое неизбежно должно сказаться на ближайшем этапе. Великолепную иллюстрацию этого дает угольная промышленность. В 1923–24 г. в погоне за минимальной себестоимостью и максимальной рентабельностью работники Донугля развили максимальную производительность за счет сжатия капитальных затрат и

влечении в свою сферу накоплений в других отраслях хозяйства. *Задача регулирования этого накопления в настоящее время* и должна стать основной задачей нашей экономической политики.*

Рассмотрим, как здесь обстоит у нас дело до сих пор. Самого беглого обзора нашей экономической политики достаточно, чтобы сказать, что этот вопрос находился у нас в совершенном загоне. Мы все еще живем под впечатлением кризиса осени 1923 года (кстати сказать, несмотря на это, весьма мало и весьма поверхностно исследованного), под впечатлением опасения нового кризиса сбыта. Поэтому вся наша политика строилась под углом зрения удешевления предметов широкого потребления. Но это удешевление, в свою очередь, требовало снижения цен на средства производства – топливо, металл и пр. Снижение цен на все продукты промышленности во избежание "покупательной забастовки крестьянства" – стало нашей основной задачей, несмотря на то, что вот уже около двух лет нам приходится констатировать "превышение платежеспособного спроса над предложением". Минимальные амортизационные отчисления, минимальные капитальные затраты, максимальная быстрота оборота капитала – таковы были основные директивы, определявшие работу наших промышленных предприятий. *Призрак неблагоприятной рыночной конъюнктуры заслонял в наших глазах потребности народного хозяйства в более широкой его перспективе.*

Наименее болезненно эта политика отзывалась на отраслях легкой индустрии. Поскольку рост потребления широких масс населения, как мы увидим дальше, этой же политикой форсировавшийся, создавал "товарный голод", т. е. тенденцию к повышению цен именно в этой сфере, постольку легкая промышленность находила еще ряд способов обойти политику снижения цен с других концов – некоторым ухудшением качества, принудительным ассортиментом, сокращением сроков кредитования торгующих организаций и т. п. Наоборот, тяжелая индустрия (сюда также надо отнести и транспорт), для которой благоприятная конъюнктура начала выявляться только с середины прошлого года и которая в гораздо большей степени работала не на широкий рынок, а на наши же государственные предприятия – оказалась в достаточной степени беззащитной. Между тем, с началом периода восстановления основного капи-

---

направления всех средств на чисто эксплуатационные расходы. Всем, вероятно, памятно, какую агитацию пришлось тогда развить за так называемую минерализацию топливного баланса с целью избежать кризиса сбыта угля, но уже в текущем году это сокращение капитальных затрат отозвалось тем, что мы не можем в достаточной степени развить производство угля, и угроза кризиса сбыта сменяется угрозой топливного голода.

* Между прочим, основным дефектом "Контрольных цифр Госплана", который на будущий год должен быть безусловно устранен, является отсутствие всякой попытки подхода к вопросу о размерах накопления в нашем народном хозяйстве и его регулировании. Любопытно, что на этот момент, несмотря на все обилие и всю придирчивость критики, мне, по крайней мере, не пришлось найти указаний.

тала, спрос на ее продукты должен резко возрасти и уже растет.* Мы подходим к тому моменту, когда общее развитие нашего хозяйства потребует резкого подъема вверх кривой производства средств производства, а этот перелом всей нашей предыдущей политики цен (и сейчас играющих огромную роль в определении направления развития различных отраслей хозяйства) отнюдь не подготовлен.

Вопрос о ликвидации "товарного голода", таким образом, гораздо сложнее, чем это обыкновенно себе представляют. Дело отнюдь не заключается только в том, чтобы форсировать развитие тех отраслей народного хозяйства, где он уже выявился. Это значило бы руководствоваться только показаниями конъюнктуры сегодняшнего дня. Мы прекрасно знаем и не должны ни на минуту забывать, что при сложности процесса воспроизводства, охватывающего при современной технике производства целый ряд лет, при сложной динамичности этого процесса, эти конъюнктурные показатели не дают правильных указаний, в каком направлении необходимо развертывать производство. Поэтому ведь капиталистическое производство, руководствующееся только этими показателями, и переживает периодические кризисы. Мы, понимая лучше, чем капиталисты, внутреннюю механику процесса производства и воспроизводства и сосредоточив в руках государства подавляющую часть крупной промышленности, т. е. как раз той отрасли народного хозяйства, где процесс воспроизводства отличается максимальной сложностью, обязаны смотреть дальше конъюнктуры, обязаны уметь учитывать и те гораздо более глубокие процессы, которые в данный момент не отражаются в том или другом виде на поверхности рынка. *Мы должны подойти к вопросу о накоплении и развертывании различных отраслей производства, исходя не только из движения цен или роста спроса на те или иные продукты в данный момент, но и из перспективного плана развертывания народного хозяйства, основанного, хотя на грубом расчете не ценностных, а материальных соотношений внутри его.* В этом и заключается тот новый, сравнительно с капиталистическим, подход, метод, который национализация средств производства делает возможным и обязательным для нас как пролетарского государства. А главным средством осуществления этого перспективного плана должна являться при хозрасчетной структуре нашей промышленности политика цен. Но, как я сказал выше, мы вели ее до сих пор совсем под другим углом зрения.

Пока мы оставались в рамках "восстановительного" процесса, т. е. такого процесса, при котором, благодаря использованию существующего оборудования, цикл воспроизводства был сравнительно прост, она не дала еще особенно резких отрицательных результатов. Но уже сейчас, в период перехода к "реконструкционному" периоду, т. е. к бо-

---

* Сравни, напр., транспортные заказы металлопромышленности. Еще год тому назад НКПС надо было заставлять давать заказы на металл. Теперь, наоборот, приходится заставлять металлопромышленность принимать заказы НКПС.

лее сложному циклу, эти отрицательные результаты начинают выявляться – прежде всего в общем недостатке у промышленности средств, необходимых для ее развертывания, и во-вторых, в недостаточном развитии (частью выявившемся уже в данном году и в гораздо большей степени намечающемся для последующих годов) тяжелой промышленности и вообще производства средств производства.

Как до сих пор промышленность выходила более или менее из положения. В основе, как уже сказано, ее калькуляции сводились к исчислению себестоимости (притом во многих случаях амортизация учитывалась недостаточно) плюс минимальная прибыль. Разумеется, она несколько выходила за эти рамки, продиктованные ей нашей политикой цен, но в общем-то за счет этой прибыли могло происходить лишь небольшое развертывание, которое ни в какой степени не соответствовало темпу действительного ее развертывания, хотя бы в прошлом году – 54% против предыдущего. В известной степени помогли ей увеличение производительности труда (средняя выработка на 1 человеко-день по главным отраслям промышленности составила за 1924–25 г. 5,74 дов. руб. против 4,06 дов. руб. в 1923–24 г.),* использование так называемых неликвидных фондов и так называемое ускорение оборотного капитала, т. е. относительное уменьшение производства запасов, частью в результате рационализации процесса производства, но частью и за счет истощения. Но и этих ресурсов было недостаточно, и промышленность волей-неволей должна была ориентироваться на посторонние источники – бюджет и, *главным образом, кредит и в том числе эмиссию.*

Что при развертывании товарооборота, поскольку вместе с ним увеличивается потребность и в денежном товаре, эмиссия может быть использована на усиление средств в государственном хозяйстве – это бесспорно. Что при развивающейся денежности нашего хозяйства потребность в этом денежном материале (по крайней мере, до последнего времени) должна была расти несколько быстрее роста производства материальных ценностей – также не подлежит сомнению. И тем не менее трудно оспаривать, что промышленность** кредитовалась в большем размере, чем это допускало развитие общего товарооборота страны, и что помимо нормального развития коммерческого кредита банки довольно крупные средства вложили в качестве инвестированного капитала на усиление оборотных средств (т. е. постоянных запасов) и даже на капитальное оборудование. В качестве примера достаточно привести хотя бы Сахаротрест, который при увеличении своей продукции без снижения ее себестоимости сравнительно с 1923–24 годом в два с половиной раза остался при прежнем размере своего уставного капитала. *В этом, разумеется, и заключает-*

* См. "Плановое хозяйство", №2, 1926 г. – "Пересмотр контрольных цифр", с. 52.

** Сюда надо причислить еще и кооперацию, которая свое колоссальное развертывание произвела в подавляющей части за счет банковских средств.

ся причина того снижения покупательной способности нашего рубля, которое отмечено мною в начале статьи и которое повело и к другим неблагоприятным результатам.

Но может быть, другого выхода и не было. Может быть, накопление внутри всего народного хозяйства было настолько ничтожно, что только искусственным методом понижения курса рубля, т. е. чего-то вроде налога на всех держателей денег, мы могли произвести то развертывание, которое было необходимо и, скорее все-таки, недостаточно с точки зрения внутренних пропорций нашего хозяйства. Вопрос достаточно законный, ибо и при самом сознательном руководстве производством мы все же каждый раз должны исходить из данного состояния производительных сил и попытка дать такой темп развитию хозяйства, который не соответствует возможной на базе этого состояния производительных сил производительности труда, неизбежно привел бы к неудаче, а в наших условиях все еще товарного хозяйства – к экономическому кризису.

Вопрос о методах определения размера национального накопления находится еще в совершенно неразработанном состоянии. Даже гораздо более простой вопрос о национальном доходе настолько сложен, что при определении его субъективные особенности и настроение того или иного автора играют, пожалуй, не меньшую роль, чем те объективные данные, на которые он опирается. Поэтому мы не будем пытаться определить весь размер национального накопления и посмотрим только, не образовывались и не образуются ли в отдельных участках нашего народного хозяйства такие источники доходов, которые с точки зрения задач нашего хозяйственного развития бесполезны и которые теми или иными путями могли бы быть направлены на усиление средств для развития промышленности.

Если поставить вопрос так, то мысль невольно обращается к той разнице между оптовыми и розничными ценами, рост которой создает "незаслуженную прибыль" торговому капиталу вообще и частному торговому капиталу в частности. Бесполезность сосредоточения средств в этой области доказывать не приходится – не даром же борьба с непомерной высотой розничных накидок является одним из центральных вопросов нашей экономической политики.

Для определения движения этой разницы – "оптово-розничных ножниц" мы возьмем движение оптовых и розничных цен на продукты промышленности по индексу Госплана и индексу КИ – последний мы выбираем потому, что номенклатура входящих в него товаров близко подходит к номенклатуре единственного у нас оптового индекса – индекса Госплана. С самого начала отметим: 1) что индекс Госплана учитывает не отпускные цены наших товаров, а некоторую среднюю оптовых цен государственных учреждений, кооперативов и частных лиц.* Такая средняя, разумеется, гораздо больше, чем отпускные цены, ориентируется на рыночную конъюнктуру, т. е. на движение розничных цен, и, следовательно, разница между ней и розничными ценами меньше, чем между розничными и отпускными, 2) что в индексы Госплана учитываются, помимо предме-

* См. Бобров, "Индексы Госплана", с. 38.

тов широкого потребления, входящих в индекс Конъюнктурного института, также и цены на средства производства (каменный уголь, нефть, сорт железа, серная кислота и пр.), где говорить о разнице оптовой и розничной цены вообще трудно. Следовательно, если бы нам удалось выделить из индекса Госплана только предметы потребления, то относительный размер разницы с розничными ценами был бы больше, 3) что, как неоднократно отмечалось, индекс Конъюнктурного института недостаточно отражает высоту цен в деревне и мелких городах и местечках, где накидки достигают максимальной величины. Таким образом, последующие подсчеты расхождения оптовых и розничных цен, во всяком случае, являются скорее преуменьшенными, чем преувеличенными.

Как же шло движение оптовых и розничных цен. На прилагаемой диаграмме (№ 1) высота обоих индексов принята на 1 октября 1923 года (т. е. перед кризисом, когда, как известно, накидки были достаточно высоки) за 100 и дано процентное изменение их до 1 марта 1926 года. Оптовые цены почти непрерывно снижаются (сначала быстро, а затем медленнее) вплоть до июля 1925 года, спустившись к этому моменту на 31% относительно начального пункта. После этого они испытывают незначительное повышение и к марту 1926 года составляют около 72,5% относительно того же начального пункта. Совсем иначе идет дело с розничными ценами: после довольно резкого (но все же менее резкого, чем падение оптовых цен) снижения в период кризиса октября-января они в течение остальной части 1923–24 хоз. года испытывают колебательное движение вокруг уровня около 90%. В следующем 1924–25 году вплоть до июня они идут вниз даже несколько быстрее оптовых и в момент этого минимума (который является минимумом и для оптовых цен) доходят до 80 с небольшим процентов своей начальной высоты. После этого они снова быстро идут вверх и, начиная с декабря месяца, стоят уже немного выше уровня 1923–24 года, если не принимать во внимание первых трех кризисных месяцев последнего, несколько выше 91%. Эта диаграмма, мне кажется, с полной наглядностью рисует независимость движения наших розничных цен от отпускных. Некоторые намеки на одновременное (без всякой, однако, пропорциональности) движение тех и других указывают лишь на то, что оптовые (но не отпускные) цены, хотя в очень слабой степени, все же стремятся двигаться вслед за розничными.

Расстояние между соответствующими точками обоих кривых показывает, насколько увеличилась накидка на оптовые цены сверх той, которая была 1 октября 1923 года. Едва ли кому придет в голову утверждать, что в то время накидка на оптовые цены была чересчур мала и убыточна для торговли. Стоит только просмотреть литературу того времени, в которой жалобы на обогащение частного капитала встречаются на каждом шагу. *Увеличение* этой накидки интересами народного хозяйства никоим образом оправдано быть не может. Для того, чтобы определить размер этого увеличения, обратимся к диаграмме № 2.

Эта диаграмма отличается от предыдущей тем, что оптовый индекс принят везде за 100 и, следовательно, изображается прямой линией. Розничный же индекс принят за 100 на 1 октября 1923 года, последующие

же его изменения взяты в процентном изменении к изменениям оптового индекса. *Таким образом, разница между соответствующими точками оптового и розничного индекса выражает, на какой процент оптовой цены увеличились розничные цены с 1 октября 1923 года, иначе говоря, какова была дополнительная накидка на оптовую цену в процентном отношении к последней.* Остановимся на результатах.

В течение всего 1923–24 года дополнительная накидка растет, дойдя к концу его почти до 25% оптовой цены и составив в среднем за год 14,5%. В 1924–25 году она снижается до июля, но и в этот момент минимума остается все же выше средней предыдущего года – 16,2% против 14,2%. После этого вновь быстрый рост, доходящий к концу года до 23,4%. Средняя за этот год выражается в 20,4%. Наконец, в текущем году до декабря рост продолжается, достигая к этому моменту рекордной цифры в 27,9%, к 1 февраля несколько снижается, спустившись почти до 25%, и к 1 марта вновь несколько повышается. В среднем по шести месячным показателям он достигает уже 125,7%. *Эти три ступеньки – 14,5, 20,3, 25,7 и характеризуют рост "незаслуженных доходов" торгового капитала, который шел вопреки* всем нашим мероприятиям по борьбе с розничными накидками.

Попробуем теперь сделать хотя бы грубый подсчет размеров этих "незаслуженных доходов". Согласно последним данным, представленным ВСНХ при плане на 1924–25 год, подлежащая реализации продукция промышленности, охватываемой производственными планами ВСНХ, составила по отпускным ценам в червонных рублях в 1923–24 году 2.425 млн. р., а в 1924–25 году – 3.570 млн. р. Из этой продукции я отнес к предметам широкого потребления почти всю текстильную промышленность (95,), пищевую (100%), большую часть кожевенной (87%), силикатной (стекло – 44%). По лесной взял 26%, имея в виду дрова для широкого потребления и изделия, по металлической – 21% (продукция Метиза – металлические изделия; металлургическая промышленность и с.-х. орудия не включены совсем, хотя частично, кровельное железо, проволока, мелкие с.-х. орудия в отношении количества розничных накидок играли крупную роль), по бумажной – 20% и по горной – 12,4% (нефтяные продукты, в частности, керосин). Совершенно не включена винокуренная промышленность, как не входящая в существующие индексы, и электротехническая промышленность. При таком распределении получится, что в общей массе реализуемой продукции предметы широкого потребления составляют около 60%. Этот подсчет почти полностью совпадает с подсчетами ВСНХ, производившим его другим методом – относя продукцию одних отраслей производства целиком к предметам потребления, а другие – к средствам производства. Поскольку можно говорить о точности этих подсчетов – они страдают скорее в сторону преуменьшения роли продуктов потребления, чем преувеличения.

Приняв эти подсчеты, мы получим, что предметы широкого потребления в 1923–24 году составили $\frac{2.425 \text{ млн.} \times 60}{100}$ = 1.455 млн. черв. руб. При среднем увеличении розничной накидки в этом году в 14,5% (к оптовой цене, а не к отпускной), беря ее на отпускную цену, мы опять-таки

грешим в сторону преуменьшения, мы получаем $\frac{1.455 \text{ млн.} \times 14,5}{100} = 210$ млн. черв. руб. *добавочной прибыли торгового капитала.* Для 1924–25 года тот же подсчет дает $\frac{3.570 \times 60 \times 20,3}{100.100} = 435$ млн. руб. Наконец, для текущего года, приняв, что в течение истекших пяти месяцев промышленность из общей предполагаемой к реализации продукции в 5.122 млн. руб. произвела 35%, т. е. 1.790 млн. руб., получим $\frac{1.720 \times 60 \times 25}{100.100} = 276$ млн. руб. В годовом масштабе, если сближения оптовых и розничных цен не произойдет, это грозит вырасти до суммы около 800 млн. руб.

Этот общий суммарный подсчет полезно проверить частным. Надбавки на один из основных продуктов хлопчатобумажной промышленности – ситец, по данным ВСНХ к 1 апреля 1924 года (более ранних данных нет), составляли 31 с небольшим процент на отпускную цену. 1 октября 1925 года эта накидка составила уже 62,6%, а к 1 января уже 73,6%, т. е. в среднем за первый квартал этого года около 68%, иначе говоря, сравнительно с апрелем 1924 года увеличилась на 31% отпускной цены. Продукция хлопчатобумажной промышленности должна составить в этом году около 850 млн. ч. руб., из которых в первые пять месяцев произведено не менее 35%, т. е. на 295 млн. руб. Приняв для всех пяти месяцев среднюю накидку за 1 квартал в размере 37% и взявши эти 37% от суммы в 295 млн. руб., мы получим $\frac{295 \times 37}{100} = 102$ млн. руб., или 39,5% той общей суммы дополнительной прибыли торгового капитала, которую мы высчитали выше для 5-месячной продукции. Принимая во внимание, что продукция хлопчатобумажной промышленности составляет в общей массе продукции предметов широкого потребления около 23% и что накидки в этой отрасли являются максимальными, приходится прийти к выводу, что эта цифра корреспондирует нашему общему вычислению и, пожалуй, говорит о его преуменьшении.

Какова степень точности этих цифр. Разумеется, что при слабой разработанности имеющегося материала, она очень большой быть не может. Один товарищ, производивший подсчеты этой сверхприбыли, пришел к выводу, что за прошлый год она составляет цифру порядка 600, а не 400 миллионов. Вполне возможно, что если в даваемом мною подсчете учесть те элементы преуменьшения, на которые я указывал, она вырастет и до этой суммы. С другой стороны, конечно, могут быть возражения, что часть товаров продается в наших же государственных розничных магазинах и кооперации, где накидки не так велики.* Поправки в ту

* При этом не надо, однако, забывать, что розничный индекс учитывает и эти цены – это во-первых, во-вторых, что товары, покупаемые в гос. и кооперативных розничных магазинах, весьма часто вновь перепродаются по более высоким ценам, и в-третьих, что накидки кооперации, особенно низовой, – очень велики. Последнее время я систематически опрашивал всех приезжавших из деревни товарищей, с которыми мне приходилось встречаться, почем там ситец. Ответы получались довольно однообразные – 70, 80, 90 коп. метр в кооперативных лавках, и это при 35 коп. отпускной цены. Иногда такая накидка объясняется тем, что товар, прежде чем попасть в низовой кооператив, по дороге проходит один, а то и несколько раз через руки частного посредника.

или другую сторону на 100 млн. руб., вероятно, будет настолько же трудно оспаривать, как и доказать. Но во всяком случае ясно, что для истекшего года сумма сверхприбыли торгового капитала составляет несколько сотен миллионов, а для текущего перейдет за полмиллиарда. Дело идет об очень крупных цифрах и пора уже этот вопрос сделать объектом внимательного и систематического наблюдения наших государственных органов, а не отдельных лиц.

Чтобы составить себе представление о значении этих цифр, достаточно для истекшего года сопоставить цифру в 400 млн. руб. сверхприбыли торгового капитала с общим размером капитальных затрат промышленности в том же году – 350 млн. руб. В этом году первоначально капитальные затраты промышленности определялись ВСНХ в размере свыше 1 миллиарда рублей. Впоследствии, при сокращении плана, РКИ выдвигала цифру в 600 миллионов руб. Таким образом, вероятный размер торговой сверхприбыли в текущем году 800 млн. руб. – *почти вдвое превышает разницу между этими двумя крайними вариантами.*

Но помимо того, что эти сверхприбыли являлись частным минусом с точки зрения развития нашей промышленности, они оказывали и другие неблагоприятные влияния на наше хозяйство. Поскольку они попадали в руки частного торговца, известную часть их он направлял на накопление. В те моменты, когда мы пытались ограничить его операции на рынке, он обращал их на покупку иностранной валюты и золота, как наиболее надежного способа хранения. Нет никакого сомнения, что продажа в последнее время нами нашей валюты в известной части была по существу дела выкупом тех свободных средств частного торговца, которые он накопил и которые в данный момент пустить в дело не мог. С другой стороны, высота нормы прибыли торгового капитала столь же несомненно содействовала необычайной высоте частного учетного процента, который нередко достигает 10% в месяц, а при 3–4% считается уже низким.

Далее, в то время, как промышленность, посаженная на голодный паек, вынуждаема была на максимальную экономию путем рационализации производства, сокращения размеров самих производственных запасов, непроизводственных расходов и т. п., наши торговые организации – особенно низовая кооперация – имели возможность свои торговые расходы покрывать за счет накидки очень широко. Аппарат кооперации раздут очень сильно, жалобы на то, что там, где частный торговец управляется один, кооперативная лавка держит 4–5 человек служащих, можно слышать на каждом шагу, но стимула к сокращению этого аппарата у нас нет.

Этот раздутый аппарат кооперации и в еще большей степени та часть сверхприбылей частного торговца, который шел не на накопление, а на потребление, создавал дополнительный "платежеспособный спрос" на предметы потребления, и так с одной стороны усиливая товарный голод, а с другой – поскольку мы все время ориентировались на "платежеспособный спрос" и ликвидацию товарного голода, усиливая ту сигнализацию, которую давал нам рынок в смысле необходимости максимально развертывать производство средств потребления. Это происходило как

раз в тот период, когда к нам подползал действительный товарный голод на средства производства, обусловленный неизбежным переходом к нормальному типу воспроизводства и расширенного воспроизводства от так называемого восстановительного.

* * *

Если теперь сопоставить все это с тем, что мы говорили о затруднениях, которые испытывала промышленность в своем развертывании, с точки зрения народнохозяйственного целого абсолютно необходимом — то картина станет ясной: в то время, как промышленность для этого развертывания нажимала на банковский кредит и эмиссию, в это же время в торговом секторе нашего хозяйства сосредоточивались средства, которые усиливали платежеспособный спрос непроизводительных слоев населения. Если инфляционный поток шел через русло промышленности, то "наводнение" образовывалось именно тут и отсюда уже растекалось по всей сфере денежного обращения. И когда некоторые наши работники, преимущественно из кругов близких к НКФ, утверждали, что инфляция произошла от перекредитования промышленности, то они совершенно правы в противоположность тем, которые хотят вывести инфляцию из диспропорций, присущих якобы нашему хозяйству. Но когда они воображают, что сокращением кредитования промышленности можно чего-то достигнуть, то они глубоко ошибаются. Наша политика цен является тем насосом, который выкачивает средства из промышленности в пользу торгового капитала, который будет действовать и в том случае, если приток средств в промышленность за счет эмиссии прекратится. Именно потому и приходится поддерживать искусственным путем питание промышленности, что политика цен столь же искусственно высасывает из нее средства. И если бы мы ограничились только тем, что прекратили бы это искусственное питание, то результатом этого было бы только истощение промышленности, а не ликвидация того инфляционного нарыва, который образовался и образовывается у нас в торговой сфере. Дело надо начинать с другого конца: обеспечив изменением политики цен приток средств в промышленность в размере, достаточном для нормального расширения воспроизводства, мы тем самым избавимся и от необходимости искусственного ее питания.

Ходячее возражение против этого предложения состоит в том, что нельзя поручиться, что повышение оптовых цен на промтовары не вызовет повышения розничных, а повышение розничных цен на промтовары не заставит крестьянина накинуть цены на с.-х. продукты и что таким образом мы не получим вместо оздоровления всеобщего повышения цен, т. е. инфляции. Такое возражение показывает только полное непонимание механизма рынка.

Прежде всего, эмпирическое наблюдение над движением оптовых и розничных цен показывает, что на протяжении двух лет никакой прямой зависимости розничных цен от оптовых цен — скорее наоборот — последние, вопреки нашей политике, в ослабленном виде отражают движение розничных. А затем, это теоретически неверно.

"Возможность количественного несовпадения между ценой и величиной стоимости или возможность отклонения цены от величины стоимости заключена уже в самой форме цены. *И здесь нельзя видеть недостатка этой формы – наоборот, именно эта отличительная черта делает ее наилучше приспособленной к современному способу производства* (курсив мой – В. С.), при котором правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос явления только как слепо действующий закон средних чисел". (Маркс, Капитал, т. I, стр. 67).

Это весьма глубокое замечание Маркса мы упускаем из виду.

В сущности политика равнения цен на себестоимость и является попыткой уничтожить количественное несовпадение цены и стоимости. И как раз тут Маркс специально предупреждает, что пока сохраняется товарное производство (а в отношении предметов широкого потребления, где мы сталкиваемся как с одной из крупнейших величин с неорганизованным крестьянским хозяйством, это наличие товарного характера производства отрицать уже никак не приходится), отклонение цены от ценности не является недостатком. Что это значит.

А значит это то, что при данном отношении различных видов товарных масс (хлеба, мануфактуры, железа, угля и пр.) величина цен на эти товары уже дана и притом независимо от их стоимости. Но, в свою очередь, это отклонение цен от стоимости дает возможность (и стимул, *но главное – возможность)* развивать те отрасли производства, где цена выше стоимости, быстрее, чем те, где она ниже ее, и тем самым в результате нового соотношения товарных масс приводит цены в соответствие со стоимостью. Поскольку мы сейчас хотим и имеем возможность сознательно влиять на ход процесса производства, *в основу нашей политики цен мы должны, как я уже говорил, положить начало соответствия цены с тем темпом развития той или иной отрасли производства, который мы считаем нужным, а отнюдь не начало соответствия в каждый данный момент цены и стоимости* (или как у нас говорят – себестоимости). Последний принцип только лишил бы нас возможности проводить намеченные нами планы в жизнь, ибо одного плана мало, нужны и средства для его выполнения. Не достигая никаких существенных результатов в области цен (ср. историю нашей борьбы с розничными накидками), мы только даем возможность переливания тех средств, которые мы могли бы употреблять на развитие промышленности, в паразитические сферы нашего хозяйства. Наша задача заключается в том, чтобы использовать объективно складывающуюся благоприятную конъюнктуру для промышленности, для ее развития, причем, однако, в отличие от капиталистического хозяйства, мы должны руководствоваться не только конъюнктурными показаниями, но и более глубоким анализом тенденций развития нашего хозяйства, регулируя его в порядке не стихии, а плана. Только в этом случае мы сумеем поставить себе на службу стихию рынка и, в конечном счете, ее преодолеть. Изменить на деле цены мы можем только путем изменения соотношения товарных масс, а это последнее можем сделать, опираясь на складывающийся в данный момент уровень цен. Только тогда мы сможем отказаться от вредной с точки зрения нашего денежного обращения

поддержки промышленности за счет эмиссии, прекратить сползания нашего червонца и в то же время не затормозить того развития промышленности, которое требуется всей хозяйственной обстановкой. И делать это нужно как раз сейчас, ибо иначе переход к нормальному процессу расширения производства (в противоположность "восстановительному", т. е. без затрат на расширение основного капитала) будет подносить нам только самые неприятные сюрпризы.

Разумеется, повышение цен надо производить с осторожностью. Если бы мы просто подсчитали, что по таким-то и таким-то товарам накидки превышают нормальные на столько-то и столько-то, и соответственно подняли отпускные цены, то сделали бы громадную ошибку — и не только потому, что не сумели бы такое исчисление сделать достаточно точно. Рынок — вещь чрезвычайно сложная, и никакому ученому мудрецу не удастся высчитать, какие цены являлись бы сейчас нормальными, если бы даже он имел все необходимые для этого данные: известная математическая задача о трех телах, движущихся под влиянием взаимного притяжения, по сравнению с этой задачей была бы пустячной. Только путем постепенного прощупывания, постепенного повышения, более значительного там, где накидки огромны, более осторожного там, где они умеренны, и внимательного наблюдения за результатами можем мы разрешить задачу, не вызвав неожиданных для нас потрясений на рынке. Но эта осторожность не должна мешать твердому проведению этой линии, ибо иначе мы заходим в тупик.

Если мы успешно разрешим эту задачу, то вопрос о ликвидации тех неблагоприятных явлений, которые сейчас выявились и которые сами по себе еще не представляют особенной угрозы, — вопрос о приведении в соответствие золотого паритета нашего рубля с его покупательной силой внутри страны, о ликвидации убыточности нашего экспорта и создании благоприятного расчетного баланса — являются вопросами и техническими. О них, если понадобится, мы поговорим в другой раз. В заключение же нужно сказать только одно: все наши затруднения теснейшим образом связаны между собой и изживать их можно только целостной системой мер, а не отдельными решениями, касающимися того или иного отдельного явления.

В. М. Смирнов

2 апреля 1926 г.

Статья "К вопросу о наших хозяйственных затруднениях" была впервые опубликована "в дискуссионном порядке" в журнале "Красная новь", кн. 5, 1926, сс. 156–173. Публикуется по архивному экземпляру рукописи. Диаграммы, отсутствующие в архиве, равно как и таблицы (в архиве имеющиеся) воспроизведены фотоспособом из журнальной статьи. — *Прим. сост.*

Таблица № 1.

Тотальные индексы.

	Оптовый Госплана.		Розничный бюджет.		Розничный К. И.	
	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.	1923 г.	1924 г.
1/X	1565	1643	1721	1918	1670	2060
1/XI	1492	1636	1618	1948	1690	2030
1/XII	1573	1682	1679	1978	1720	2050
	1924 г.	1925 г.	1924 г.	1925 г.	1924 г.	1925 г.
1/I	1690	1720	1819	1976	1800	2050
1/II	1865	1780	1989	1988	2100	2080
1/III	1930	1833	2064	2044	2030	2110
1/IV	1803	1945	2081	2136	2070	2170
1/V	1752	1966	2121	2189	2130	2210
1/VI	1658	1914	2024	2141	2060	2190
1/VII	1690	1880	2074	2110	2100	2180
1/VIII	1754	1751	2136	1935	2250	2100
	1725	1727	1915	1867	2190	2080
1/X	1643	1742	1918	1923	2060	2150
1/XI	1636	1753	1948	2010	2030	2170
1/XII	1682	1793	1978	2053	2050	2240
	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.
1/I	1720	1833	1976	2099	2050	2260
1/II	1780	1902	1988	2190	2080	2300
1/III	1833	1940	2044	2250	2110	2340

Диаграмма № 1.

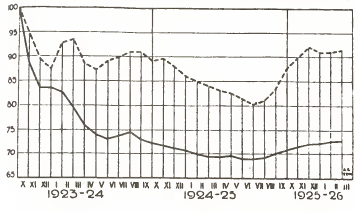

Диаграмма № 2.

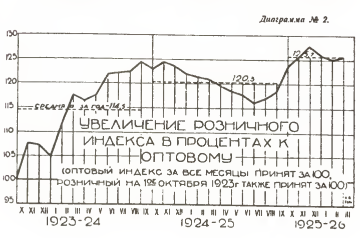

Таблица № 2
(к диаграмме 1-ой и 2-ой)

Промышленный индекс.

	Оптовый Госплана.		Розничный Кон'юнкт. Института.		Изменение соотношений между ними.	
	Абсолютн. величины.	В %% к 1/X 1923 г.	Абсолютн. величины.	В %% к 1/X 1923 г.		
1923 г.						
	2757	100,0	2,	100,0	Средняя за 1923—24 г. 114,5	100
1/XI	2432	88,4	2590	95,0		107,4
1/XII	2291	83,3	2440	89,5		107,2
1924 г.						
1/I	2293	83,3	2390	87,6		105
1/II	2269	82,5	2530	92,7		112,1
1/III	2187	79,5	2550	93,5		117,4
1/IV	2089	78,0	2420	88,7		116,5
1/V	2034	74,0	2380	87,2		117,6
1/VI	2013	73,0	2430	89,0		121,8
1/VII	2021	73,5	2450	89,8		122,0
1/VIII	2033	74,4	2480	91,0		122,2
1/IX	2009	73,0	2480	91,0		124,6
1/X	1986	72,2	2430	89,0	Средняя за 1924—25 г. 120,3	123,0
1/XI	1971	71,7	2440	89,5		124,6
1/XII	1953	71,1	2400	88,0		123,7
1925 г.						
1/I	1939	70,5	2350	86,1		122,0
1/II	1926	70,0	2320	85,0		121,3
1/III	1906	69,4	2290	84,0		121,0
1/IV	1906	69,4	2270	83,2		119,8
1/V	1908	69,5	2250	82,5		118,6
1/VI	1898	69,0	2220	81,4		117,8
1/VII	1898	69,0	2190	80,3		116,2
1/VIII	1903	69,2	2210	81,0		117,0
1/IX	1927	70 0	2270	83,2		118,7
1/X	1949	70,8	2390	87,5	Средняя 125,7	123,4
1/XI	1964	71,4	2450	89,8		125,5
1/XII	1976	71,9	2510	92,0		127,8
1926 г.						
1/I	1982	72,1	2480	91,0		126,2
1/II	1996	72,5	2480	91,0		125,5
1/III	2000	72,6	2490	91,3		125,7

ЗАМЕТКИ ТРОЦКОГО ДЛЯ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА АПРЕЛЬСКОМ ПЛЕНУМЕ ЦК (1926)

1. Тов. Жданов поставил вопрос в такой плоскости: поправки или резолюция. Я об этом говорил в Политбюро в субботу на прошлой неделе. Как обстояло дело с выработкой и принятием решения.

2. Основной вопрос обнаженно и потому поучительно поставил тов. Жданов: то, что мы сказали в 1923 г., то мы должны сказать и теперь. Другие говорят: то было в 1923 г. (первая эпоха нэпа), а теперь 1926 – эпоха индустриализации. А Жданов говорит: что тогда сказали, то и теперь скажем. Этим новая эпоха смывается на нет. Но это ближе отвечает действительности.

3. Здесь многие говорили о том, что промышленные увлечения прошлого года вытекают из неправильной, т. е. преувеличенной индустриалистической установки. Я всегда настаивал на том, что эти просчеты были фактическим рикошетом преуменьшенной стратегической установки. Попытка вывести эти просчеты из моей линии просто смешна. Боюсь, что если отпор станет на эту почву, то я окажусь здесь защищенным не хуже кой-кого другого.

4. Тов. Каменев считает, что поворот на индустриализацию закончен с момента поворота самого тов. Каменева. Я и по отношению к прошлому не вижу полного совпадения этих двух процессов. Во всяком случае, товарный голод обнаружился уже с весны 1924 г. Думаю, что его можно было предвидеть и ранее.

Таким образом, тов. Каменев имел в своем распоряжении почти два года для того, чтобы прийти к выводу о необходимости более решительного курса в сторону индустриализации.

5. Тов. Яковлев разъяснял значение кустарной промышленности как такой факт, который должен смягчить диспропорцию. Это очень знаменательная постановка вопроса, свидетельствующая о том, что тов. Яковлев динамику процесса под социалистическим углом зрения не усваивает совершенно. Обостряющаяся диспропорция означает такое состояние, когда государственная промышленность в той или другой степени утрачивает позицию на рынке. Думать, что она в этих условиях может подчинить себе кустарную промышленность путем кооперации было бы грубым заблуждением. Кооперация не есть самодовлеющий экономический фактор, способный производить чудеса. Кооперация есть лишь гибкая общественная организационная форма, приспособленная к нуждам мелкого товаропроизводителя. Социальное содержание кооперации зависит от тех экономических факторов, которые через нее проходят. Рост диспропорции государственной промышленности и рынка создавал бы условия для возрождения кустарной промышленности, но вместе с тем затруднял бы перевод ее на социалистические рельсы.

6. По вопросу об урожае на XII съезде я сказал следующее: "Я не знаю, какой будет урожай, будем надеяться все, что хороший, но хороший урожай означает, – если мы отстанем, – что увеличится соперник, ибо хороший урожай есть расширение емкости рынка не только для государ-

ственной промышленности, но и для черного рынка". Мне на это ответили, что у меня опаска насчет урожая. Я возразил, что у меня не опаска, а оценка под социалистическим углом зрения. Попытка изобразить дело так, что я боюсь урожая, просто неумна. Я боюсь нашей непредусмотрительности, неподготовленности к урожаю.

С точки зрения развития производительных сил хороший урожай безусловное благо; с точки зрения социалистического развития вопрос раздваивается – при нашей неподготовленности хороший урожай может стать базой капиталистического накопления.

Как было в прошлом году. Запоздалая и плохая интервенция за счет собственного производства (текстиль).

7. В тезисах Рыкова о будущем урожае не было ни слова. Таким образом, первый результат уже получен.

7 апреля 1926 г.

РЕЧЬ ТРОЦКОГО НА ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП (б) 6–9 АПРЕЛЯ 1926 г.

Товарищи, я вынужден ответить лишь на самые острые пункты, за недостатком времени; в числе их имеется и тот пункт, о котором я совершенно не собирался говорить, но к освещению которого меня неожиданно вынудил тов. Дзержинский. Он мне поставил вопрос: что выгоднее, отставать или забегать. Подобный же вопрос ставил мне, правда, целый ряд товарищей; но остальные ставили его в самой общей форме и, по-моему, в форме почти что наивной. Я, разумеется же, не говорил о том, что выгодно "забегать", а говорил, что вся установка за последние годы была такова, что мы неизбежно отставали. У нас в отношении транспорта и металлургии, под влиянием общей минималистской установки, была такая программа, согласно которой нынешнего уровня мы должны были достигнуть только в 1930–31 году. Взять те же самые заграничные паровозы, которые в силу злоключений партийной дискуссии связывали с моим именем без малейшего основания. Тогда этот заграничный заказ изображали так, что паровозы чуть ни до 31-го года не понадобятся в полном числе. Но если я, вопреки дискуссионной легенде, неповинен был во мнимом избытке паровозов, то теперь я не могу приписывать себе заслугу в приобретении этих столь пригодившихся паровозов. Мне пример этот нужен только для характеристики крайне преуменьшенной ориентировки в основных хозяйственных вопросах. Вот о чем я говорю, а не о забегании вперед. А тов. Дзержинский спрашивает: что лучше – забежать или отставать. Больше того, он спрашивает вполне конкретно, правильно ли мы сделали, что взяли слишком большой разбег в прошлом (календарном) году, так что пришлось осаживать назад. Я не знаю, почему тов. Дзержинский задает такой вопрос именно мне. Другое дело, подобный вопрос со стороны Микояна, который вряд ли знает, как обстояло дело, и которому ничто не мешает изображать осенний "безоглядный" разбег чуть ли ни как

порождение троцкизма. Но тов. Дзержинский должен знать, что вопрос обстоит совсем не так. Уже 12 июня прошлого года я предупреждал против неосторожного разбега. Не знаю, делали ли это другие товарищи, в том числе и Микоян. Но что касается меня, то 12 июня прошлого года я писал о том, что нам грозит, несмотря на вполне благоприятную обстановку, финансово-кредитный кризис, в силу некритического разгона некоторых отраслей нашей промышленности. Я процитирую дословно: "Финансово-кредитный кризис может превратиться в острый торгово-промышленный кризис. Я бы не хотел быть ложно понятым, особенно в свете старых разговоров о "пессимизме", "оптимизме" и пр. и пр. ... Предвидя неизбежное наступление кризиса, можно принять ряд мер, способных смягчить его действие и его последствия. И наоборот: тот некритический оптимизм, который сейчас так широко распространен среди хозяйственников и в значительной степени поддерживается нашей прессой, может усугубить действие неизбежного кризиса, ибо этот последний застигнет нас врасплох". Это было 12 июня. Я, разумеется, всячески отстаивал, где приходилось, необходимость дальнейшего передвижения народнохозяйственных ресурсов в сторону промышленности. Но в то же время для меня была абсолютно ясна необходимость протягивать ножки по одежке, исходя из тех недостаточных средств, какие отпущены. Одна линия стратегической борьбы – за передвижение средств в сторону промышленности; другая линия – внутреннего финансового равновесия самой промышленности. 24 июня я писал: "Есть некоторые симптомы, что промышленность, по крайней мере отдельные ее отрасли, развертываются не по средствам. Последствия этого могут довольно резко проявиться, годом или полугодом раньше или позже. Вопрос этот надо взять под особое наблюдение. Раньше или позже вопрос несомненно потребует коллективного обсуждения в тесном кругу". Это было 24 июня. Не знаю, что в это время писали другие. Но я, во всяком случае, не хочу, чтобы мне поучительно указывали, что не надо "забегать" и что неразумные забегания вредны. Согласитесь же, что это немножко смешно, когда теперь, задним числом, развиваются против меня соображения, которые я развивал своевременно, а не после просчета. Не надо, мол, безоглядочно разбегаться. Да ведь я писал об этом 12 и 24 июня, в порядке предвидения, а не теперь, не сегодня, не задним числом. *(Калинин:* Значит, Вы хороший практик, но плохой теоретик.) – Да, значит... Но это еще не все. 28 июня в одной из наших экономических газет появилась статья, основной лозунг которой был напечатан жирным шрифтом: "Отбросим на этот ближайший период причесывание наших предприятий под производственные программы. Дадим лозунг: развертывайся по максимальным возможностям и силам". Видите, какой троцкизм! Но в тот же день я писал: "Эта безумная постановка вопроса означает прямой призыв вести нашу производственную политику таким путем, который неизбежно должен – полугодием раньше или позднее – обрушить на неокрепший еще позвоночник нашей промышленности жесточайший торогово-промышленный кризис, связанный с кризисом основного оборудования". Это я писал 28 июня. *(Рыков:* Это в какой газете?) Это не в газете, а в письмах тов.

Дзержинскому. Три письма в течение двух недель. Вот почему тов. Дзержинский меньше, чем кто-либо другой, имеет основание спрашивать меня: хорошо ли мы сделали, что разбежались без оглядки. *(Дзержинский:* В июне, когда мы стояли на месте, то вы говорили о разбеге, когда разбежались, вы говорите – бегите быстрее.) Нет, тов. Дзержинский, это пустяки. Я очень жалею, что вынужден был цитировать эти письма, но это ваша вина. Когда я писал вам, как ответственному руководителю ВСНХ, желая помочь вам в экономической ориентировке, у меня, разумеется, и мысли не было, что вы меня вынудите процитировать здесь эти письма. Когда вы мне бросаете теперь несколько запоздалое обвинение в том, что я, дескать, не понял того, что разбег начался не в июне, а в сентябре, то это лишь свидетельствует об отсутствии у вас критического отношения к тому, что произошло. В силу целого ряда не только "исторических" причин, но и ошибок, промышленность располагает крайне недостаточными ресурсами, по которым мы вынуждены, однако, равняться. Вы, тов. Дзержинский, не отдали себе отчета в том, что уже в июне (а вероятно, и ранее) можно было предвидеть, что по финансовой линии грозят трудности и что нужно, как я предлагал, совещание коммунистов-хозяйственников, чтобы проверить, насколько финансово обеспечен разбег, который был взят промышленностью. Жаль, что вы этого совещания не созвали. Просчет, правда, не привел нас к жестоким катастрофам ни в какой степени. Преувеличивать не надо. Но если кое-кто пытается теперь поворачивать просчет против меня, то позвольте сказать "моим добром да мне же челом". Неуместно! Потому что если был человек в ВСНХ и Политбюро, который в июне месяце прощупал надвигающуюся опасность, то это был я. Я вызвал работников Промбанка и ряда трестов. У меня не было, разумеется, уверенности на 100 процентов, но были серьезные элементы предвидения, что нам угрожает непропорциональный разбег. К сожалению, вы, тов. Дзержинский, в порядке предвидения этого не учли, на предупреждения внимания не обратили, а тов. Микоян теперь, чуть не год спустя, ставит мне просчет в вину. *(Микоян:* Просчет – наша вина, вы ваши предложения продолжаете – это ваша вина, каждому свое.) Вот именно: каждому свое.

Тов. Жданов спрашивал, в каком смысле можно назвать мои поправки поправками. Это-де самостоятельная резолюция. Так же ставит вопрос и тов. Антипов: неизвестно, мол, к каким параграфам относятся мои поправки. Тут же неуместные намеки на платформу и пр. Тов. Рыков мог бы вам все это разъяснить, рассказавши коротко историю этой резолюции. Автором предложения насчет того, чтобы к следующему, т. е. настоящему пленуму Политбюро разработало резолюцию по хозяйственному положению, был я. Это предложение не встретило ничьих возражений, наоборот, было принято единогласно. Необходимость такой резолюции – после того, что произошло на съезде, – сознавалась и ощущалась всеми. С того времени прошло три месяца. Проект резолюции в том виде, в каком он вышел из комиссии Рыкова, я получил в прошлую среду. *(Молотов:* Во вторник.) Нет, она была во вторник вечером послана, я получил ее в среду. И самый тот факт, что вы сейчас из-за нескольких часов торгу-

етесь, показывает, как коротко вы отрезали нам время на внесение необходимых поправок. В среду была получена мною резолюция, а в четверг утром требовалось внести поправки и голосовать. На первом пленуме нынешнего состава, сейчас после съезда, когда шла речь об оформлении руководящей головки партии, я сказал, что нельзя ставить членов Политбюро в такое положение, когда ты вынужден либо противопоставлять свое мнение готовому проекту, уже согласованному за твоей спиной, либо молчать, соглашаться, склоняться, молчаливо принимая то, с чем не согласен. Я не сомневаюсь, что если бы эта резолюция имела более нормальное прохождение через Политбюро, то многие вопросы, которые здесь заостряются, могли бы быть разрешены более нормальным путем. Но когда важнейшая по содержанию резолюция получается в среду, с тем чтобы ее голосовать в четверг, мне ничего не оставалось делать из уважения к Политбюро и Центральному Комитету, как сказать, что я в таких условиях голосовать не могу. Тогда была дана отсрочка до субботы. Я не ставлю в вину, что она так долго вырабатывалась, если принять во внимание, что все загромождены делами. Но во всяком случае, до меня она дошла – уже в согласованном виде – в среду, накануне Политбюро, и отсрочка была дана до утра субботы. В течение пятницы надо было сформулировать поправки к предложениям, которые я в субботу и внес. Тов. Антипов говорит, какие, мол, это поправки, неизвестно, куда и к чему относятся. Неправда, не надо искусственно заострять, не надо искажать. В комиссии тов. Рыкова я совершенно точно указал, к какому пункту какую поправку я вношу и какой пункт проекта Рыкова приемлем для меня без всяких поправок. И поэтому, когда некоторые здесь указывали: вот у Рыкова в резолюции то-то есть, а у Троцкого – нет, то они били мимо цели: у меня этого потому нет, что я принимал это в формулировке Рыкова, так я и заявлял в комиссии. Досадно, что приходится тратить время на эти разъяснения. Из неправильного, ненормального порядка работы вытекает обострение и противопоставление даже в тех случаях, когда их могло бы и не быть. (Восклицания.) Извините, вы сами это прекрасно понимаете. Да и чего, собственно, вы хотите, товарищи. Когда столь серьезные общеполитические и хозяйственные вопросы стоят на повороте, то было бы чудовищно, если бы в нашей партии не вспыхнули практические и обобщенные разногласия, которых не надо только принимать преувеличенно и искусственно раздувать. Как же иначе может партия жить и двигаться вперед. Иначе из этого получается то, о чем напомнило выступление Молотова: по любому поводу обвинения в полутроцкизме летают справа налево и слева направо. Почему обвинители так легко превращаются в обвиняемых. Потому, что у нас всякий вопрос ставится на острие аппаратной бритвы и всякое отклонение от этого острия на одну тысячную долю миллиметра объявляется – путем аппаратного мифотворчества – чудовищным уклоном. Призрак троцкизма нужен для поддержания аппаратного режима. А режим этот автоматически приводит к тому, что тот, кто недавно других обвинял в троцкизме, сегодня сам оказывается троцкистом.

(Голоса: По собственному желанию. *Каганович:* Бытие определяет сознание.)

Троцкий: А я думаю, что нынешнее харьковское бытие кое-чье сознание определяет в очень трагическом направлении.

Скрыпник: Что сие значит за намеки?

Троцкий: Если вы дадите мне минут пятнадцать, я могу их развить. Но я думаю, что здесь большинство понимают друг друга даже и по простым намекам.

Тов. Жданов зачем-то ссылался на дискуссию 1923 года. И другие без всякого повода говорили о дискуссии 1923 года. Я к ней не апеллировал и не имею в виду апеллировать. Речь идет о сегодняшнем и завтрашнем дне. Ни в малейшей степени я не говорил о прошлом в смысле какого-либо противопоставления "платформы". Сейчас мы стоим на новой ситуации, особенно после XIV съезда, который не случайно ударил по даугэнзации, по аграрному уклону. На эту новую ситуацию, созданную XIV съездом, надо опираться, из нее надо исходить. Поэтому я не отвечаю и тов. Каменеву, который говорил о том, что он подходит к индустриализации не абстрактно, а в соответствии с конкретными потребностями хозяйства; я не вхожу в рассмотрение того, в какой мере потребность хозяйства в повороте совпадает с субъективными поворотами.

По вопросу об урожае. Я знаю, что на эту тему здесь уже началось аппаратное мифотворчество, оно началось с тов. Микояна. Знаете, тов. Микоян, если вы захотите спорить по-старому, я могу явиться с вами даже перед кубанскими казаками...

Микоян: Мы на пленуме ЦК, а не между кубанским казакамн.

Троцкий: Но вы-то именно говорите на пленуме ЦК так, как если бы обличали меня перед кубанским казакамн. Я отвечу тем же, но с большим основанием. Я скажу, что Микоян, конечно, большой сторонник смычки. Но как он понимает ее. Чему он нас тут учил. Вы знаете, говорил он, как баранов стричь надо. Со всех сторон, равномерно, а не с мясом, не с кровью. Так вот Микоян понимает смычку, как взаимоотношение между стригущим и тем, кого стригут. А орудием этой смычки являются ножницы промышлениых и сельскохозяйственных цен. (Смех.) А все вместе называется смычкой пролетариата и крестьянства для социалистического строительства. Нет, благодарю покорно. От такого чабаньего понимания смычки я отказываюсь...

Демагогический подход надо отвергнуть, надо понять добросовестно то, что я говорил об урожае. Я уже внес в порядке письменного заявления для приобщения к протоколам опровержение крайне неудачной ссылки тов. Микояна на XII съезд. А по существу надо сказать, что речь идет у меня о социалистической оценке экономического влияния наших урожаев. Когда говорят, что Троцкий боится урожая, а Молотов-де не боится, то что значит эта несуразица: ведь урожай это такой фактор, который не поддается нашему контролю и воздействию. Значит ли это, что я молебствие возношу за прекращение урожая, а вы за его развитие. Что это значит. Политического смысла это не имеет. Вопрос идет о способах нашей промышленно-торговой подготовки к урожаю и использованию урожая в интересах социализма. Я говорю в своей поправке, что пассивное ожидание урожая, о котором в резолюции Рыкова вообще не было ни слова, означа-

ет упущение времени, недостаток промтоваров, нашу неподготовленность к урожаю, который ведь означает увеличение емкости рынка и тем самым расширение диспропорции: не найдя государственного контрагента с промтоварами, урожай даст толчок частнокапиталистическому накоплению; при этих условиях соотношение хозяйственных сил может измениться для нас, для социалистического государства, в менее благоприятную сторону. Разве опыт этого года не научил нас кое-чему?

Я спрашиваю: разве в данный момент наше положение как государства в отношении гегемонии социалистических элементов хозяйства не стало на некоторый небольшой процент менее благоприятным, чем было полтора-год тому назад, несмотря на то, что страна стала в общем богаче. Почему. В силу обострения диспропорции, в силу раздвижки цен, в силу нашей неподготовленности перед лицом прошлогоднего урожая. Есть ли в этом что-нибудь, оправдывающее "панику". Нет, для паники нет оснований. Но для слепоты еще меньше. А именовать законную социалистическую тревогу паникой – преступно. Если такие сдвиги, как в этом году, хоть на один-два процента будут повторяться, то при общем развитии производительных сил мы можем получить социалистический темп со знаком минус. Другими словами: капитализм будет брать перевес над социализмом. Я говорил и говорю, что хороший урожай сам по себе является творческим фактором, лежащим в основе всякого подъема. Но я еще раз повторяю, что на основе урожая мыслим подъем двоякого рода: в сторону капитализма и в сторону социализма. Хороший паровоз прекрасная вещь, и чем он быстрее, тем лучше; но если стрелка не переведена вовремя, то грозит опасность крушения, и чем быстрее паровоз, тем сильнее крушение. Урожай есть быстро идущий паровоз; если промышленная стрелка не поставлена как следует быть, то опасность крушения большая.

Вот какую элементарную марксистскую мысль я высказал на XII съезде, а ныне снова вынужден доказывать. Вы говорите, что формулировка моей поправки неподходящая. Ну, давайте найдем вместе с вами другую формулировку. Разве в этом дело. Но когда вы поворачиваете в другую сторону, в сторону демагогии, когда вы начинаете кричать, что кто-то боится урожая, то, повторяю, для кубанского казака, малоосведомленного и сбитого с толку, это, может быть, и годится, но для пленума ЦК это абсолютно не годится.

Резюмирую. По вопросу о диспропорции и ее динамике мои соображения и соображения тов. Пятакова не были опровергнуты ни на иоту. По вопросу о темпе нашего социалистического развития в капиталистическом окружении и о ложности постановки этого вопроса в резолюции мои соображения не были опровергнуты. Противоречие в резолюции между требованием развития экспорта (и импорта), с одной стороны, и "независимости" от мирового рынка, с другой – это противоречие остается, аргументы наши не были опровергнуты. По вопросу о творческом содержании планового начала в новую эпоху перестройки основного капитала мои соображения не были опровергнуты. В резолюции содержание планового начала не видно. В отношении ведущего характера промышленности директива XIV съезда в резолюции не развита, не конкретизирована.

Директивные задания на 1926—27 год в резолюции тов. Рыкова смазаны полностью и целиком. Когда некоторые товарищи говорят, в противоречии со всем ходом прений, что мои поправки на девять десятых имеются уже в резолюции тов. Рыкова, а последняя десятая вредна (этим они подготовляют соответствующее толкование тех слов Сталина, которые я приводил), то это очень напоминает мусульманского халифа Омара, который говорил: "Что сверх корана, то либо повторяет коран и потому лишне, либо противоречит ему и потому вредно". Резолюция тов. Рыкова, однако, очень мало похожа на марксистский коран.

Я считаю принципиальными и решающими для своего голосования поправки: 1) о динамике диспропорции, 2) о темпе индустриализации, не самодовлеющем, а международно обусловленном, 3) о ведущей роли промышленности по отношению к сельскому хозяйству, 4) о новых задачах планового начала, 5) после безнадежного толкования тов. Рыковым пункта о зарплате я также и эту поправку считаю решающей. И так как все основные мои поправки отклонены, я вынужден голосовать против резолюции в целом.

Недостатком поправок тов. Каменева я считаю то, что в них дифференциация в деревне поставлена как бы до некоторой степени независимо от индустриализации; между тем значение и социальный вес крестьянской дифференциации и ее темпа определяются ростом и темпом индустриализации по отношению к деревне в целом. В отношении поправок тов. Каменева я повторяю то, что сказал в комиссии: поправки тов. Каменева делают некоторую уступку тов. Сокольникову, но резолюция тов. Рыкова делает уступки несравненно большие. Поэтому, поскольку мои поправки отклонены и я вынужден выбирать между тем и другим текстом, я голосую за поправки тов. Каменева с теми оговорками, какие здесь были мною сделаны.

ПОПРАВКИ ТРОЦКОГО К ПРОЕКТУ РЕЗОЛЮЦИИ РЫКОВА О ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ СССР

I. Диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством и задачи экономической политики

Основная и в то же время наиболее неотложная задача нэпа состояла в том, чтобы, восстановив заинтересованность крестьянина в развитии своего хозяйства, обеспечить развитие производительных сил в деревне и на этой основе разрешить задачу развития промышленности в тесной связи с сельским хозяйством. В соответствии с рыночными формами этой связи, новая экономическая политика включала в себя как лозунг "учитесь торговать", так и лозунг "каждую свободную копейку откладывай на промышленность". Одновременно выдвинут был партией большой план электрификации.

Проблема смычки пролетариата и крестьянства определила в этой

политике свое основное *экономическое* содержание. Система экономической политики государства имеет своей задачей — на основе роста производительных сил — обеспечить динамическое равновесие между промышленностью и сельским хозяйством при возрастающем перевесе социалистических элементов над капиталистическими. Совершенно очевидно, что нарушение этого равновесия может иметь место в двух основных случаях: если государство своей фискальной, бюджетной, промышленно-торговой и прочей политикой изъемлет из всего народного хозяйства и передает промышленности *непропорционально большую* сумму ежегодных накоплений и ресурсов вообще, в результате чего промышленность слишком забегает вперед, отрывается от народнохозяйственной и, прежде всего, сельскохозяйственной базы и упирается в недостаток платежеспособного спроса; либо же, наоборот, если государство изъемлет всеми имеющимися в его руках рычагами из народнохозяйственных ресурсов и их ежегодных приращений *недостаточную* долю, в результате чего предложение промышленных изделий отстает от платежеспособного спроса. Нарушение смычки налицо в обоих этих случаях. Промышленность, которая чрезмерно форсирует свое развитие, налагая на крестьянина непосильную ношу, подрывает сельское хозяйство. Но крестьянин терпит не меньший ущерб и в том случае, когда промышленность не в состоянии покрыть в надлежащих размерах реализацию урожая и тем самым ведет к ножницам оптовых и розничных цен.

XIV съезд партии выдвинул в качестве основной директивы курс на индустриализацию страны. Пути, методы и темп осуществления этой директивы являются *решающими* не только для судьбы дальнейшего нашего продвижения к социализму, но и для судьбы политического господства рабочего класса в Советском Союзе.

Главное противоречие нашего нынешнего хозяйственного положения, которое есть вместе с тем главное противоречие во взаимоотношениях города и деревни, состоит в том, что государственная промышленность отстает от народнохозяйственного развития. Продукция промышленности не покрывает платежеспособного спроса, что задерживает реализацию товарной части сельскохозяйственной продукции и экспорт ее, а это вводит импорт в крайне узкие рамки, задерживает расширение промышленности и может даже повести к *увеличению* основной диспропорции. Все данные говорят за то, что наша промышленность встретит урожай 26-го года без всяких товарных запасов, что может означать *воспроизведение нынешних трудностей в возросшем масштабе.* В этих условиях хороший урожай, т. е. потенциально возросшее число товарных излишков сельского хозяйства, может стать фактором, не ускоряющим темп хозяйственного развития в сторону социализма, а, наоборот, дезорганизующим экономику, обостряющим взаимоотношения между городом и деревней, а внутри самого города — между потребителями и государством. Практически говоря, хороший урожай — при отсутствии промтоваров может означать перегонку зерна в увеличенном количестве на самогон и возросшие городские хвосты. Политически это будет означать борьбу крестьянина против монополии внешней торговли, т. е. против социалистической

промышленности. Недооценка этой опасности грозила бы тяжкими последствиями, если не в ближайшем будущем, то при дальнейшем развитии того соотношения хозяйственных факторов, которое ведет к сохранению или слишком медленному преодолению диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством. Выход состоит в том, чтобы обеспечить правильную основную линию хозяйственной политики в действительном соответствии с установленным XIV съездом курсом на индустриализацию нашего хозяйства.

* * *

Так называемые хозяйственные просчеты конца прошлого и начала нынешнего года, в частности, вызвавшие необходимость сокращения, планы экспорта-импорта, промышленного развития и капитального строительства можно правильно оценить только в связи с основной стратегической линией нашей хозяйственной политики.

Опыт последних лет свидетельствует о том, что наши промышленные программы неизменно отставали от хода и потребностей народнохозяйственного развития и под непосредственным давлением рынка перестраивались на ходу, иногда по несколько раз в течение хозяйственного года и притом почти всегда в сторону увеличения. В то время, как в отношении промышленности господствовал унаследованный от первоначального периода нэпа лозунг — не забегать вперед, чтобы не отрываться от крестьянского хозяйства, — промышленность на деле неизменно отставала от реальных народнохозяйственных ресурсов, потребностей и возможностей, чем именно и вызывались постоянные ломки и перестройки промышленных программ.

Оценивая историю наших промышленных программ, партия должна прийти к тому выводу, что главным пороком их была недооценка общих возможностей хозяйственного развития и, в первую голову, государственной промышленности как ведущего фактора. Достаточно напомнить, что тот уровень, который предполагали достичь в 1930 году, достигнут в двух таких крупных отраслях хозяйства, как транспорт и металлопромышленность, — в 1925 году. Преуменьшенная установка в вопросах промышленности является важнейшей причиной той исключительной остроты, какую получил сейчас товарный голод.

* * *

Резолюция XIV съезда, давшая партии твердую директиву индустриализации, указала вместе с тем на те пределы, которых в каждый данный момент промышленность не может и не должна переходить. В качестве таких моментов в резолюции указаны: реальная *емкость рынка* и *финансовые средства* государства. Ограничивая в каждый данный момент промышленное развитие, оба эти фактора, т. е. платежеспособный спрос и финансовые ресурсы, не являются, разумеется, неизменными или не зависящими от нашей политики величинами. Совершенно очевидно, что

финансовые ресурсы государства определяются всей системой административных, фискальных, бюджетных, производственных и торговых мероприятий, при помощи которых производится распределение народнохозяйственных накоплений между государственным и негосударственным хозяйством. Такое состояние, когда страна не выходит из промышленно-товарного голода, является очевидным и бесспорным свидетельством того, что распределение народнохозяйственных ресурсов и накоплений между государственной индустрией и остальным хозяйством не только не достигло необходимой пропорциональности, но за последний период, особенно в случае хорошего урожая, грозит еще более отойти от нее.

Если во второй половине прошлого года промышленный и импортный планы оказались не соответствующими кассовой наличности государства в тот момент, то факт этот, вызвавший необходимость соответственных поправок, ни в каком случае не является доводом за снижение общего темпа развития промышленности, а наоборот, – требует таких мероприятий в области хозяйственной политики, в результате которых государственные ресурсы, направляемые на промышленность, должны составлять большую долю общенародных ресурсов, особенно их годового приращения, чем это было до сих пор. Другими словами, частные просчеты в области экспортно-импортного и промышленного плана явились отраженным и притом эпизодическим результатом длительной преуменьшенной установки в отношении возможностей и задач государственной промышленности, что одинаково бьет как по промышленности, так и по сельскому хозяйству. На товарном голоде и, в частности, на розничных ценах крестьянство теряет в пользу частного капитала несравненно большие суммы, чем выиграло от снижения сельхозналога.

Основные хозяйственные трудности проистекают, следовательно, из того, что *объем промышленности слишком мал*, как по отношению к сельскому хозяйству (личные и производственные потребности крестьянства), так и по отношению к росту потребностей рабочего класса. Несоответствие это должно быть ликвидировано не путем задержки роста сельского хозяйства или роста потребностей рабочего класса, а путем придания развитию промышленности такого темпа, который позволит в течение немногих сравнительно лет это несоответствие изжить.

Указанная задача получает тем более повелительный характер, что промышленность в нынешнем ее состоянии не в силах разрешить и другие жизненные задачи, стоящие перед нею, в первую очередь, задачи производства средств производства для самой промышленности, обслуживания и развития транспорта и обороны страны.

Ввиду этого пленум поручает Политбюро:

Приступить к конкретной проработке перспективного плана развития промышленности и нового промышленного строительства на ближайший хозяйственный период (5–8 лет) в неразрывной связи с перспективой роста сельского хозяйства.

Разработать такую директиву по составлению всех программ и планов на 26–27 год, которая обеспечила бы возможность сделать уже в 26–27 году значительный шаг по пути к ликвидации внутренних несоответствий в нашем хозяйстве.

Перспективный план должен в этих целях исходить из рабочей гипотезы о ликвидации основной диспропорции в течение примерно пяти лет (или в другой срок), с тем чтобы, говоря условно, к 31-му году могло установиться относительное равновесие между спросом и предложением на промышленные изделия при условии неуклонного продолжения политики снижения цен. Такая программа, отнюдь не претендуя, разумеется, на законченность и точность, явится, однако, важным компасом всей нашей хозяйственной политики.

* * *

В указанных видах и целях программы и планы 26–27 года должны исходить из нижеследующих положений:

1. Сельхозналог с надлежащим обложением верхов деревни должен явиться одним из важных рычагов в деле правильного перераспределения народнохозяйственных накоплений; в соответствии с этим, повышение контрольной цифры сельхозналога производится в соответствии с фактическим ростом сельского хозяйства и его внутренней дифференциации под углом зрения необходимого финансового обеспечения ведущей роли промышленности.

2. Не допускать повышения розничных цен, наоборот, – всемерно бороться за снижение их; в отношении оптовых цен ввести более гибкую и более специализированную по разным отраслям промышленности политику с таким расчетом, чтобы большая, чем до сих пор часть розничной накидки доставалась в руки государства и кооперации.

3. Бюджет 26–27 года должен быть построен так, чтобы достаточно значительная сумма средств была направлена в промышленность сверх тех средств, которые фактически являются перераспределением средств самой промышленности через бюджет. Чистое сальдо в пользу промышленности должно быть никак не меньше 150–200 млн., причем должны быть приложены все усилия к тому, чтобы это чистое сальдо увеличить.

Это должно быть достигнуто жестким сжатием или, по крайней мере, отказом от дальнейшего расширения всех непроизводительных расходов, памятуя, что мы еще не вышли из периода первоначального социалистического накопления.

4. Необходимо пересмотреть вопрос о водке на основании уже имеющегося опыта, который свидетельствует, что государственная продажа водки, играя крайне незначительную роль в деле притока средств из деревни к тяжелой промышленности (такова была цель), врезывается в то же время серьезной величиной в заработную плату рабочего.

5. Уже с 26–27 года должна быть обеспечена возможность серьезного расширения долгосрочного кредита новому промышленному строительству. В фонд долгосрочного кредита должно быть направлено:

а) не менее 25 % амортизациониых отчислений;

б) 50 % резервных капиталов с освобождением промышленности от обязанности помещать эти капиталы в государственные облигационные займы;

в) 10 % чистой прибыли;

г) 50 % выручки от продажи так называемых неликвидных фондов;

6. Должна быть так построена система амортизационных отчислений, чтобы промышленность автоматически имела возможность поддерживать свою производственную мощность на достигнутом уровне, а все дополнительные средства направлялись бы на ее дальнейшее расширение.

7. Экспортно-импортный план 26–27 года должен быть построен так, чтобы обеспечить увеличение производительной мощности промышленности и значительное техническое перевооружение ее, подразумевая под последним также и постройку новых фабрично-заводских единиц.

8. Вся экономическая политика должна быть построена так, чтобы обеспечить в будущем (26–27 году) возможность проведения программы капитальных работ по промышленности не менее 1 миллиарда рублей, против 820 млн. руб. 25–26 года (т. е. с приростом не менее 20 %).

9. Должны быть усилены средства Промбанка в целях укрепления центрального промышленного резерва, обеспечивающего бесперебойное развертывание оборотов промышленности.

10. Разработать и практически подготовить теперь же систему мероприятий, рассчитанных на реализацию предстоящего урожая – в первую очередь, срочно проведя дополнительный импорт сырья (хлопок, шерсть, резина, кожа, металл) в целях увеличения товарных ресурсов, могущих быть осенью предъявленными крестьянству, и во вторую очередь, подготовить могущую стать неизбежной товарную интервенцию, построенную на началах иностранного кредитования, отвечающего нашему внутреннему обороту и в строгом соответствии с интересами и возможностями государственной промышленности.

11. Обеспечить возможно более энергичный темп выполнения плана электрификации страны.

II. Вопросы темпа

Экспроприация непроизводительных классов (дворянства, буржуазии с монархией и привилегированной бюрократией), национализация земли, аннулирование долгов и сосредоточение доходов от промышленности, транспорта и всей кредитной системы в руках государства обеспечили, как с бесспорностью доказал опыт истекших лет, явный и несомненный перевес социалистических элементов над капиталистическими внутри нашего хозяйства.

Но именно крупнейшие успехи нашего хозяйства, включающие его во все возрастающей степени в цепь мирового рынка, ставят тем самым наши дальнейшие успехи и, в первую голову, темп нашей индустриализации под сравнительный контроль мирового капиталистического хозяйства. Было бы в корне неправильно думать, будто к социализму можно идти произвольным темпом, находясь в капиталистическом окружении. Дальнейшее продвижение к социализму будет обеспечено лишь при том условии, если расстояние, отделяющее нашу промышленность от передовой капиталистической – масса продукции, ее себестоимость, ее ка-

чество – будет явно и осязательно уменьшаться, а не возрастать. При этом и только при этом условии наши вооруженные силы получат техническую основу, способную оградить социалистическое развитие страны.

III. Ведущая роль промышленности и сельское хозяйство

Резолюция Четырнадцатого съезда указывает на *ведущую* роль государственной промышленности во всем народном хозяйстве. Задача партии – уяснить себе эту директиву в полном объеме и сделать из нее все надлежащие практические выводы. Развитие сельского хозяйства при *отставании* государственной промышленности в условиях монополии внешней торговли неизбежно наталкивается на непреодолимые препятствия. Ведущая роль государственной промышленности в том и состоит, что дальнейшее развитие ее является главным фактором как общего подъема сельского хозяйства, так и перестройки его технической и общественной формы. Развитие текстильной промышленности является могущественным рычагом подъема хлопководческих районов и предпосылкой постепенной индустриализации и обобществления хлопководческого хозяйства. Такое же значение имеет сахарная промышленность для свекловичного хозяйства, суконная – для овцеводства, льноткацкая – для льноводства, консервная – для огородничества, скотоводства, рыболовства и, наконец, вся промышленность в целом для сельского хозяйства в целом, как поставщика не только сырья, но и предметов питания для промышленных рабочих и служащих.

С другой стороны, поскольку сельское хозяйство приблизилось к довоенному уровню на старых примитивных технико-производственных основах, постольку дальнейший серьезный подъем сельского хозяйства мыслим только через его постепенную индустриализацию, т. е. через мощное развитие сельскохозяйственного машиностроения, электрификации, искусственных удобрений и пр. Самой действительной формой государственной помощи крестьянскому хозяйству может явиться широкий сбыт производимого госпромышленностью необходимого сельскохозяйственного инвентаря на условиях льготного кредита, что, в свою очередь, предполагает могущественное развитие сельскохозяйственного машиностроения, в тесной связи с особенностями основных сельскохозяйственных районов.

IV. Плановое начало, его новые задачи и методы

Значение планового начала обнаружилось как в крупнейших успехах нашего хозяйственного строительства, так и в его неудачах и просчетах. Было бы грубейшей ошибкой думать, что те или другие просчеты являются доводом *против* планового начала. Наоборот, самая возможность своевременно обнаружить и так или иначе исправить их дается централизованной системой хозяйственного управления, которая немыслима без планового сочетания основных его факторов, как государственно-административных, так и рыночных.

Рост нашего хозяйства не только вызывает потребность в общем усилении планового начала, но и ставит в этой области качественно новые задачи. До настоящего времени планирование состояло преимущественно в попытках предвидения движения основных элементов хозяйства в течение ближайшего года и маневренного их сочетания, т. е. исчерпывалось теми функциями, какие охарактеризованы в резолюции XII партийного съезда. Такого рода маневренное планирование в рамках текущих оперативных задач могло почитаться достаточным в пределах так называемого *восстановительного* периода, когда промышленность развивалась на унаследованной от прошлого технической основе. Теперь, с завершением восстановительного периода, необходимость обновления и расширения основного капитала промышленности и транспорта ставит перед партией и государством, наряду со старыми, совершенно новые задачи в области планового руководства. Если до последнего времени промышленность, располагавшая значительными резервами неиспользованного оборудования, могла, в соответствии с требованиями рынка, в короткий срок развертывать свое производство значительно выше плановых предположений, то в ближайшие годы ее возможности в этом направлении будут определяться теми капитальными затратами, которые промышленность будет иметь возможность ежегодно производить. Объем и направление этих капитальных затрат должны наиболее строго и обдуманно планироваться государством. Создание новых заводов, постройка силовых станций, железных дорог, мелиорация обширных районов, воспитание в надлежащие сроки необходимой квалифицированной рабочей силы всех категорий, увязка этого нового строительства как с существующим хозяйством, так и с промышленным и вообще хозяйственными планами, все это не может быть выполнено в рамках одного хозяйственного года. Дело идет о планировании крупнейших сооружений и работ, рассчитанных на ряд лет, хозяйственные последствия которых будут сказываться в течение дальнейшего ряда лет. Годовой план должен рассматриваться в качестве определенной части пятилетнего перспективного плана. С одной стороны, годовой план должен в соответственной части осуществлять те задачи, которые намечены по пятилетнему плану; с другой стороны, пятилетний план должен ежегодно корректироваться в связи с теми изменениями, которые вносятся в него очередным операционным планом.

Совершенно очевидно, что такого рода далеко идущие планы, вытекающие из самой природы социалистического хозяйства, не могут быть созданы в порядке какого-либо законченного предварительного учета динамики всех элементов хозяйства в течение пяти-десяти лет. Вопрос идет, по существу, о постановке *целевых задач* и о творческом их согласовании как в период планирования, так и в процессе выполнения. Правильный подход к проблемам такого рода может быть достигнут только при понимании могущества, заложенного в современную индустрию, ее преобразующей силы, при преодолении крохоборчества и хвостизма в хозяйственных вопросах, при действительном усвоении основной директивы XIV съезда относительно индустриализации страны.

* * *

Нынешний порядок составления и прохождения планов должен быть в корне пересмотрен в целях его упрощения и сосредоточения внимания высших плановых органов и, прежде всего, Госплана на больших плановых вопросах. В этих целях:

1. В центре плановой работы высших плановых органов государства должно быть поставлено правильное развитие основных элементов хозяйственного строительства, в частности, нового строительства, и полное согласование их с задачами и растущими возможностями рабоче-крестьянского государства.

2. Необходимо отказаться от мелочной проверки высшими планирующими органами технических расчетов, производимых низшими, дабы сосредоточить внимание первых на решении вопросов более высокого порядка, с возложением на низшие органы большей ответственности за проделываемую ими работу.

3. Надлежит значительно уменьшить детализацию планирования в отношении эксплуатационных планов, сосредоточив эту работу и ответственность за нее в оперативных органах, оставив за высшими органами лишь увязку планов между собой и с ходом развития всего государственного и народного хозяйства в целом.

Только при радикальном упрощении порядка составления и прохождения планов может быть достигнуто более высокое качество составляемых планов, своевременное прохождение и утверждение последних и действительное сосредоточение руководящих плановых органов на основной работе большого хозяйственного проектирования и социалистического строительства.

V. Заработная плата

Хозяйственные затруднения не дают возможности взять в настоящее время курс на значительное повышение заработной платы. Признавая достигнутый уровень заработной платы недостаточным, партия должна поставить перед собой в области заработной платы нижеследующие задачи:

а) недопущение снижения реальной заработной платы в ближайшее время;

б) создание материальных предпосылок для дальнейшего повышения заработной платы, что означает:

аа) достаточное увеличение объема промышленности в 26–27 году, чтобы денежная заработная плата получила надлежащее товарное обеспечение (бюджет рабочего на 40–50 % покрывается промтоварами),

бб) упорное и систематическое техническое перевооружение промышленности, которое одно только обеспечит непрерывное и планомерное повышение материального уровня жизни рабочего.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К ВОПРОСУ О РЕЗЕРВАХ

(Не в качестве поправки, а в качестве материала к резолюции)

Вопрос о резервах должен быть поставлен гораздо конкретнее, чем он ставился до сих пор. С точки зрения назначения резервов, можно установить следующие категории:

1. *Страховые резервы* в широком смысле этого слова, необходимость которых обусловливается громадным значением в общей совокупности нашего хозяйства сельскохозяйственного производства и его зависимостью от стихийных явлений. Это, прежде всего: а) *хлебные резервы*, поскольку наш экспорт, главным образом, определяется неустойчивой продукцией сельского хозяйства — *валютные резервы* как обеспечение за нами права на мировую продукцию.

2. *Производственные резервы нашего хозяйства*, на случай, если бы в той или иной отрасли производства выявилась необходимость быстрого ее расширения, для которого в пределах производства одного года ресурсов найти нельзя. Сюда относятся резервы *сырья*, *оборудования* и т. п.

3. *Маневренные резервы*, которые не являются резервами в собственном смысле этого слова, означая лишь, что в наших планах мы оставляем незаполненные места, которые можно заполнять различным содержанием в зависимости от выявления некоторых обстоятельств, которые при составлении плана мы учесть не можем. *Вопрос о маневренных резервах сводится, таким образом, к вопросу о степени жесткости наших планов.*

Кроме этого, необходимо отметить один *ложный вид резерва*. Это так называемые денежные резервы для оперирования ими внутри страны. Если этот вопрос не сводить к узкотехнической стороне накопления запасов бумажноденежных знаков, то он означает, в сущности, такую политику в области денежного обращения, при которой мы в определенные периоды времени повышаем покупательную способность и курс нашего рубля, с тем чтобы в другой момент путем более либеральной политики денежного обращения вновь спустить ее до прежнего уровня. Если мы стоим (а это бесспорно) на почве сохранения твердой валюты, то *использование в качестве резерва повышения курса нашей валюты путем последующего его снижения является недопустимым*. Система твердой валюты означает, что наша денежная политика должна вестись таким образом, чтобы снижение ее курса ни в один момент не могло иметь места. *А это значит, что никакого резерва здесь у нас быть не может.*

* * *

Конкретно с точки зрения данной хозяйственной ситуации.

1. Накопление хлебных резервов, являющееся в значительной части пополнением израсходованных резервов предыдущего неурожайного го-

да, происходит внутри крестьянских хозяйств. В значительной степени этим и объясняется высота цен на хлеб. Но это же является препятствием для сосредоточения этих резервов в руках государства. При нерентабельности нашего хлебного экспорта (один лишь Юго-Восток сохраняет пока цены на уровне более или менее соответствующем мировым ценам) задача заготовки хлеба для накопления государственного резерва еще более повысила бы цены и ударила по нашему экспорту, т. е. по нашим валютным ресурсам. Задача эта может быть поставлена только для будущего года и должна быть поставлена в случае удовлетворительного урожая.

2. Накопление резервов иностранной валюты, несмотря на всю их желательность с точки зрения истощения нашего валютного фонда, также не является той задачей, которая может быть нами поставлена в текущем году. Частью мы могли бы ее, может быть, осуществить лишь при условии форсирования нашего экспорта.

3. Производственные резервы нашего хозяйства. При наличии того товарного голода, который имеется внутри страны, и при слабости тех ресурсов, которые мы имеем для развертывания промышленности, были бы совершенно неправильными как линия сжатия производства для образования резервов, так и линия дополнительных затрат на приобретение дополнительных запасов. Вопрос этот мог бы быть поставлен только в том случае, если бы на рынке обнаружилось сокращение спроса и мы могли бы вместо того, чтобы работать на потребление, – работать в запас. Единственно, о чем могла бы здесь идти речь, – это об известной рационализации процесса производства (связанного с переоборудованием), благодаря которому относительное количество запасов сырья, топлива и т. п., необходимое для бесперебойного хода процесса производства, сократилось бы и, таким образом, выделился бы резервный запас их.

4. "Маневренные резервы" – степень жесткости наших планов отнюдь нельзя назвать преувеличенной, и нажим в эту сторону, большей частью, *сводится к минимализму наших планов*, особенно в области промышленности – что при данной ситуации является вредной тенденцией.

В общем и целом, вопрос о резервах теснейшим образом связан с вопросом *накопления* в нашем хозяйстве вообще и в различных его отраслях в частности. Увеличение их конкретно возможно лишь при условии усиления накопления в нашем хозяйстве, что связывается опять-таки с вопросом о повышении техники производства. Таким образом, основная задача настоящего периода заключается в создании *предпосылок* для образования таких резервов. Это не означает, конечно, что эту задачу нужно отложить на неопределенное время. В частности, поскольку сельское хозяйство в данный момент находится в относительном избытке, накопление резервов здесь является возможным в ближайшее время, в частности, – в будущем году. Вместе с тем, резервы такого порядка являются для нас резервами наиболее важными, как страхующие нас от явлений, от нашей воли не зависящих. Накопление хлебных и валютных резервов в необходимом размере при мало-мальски благоприятных условиях будет одной из важных задач предстоящего года.

12 апреля 1926 г.

ЗАПИСКА В. ЭЛЬЦИНА*

Эту цитату надо показать Л. Д. [Троцкому]. Она имеет самое непосредственное отношение к критике той части книги [Троцкого] о Ленине [издана в 1924 г.], где вопрос идет о красном терроре. Может быть Л. Д. найдет нужным ее включить в новую рукопись "Из писем 1922 г.".

В. Эльцин

апрель 1926 г.

Напрасно говорит Мартов, будто бы я оправдывался в вопросе о терроризме. Это выражение показывает, как бесконечно далеки воззрения мелкобуржуазной демократии от нас и как близки они II Интерналу. На деле ровно ничего социалистического в нем нет, а как раз наоборот: когда подошел социализм, нам опять проповедуют старые буржуазные взгляды. Я не оправдывал себя, а говорил о специальной партии, которая создана войной, партии офицеров, командующих в течение империалистической войны, которые выдвинулись в этой войне, которые знают, что такое практическая политика.

В. И. Ленин,
"Заключительное слово по докладу СНК" (6 декабря 1919 г.)

ЗАКОН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ, ПЛАНОВОЕ НАЧАЛО, ТЕМП ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И – БЕСПРИНЦИПНОСТЬ

1. Анализ нашего хозяйства под углом зрения взаимодействия (борьбы и сотрудничества) законов стоимости и социалистического накопления представляется в принципе в высшей степени плодотворным, вернее сказать, единственно правильным. Исследование это необходимо было начать в рамках замкнутого советского хозяйства. Но сейчас вырастает опасность того, что этот методологический подход будет превращен в законченную экономическую перспективу "развития социализма в одной стране". Можно ждать и опасаться, что сторонники этой философии, которые до сих пор опирались на ложно понятую цитату из Ленина, теперь попытаются применить анализ Преображенского, превратив методологический подход в обобщение квазисамодовлеющего процесса. Надо во что бы то ни стало пойти наперерез такому плагиату и такой фальсификации. Взаимодействие законов стоимости и социалистического накопления надо вставить в контекст мирового хозяйства. Тогда станет ясно, что закон

* В верхнем левом углу написано рукою Троцкого: "Тов. Сермуксу". – *Прим. сост.*

стоимости, в ограниченных рамках нэпа дополняется возрастающим давлением извне закона стоимости возрастающего на мировом рынке.

2. В этой связи получает решающее значение вопрос о темпе нашего хозяйственного развития и, в первую голову, о темпе индустриализации. Монополия внешней торговли является могущественным фактором на службе социалистического накопления – могущественным, но не всемогущим. Монополия внешней торговли лишь в той мере может сдерживать и регулировать давление извне закона стоимости, в какой стоимость советской продукции приближается из года в год к стоимости продукции мирового рынка. При учете стоимости советской продукции надлежит, разумеется, принять во внимание накладные расходы социального законодательства. Но в рамках мирового соревнования хозяйственных режимов остается во всей своей силе указанное выше требование: темп советской индустрии должен быть таков, чтобы обеспечить осязательное для рабочих и крестьян приближение советской продукции к продукции мирового рынка.

3. Резолюция XIV съезда в качестве пределов индустриализации указывает: покупательную способность рынка и наличные финансовые ресурсы государства. Эти пределы не являются ни единственными, ни основными, но служат лишь эмпирическим рыночно-денежным выражением других пределов. В рамках такой постановки вопроса отставание нашей промышленности от народнохозяйственного развития находит себе выражение в товарном голоде и в оптово-розничных ножницах. В ответ на эти указания Гусев и другие выдвигают два друг с другом не связанных, в сущности, друг другу противоречащих и, во всяком случае, одинаково несостоятельных возражения: а) те, которые требуют, чтобы промышленность не отставала, а обеспечила за собою ведущую роль, являются сверхиндустриалистами; б) те, которые определяют степень развития промышленности по рынку, боятся-де крестьянства и забывают, что производство средств производства не может равняться рынку.

4. Таким образом, люди, которые теперь, [отвечая] на вопросы об обновлении основного капитала, эмпирически наталкиваются на проблему социалистического накопления и планового начала, противопоставляют эти свои откровения индустриалистам, которые на сей предмет специально превращаются из сверхиндустриалистов в аграрников, капитулирующих перед крестьянским рынком.

5. Это нисколько не мешает неофитам социалистического накопления в вопросе о плановом начале оставаться на старой, т. е. по существу рыночной точке зрения. За последние годы плановое начало состояло преимущественно, если не исключительно, в оперировании комбинированием элементов хозяйства на основе рынка, в рамках текущего года. Вопрос о сложных конструктивных плановых задачах становится теперь совершенно неотложным, в связи с необходимостью обновления и расширения основного капитала. В этой области социалистическая постановка вопроса и должна сейчас найти свое наиболее отчетливое выражение. Между тем, соответственная поправка была отвергнута.

6. Вопрос о взаимодействии советского хозяйства с мировым полу-

чает все более решающее значение со всех точек зрения. Выше это указано в отношении законов накопления стоимости, а также хозяйственного темпа. Не меньшее значение имеет внешняя торговля для вопроса о так называемой хозяйственной самостоятельности Советского Союза. Необходимо проанализировать этот вопрос всесторонне и, по возможности, на основе рассмотрения основных элементов нашего экспорта и импорта. Необходимо выработать в этом направлении примерно пятилетнюю перспективу. Необходимо показать, каким диалектическим путем рост хозяйственных связей и взаимозависимости подготовляет индустриальную "независимость".

7. Вопрос о распределении и перераспределении сельскохозяйственных и индустриальных, частных и государственных накоплений необходимо связать с ниспровержением легенды об отношении к деревне как к "колонии".

8. На пленуме осталась совершенно не освещенной связь между хозяйством и партийным режимом. Между тем значение этой связи неизмеримо.

Вопрос об экономии поставлен был на съезде и в резолюции достаточно остро. Но совершенно не освещен вопрос о том, почему со времени XII съезда, когда вопрос об экономии был поставлен со всей остротой (дань, взимаемая с хозяйственных предприятий местными партийными, советскими, профессиональными организациями, бессмысленные объявления и пр. и пр.), не было достигнуто необходимых успехов. Совершенно очевидно, что успехи невозможны без активного участия и контроля общественного мнения страны, прежде всего, партии. В этом ключ всего вопроса.

Отбор работников-хозяйственников должен диктоваться деловыми соображениями. Хозяйственник должен чувствовать над собой общественное мнение рабочих, партии и пр.

Бюрократический режим характеризуется тем, что хозяйственники чувствуют себя ответственными только перед аппаратом, прежде всего перед секретарями. Такое положение одинаково вредно и с точки зрения правильного подбора хозяйственников, и с точки зрения установления правильного хозяйственного режима, прежде всего – строжайшей экономии.

Л. Троцкий

2 мая 1926 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЛЕНУМА ИККИ

О СОГЛАШЕНИИ ГМД, О ПОРЯДКЕ ВХОЖДЕНИЯ И РАБОТЕ КИТАЙСКОЙ КОМПАРТИИ В ГМД*

1. Другие политические партии (компартия) должны приказать своим членам, входящим в ГМД, чтобы они поняли, что основой ГМД являются три принципа, поэтому не допускать критиковать его и Сунь Ятсена как основателя трех принципов.

2. Другие партии должны передавать список своих членов, входящих в ГМД, председателю ЦК ГМД.

3. Членами исполкома и других высших организаций ГМД могут быть члены других партий, входящих в ГМД, но количество таких членов не должно быть больше 1/3 всего состава исполкома.

4. Члены, исходящие из других партий, не могут быть председателями при ЦК ГМД.

5. Все принадлежащие к ГМД не имеют права собирать партийные собрания без разрешения парторганов ГМД.

6. Всем гоминдановцам без разрешения высшего не разрешается организовывать какие-либо организации и развивать их деятельность.

7. Все циркулярные распоряжения других партий своим членам, входящим в ГМД, должны быть переданы на согласование объединенного комитета, в случае несогласования циркуляр должен передаваться на утверждение ЦК ГМД (дословно – "на признание").

15 мая 1926 г.

ВОПРОСЫ БРИТАНСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

1. Отказ Генерального совета британских тред-юнионов принять помощь советских профсоюзов не мог не поразить рабочие массы Союза. В течение последнего довольно длительного периода Генеральный совет изображался нашей печатью и нашими ораторами не иначе, как тесным союзником ВЦСПС. Существование Англо-советского комитета являлось наглядным выражением этого союза. В нашей печати не было и намека на критику Генерального совета и его вождей.

Что создание Англо-советского комитета как элемента в политике единого фронта было правильно, об этом спора не было и нет. Но неправильно было наше политическое отношение к этому организационному мероприятию. Политика единого фронта во всех его видах и формах для нас приемлема лишь при том условии, если она не лишает нас права совершенно свободной и революционной критики наших союзников, полу-

* ГМД – Гоминдан. Документ является, видимо, переводом резолюции с иностранного языка на русский. – *Прим. сост.*

союзников, попутчиков и пр. Между тем в отношении британского Генерального совета мы от этого правила добровольно отступили, сведя в данном случае политику единого фронта к полудипломатическим переговорам, соглашениям, осторожным и всегда уклончивым заявлениям и пр. Эти шаги никогда не сопровождались в нашей печати твердой, ясной и отчетливой критической оценкой. Отсюда неизбежное сеяние иллюзий среди рабочих масс СССР и в том числе внутри нашей собственной партии.

Соглашение, основанное в значительной мере на организационно-дипломатических началах, не выдержало испытания борьбы, что обрушилось на неподготовленные рабочие массы в виде совершенно неожиданного отказа Генерального совета от принятия нашей помощи, а затем и прямого предательства стачки. Неправильность чисто организационного, аппаратного и дипломатического подхода к исключительно важным вопросам международного рабочего движения обнаружилась здесь полностью и целиком.

2. Можно не сомневаться, даже и не имея еще необходимых фактических данных, что эта неправильность должна была в еще более глубокой степени обнаружиться в Англии. Следуя нашему примеру, а отчасти и по прямому внушению с нашей стороны, британская компартия, по существу дела, воздерживалась от критики политики Генерального совета и тех его вождей, которые были сторонниками Англо-советского комитета. Нашим подходом к делу мы как бы освобождали британскую коммунистическую партию от обязательства занимать вполне определенную позицию по отношению к руководителям тред-юнионов. Мы как бы создавали у британской компартии такое представление, что ВКП через посредство Англо-советского комитета и другими путями сделает в этой области все необходимое.

Нужно принять во внимание, что британская партия политически еще очень молода и едва выходит из положения пропагандистской группы крайне левого крыла. В этих условиях британской компартии еще только необходимо развить в себе элементарные революционные навыки и приемы, впитать в плоть и в кровь непримиримость по отношению к оппортунистическим вождям всех оттенков и разновидностей. Такое воспитание и самовоспитание немыслимо без активной непрерывной и отчетливой реакции партии на все, что происходит в стране и, прежде всего, в рабочем классе. Разумеется, такая работа критики должна иметь не замкнутый сектантский характер. Наоборот, она должна сочетаться со всей той активностью, какая только может быть доступна нынешней британской партии в обстановке массового движения. Сейчас у нас нет еще никаких почти данных о поведении британской компартии во время всеобщей стачки. Но можно с уверенностью высказать то предположение, что британские коммунисты всем предшествующим своим (и нашим) поведением по отношению к Генеральному совету не были подготовлены к тому, чтобы занять в развивающихся событиях действительно революционную, активную позицию, неотделимую от разоблачения всех видов тред-юнионистской половинчатости.

Нашим административно-дипломатическим, уклончивым отношением

к Генеральному совету мы не только создавали иллюзии у наших рабочих, но и повышали авторитет Генерального совета, такого, как он есть, в глазах английских рабочих, в том числе их левого крыла. Все это несомненно, с одной стороны, развязывало руки Генеральному совету, а, с другой стороны, затрудняло правильную ориентировку рабочих масс как в самой Англии, так и за ее пределами. В результате, британская коммунистическая партия и весь Интернационал смогут извлечь из всеобщей стачки несравненно меньше, чем могли бы извлечь из нее для дела революции при более правильной, т. е. принципиальной, открытой политике, которая диктовалась всеми традициями нашей партии в этой области.

Л. Троцкий

18 мая 1926 г.

В ПОЛИТБЮРО

Обращаю ваше внимание на следующее обстоятельство.

2 июня тов. Угланов сделал доклад на расширенном пленуме Замоскворецкого райкома. Не касаясь других сторон этого доклада, о котором сужу по отчету "Правды", необходимо остановиться здесь на том, как тов. Угланов, руководитель московской организации, понимает и определяет *внутрипартийную демократию.*

Что такое "демократия"?

Приведу дословно относящееся сюда место ("Правда", № 127 от 4 июня 1926 г.): "В чем сущность внутрипартийной демократии? Тов. Угланов дает четкий ответ: в том, чтобы своевременно и правильно ставить на разрешение партийной организации основные задачи, стоящие перед партией и страной, в том, чтобы втягивать в обсуждение и разрешение этих вопросов широкие массы партийцев, в том, чтобы своевременно и правильно разъяснять пролетариату основные вопросы социалистического строительства; проверять на настроениях рабочего класса, его отдельных отрядах правильность нашей политики и на основе такой проверки выправлять линию".

Совершенно очевидно, что это определение, которое отчет вполне справедливо называет "четким", имеет законченный программный характер. По существу дела мы имеем здесь теоретическую формулировку *партийного бюрократизма как системы,* где партия, как таковая, выступает лишь в качестве материала в руках аппарата. Не трудно, в самом деле, убедиться, что во всех тех действиях и отношениях, совокупность которых тов. Угланов называет внутрипартийной демократией, роль активного начала остается исключительно за партийным аппаратом, который в каждый данный момент решает, в каких формах и пределах надлежит ему "воздействовать" на партийную массу в целом.

Разберем по пунктам.

а) Демократия состоит в том, "чтобы своевременно и правильно ставить перед партией задачи". Для докладчика совершенно ясно и предрешено, что задачи перед партией ставит аппарат и только аппарат, и если он их ставит "своевременно и правильно", причем о своевременности и правильности судит он сам, – то это и есть "внутрипартийная демократия".

б) Демократия состоит, далее, в том, " чтобы втягивать в обсуждение и разрешение этих вопросов широкие массы партийцев". Само слово "втягивать" характеризует здесь направление мысли целиком. Партия изображается в виде инертной массы, которая упирается и которую приходится *"втягивать"* в обсуждение тех задач, которые *ставит* перед нею тот же партийный аппарат. Причем, если он правильно и своевременно *ставит*, а затем правильно и своевременно *втягивает*, то это и есть "внутрипартийная демократия".

в) Далее мы узнаем, что демократия состоит в том, "чтобы своевременно и правильно разъяснять пролетариату основные вопросы социалистического строительства", т. е. те самые вопросы, которые аппарат ставит перед партией и в обсуждение которых он ее втягивает. Здесь односторонне бюрократическое отношение между аппаратом и партией распространяется на класс.

г) Демократия состоит в том, чтобы "проверять на настроениях рабочего класса, его отдельных отрядах, правильность нашей политики". Тот самый аппарат, который ставит задачи, который втягивает в их обсуждение партию, который разъясняет эти задачи пролетариату, – этот самый аппарат проверяет свою политику на "настроениях" рабочего класса, чтобы "на основе такой проверки выправлять линию". Таким образом, линию выправляет тот же, кто ее создает: аппарат. Он ставит задачи "правильно и своевременно", т. е. те задачи и тогда, какие и когда найдет нужным. Он втягивает в их обсуждение партийную массу в тех рамках и пределах, какие найдет правильными и своевременными. Он разъясняет, что найдет нужным, через партию рабочему классу. Он, аппарат, проверяет результаты этой работы "на настроениях" рабочего класса. И он, аппарат, на основе такой проверки, такого учета настроений, выправляет "своевременно" свою линию.

Никаких других черт внутрипартийной демократии тов. Угланов не указал. Отчет, как мы уже знаем, называет его определение демократии "четким". Определение это имеет, повторяю, законченный программный характер. Оно представляет собою *новое слово* в развитии партийного режима и партийной идеологии. До 2 июня 1926 года партия давала не раз определение того режима, который она понимает под именем внутрипартийной демократии. Наиболее яркими моментами развития партийной мысли в этом вопросе явились: резолюция X съезда (1921 г.) и единогласно принятая резолюция ЦК 5 декабря 1923 года, подтвержденная затем XIII съездом партии. Резолюция последнего, XIV съезда партии говорит только о необходимости стать "на путь последовательной внутрипартийной демократии". Понятие внутрипартийной демократии в резолюции XIV съезда не поясняется именно потому, что это уже было сделано с необходимой полнотой предшествующими съездами партии. XIV съезд

исходил из того, что дело идет не о новом программном определении внутрипартийной демократии, а об ее фактическом осуществлении. Иначе подходит к вопросу руководитель московской организации тов. Угланов. Он ставит вопрос: "В чем *сущность* внутрипартийной демократии?" Поставив перед собою этот программный вопрос, тов. Угланов не обращается к дававшимся партией ранее определениям демократии. Он дает свое новое определение, нами только что рассмотренное.

Определяя "сущность" демократии, тов. Угланов фактически противопоставляет свое программное определение тому, какое давалось до сих пор партией и считалось бесспорным. Так, резолюция X съезда одной из основных черт демократии объявляла "постоянный контроль со стороны общественного мнения партии над работой руководящих органов". Единогласно принятая резолюция 5 декабря 1923 года гласит: "Рабочая демократия означает свободу открытого обсуждения всеми членами партии важнейших вопросов партийной жизни, свободу дискуссии по ним, а также выборность руководящих должностных лиц и коллегий снизу доверху". Вот эти три черты: а) *свободное обсуждение* всеми членами партии всех важнейших вопросов, б) постоянный *контроль партии* над ее руководящими органами и в) *выборность* должностных лиц и коллегий снизу доверху — вот эти три черты совершенно выпадают из углановского определения "сущности" внутрипартийной демократии. У него аппарат проверяет партию, но о контроле партии над аппаратом не сказано ни слова. У него аппарат своевременно ставит вопросы и "втягивает" партию в обсуждение тех вопросов, которые считает своевременными. О свободном обсуждении партией *всех* вопросов у него нет и помину. И наконец, из сущности внутрипартийной демократии у него совершено исключен вопрос о выборности руководящих должностных лиц.

Резолюция 5 декабря 1923 года гласит: "Интересы партии как в смысле успешной борьбы ее с нэповскими влияниями, так и в смысле повышения ее боеспособности во всех областях работы требуют *серьезного изменения партийного курса* в смысле действительного и систематического проведения принципов рабочей демократии". XIII съезд одобрил эту постановку вопроса. XIV съезд еще раз напомнил о необходимости провести то изменение партийного курса, которое было единогласно провозглашено ЦК в декабре 1923 года. Разными руководящими товарищами неоднократно признавалось, что между резолюциями о партийной демократии и фактической практикой существует различие, которое одним казалось вопиющим противоречием, а другим — временным несоответствием. Все, однако, исходили, по крайней мере программно, по крайней мере на словах, по крайней мере формально, из того, что практика должна постепенно приближаться к принципиальному определению демократии как такого партийного режима, сущность которого определяется, прежде всего, свободой обсуждения всех вопросов, постоянным контролем партийного общественного мнения над учреждениями и выборностью всех должностных лиц и коллегий.

Тов. Угланов впервые делает открытую попытку преодолеть противоречие между программным определением демократии и фактическим ре-

жимом путем решительного снижения программы к уровню практики. Сущностью демократии он объявляет неограниченное господство партийного аппарата, который ставит, втягивает, проверяет и исправляет. 2 июня 1926 года партия получила наиболее законченное определение режима, основанного на полновластии аппарата. Пытаясь определить сущность демократии, тов. Угланов определил сущность бюрократии. Правда, в определении тов. Угланова эта бюрократия не просто командует, а ставит вопросы перед массами, втягивает их и исправляет линию. Но это значит лишь, что тов. Угланов дает определение "просвещенной" бюрократии. На демократию здесь нет и намека. Само собою разумеется, что партия есть, прежде всего, организация действия. Весь режим должен обеспечивать возможность своевременного и единодушного действия партии как целого. Отсюда вытекают: как необходимость действительной партийной демократии, так и ее реальные ограничения в конкретных условиях исторической обстановки каждого данного периода. Все это мы знаем. Партия не может быть превращена в дискуссионный клуб. Этого партия не забывала ни на X съезде, ни после него. Но именно для того, чтобы обеспечить в новых, более сложных условиях *способность* партии к проведению пролетарской диктатуры, партия не уставала с 1921 года выдвигать и повторять ту мысль, что по мере усиления пролетарских элементов в партии, по мере повышения культурно-политического уровня партии в целом, партийный режим должен непрерывно изменяться в сторону преодоления бюрократизма и аппаратности методами свободного обсуждения, коллективного решения, контроля над аппаратом и его выборности снизу доверху. Со времени перехода от военного коммунизма к нэпу, от гражданской войны к хозяйственному и культурному строительству прошло более пяти лет. Провозглашение курса на внутрипартийную демократию естественно вытекало из условий перехода от гражданской войны к развернутому социалистическому строительству. С конца 1923 года, когда необходимость "серьезного изменения партийного курса" была провозглашена самим ЦК, прошло два с половиной года. В течение этого пятилетнего срока, особенно второй его половины, нам не приходилось вести войны. Хозяйство наше росло. Пролетариат восстанавливался. Партия в основном своем составе стала пролетарской. Уровень партии, опыт ее поднялись. Казалось бы, все эти условия десятикратно усиливают необходимость "серьезного изменения партийного курса" в сторону демократии. Такого изменения, однако, не произошло. Наоборот, никогда еще режим партии не был пропитан в такой степени назначенством, командованием, подозрительностью, зажимом, т. е. всеохватывающим аппаратным началом, так теперь. Противоречие, и притом вопиющее, между программным определением партийной демократии, между провозглашенной и подтвержденной необходимостью курса на партийную демократию, с одной стороны, и между фактическим партийным режимом, с другой, налицо. Это противоречие становится для партийного сознания все более острым, мучительным и прямо-таки нестерпимым. Ничего так не тяжко для революционной партии, как двойственность, как несоответствие между словом и делом. За извест-

ными пределами эта двойственность переходит в явную фальшь. И вот тов. Угланов берет на себя инициативу *пересмотра принципиальной установки партии* в вопросе внутрипартийного режима и рабочей демократии вообще. Тов. Угланов смело ставит вопрос о "сущности" демократии и открывает эту сущность в своевременно и правильно работающей просвещенной бюрократии. Если бы не было никаких других явлений, то по этому одному признаку можно было бы сказать: в нашем партийном развитии мы стоим на повороте. Нынешняя двойственность держаться не может. Либо в полном соответствии с решениями съездов должно начаться серьезное изменение партийного режима, либо партия должна изменить свою ориентировку, т. е. перейти с ленинской позиции на углановскую.

Причина бюрократизма в отношениях между классами

Партийный режим не имеет самодовлеющего характера. С одной стороны, он зависит от всей обстановки, а с другой – через него выражается общее направление политики. Каким же образом могло случиться, что несмотря на благоприятное изменение хозяйственной обстановки и культурный рост пролетариата, партийный режим непрерывно менялся за последний период в сторону бюрократизации?

Объяснять дело только некультурностью страны и тем обстоятельством, что партия наша является правящей, никуда не годится, во-первых, потому, что некультурность страны убывает, а партийный бюрократизм прибывает, и во-вторых, если бы правящая роль партии неизбежно вела с собой возрастающую бюрократизацию ее, то это грозило бы гибелью партии. Но о такой перспективе не может быть и речи. Некультурность сама по себе, в виде неграмотности и отсутствия необходимых простейших навыков, ведет больше всего к бюрократизму в *государственном* аппарате. Но ведь партия включает в свой состав наиболее культурный и инициативный авангард трудящихся, главным образом, пролетариата. Авангард этот растет количественно и качественно. Следовательно, поскольку дело идет о *внутрипартийном* режиме, этот последний должен бы неизменно демократизоваться. На деле же он бюрократизовался. Ясно, что голая ссылка на некультурность ничего не объясняет и, прежде всего, не объясняет тенденцию развития, его динамику. Между тем бюрократизация, дойдя до крайних своих пределов, ищет для себя теоретического увенчания. В этом и состоит принципиальное значение попытки тов. Угланова.

Основную причину бюрократизации нужно искать во взаимоотношениях между классами. Нельзя закрывать глаз на то, что параллельно с известным развитием советской демократии в деревне мы имели чрезвычайный зажим в Москве и Ленинграде. Демократия не самодовлеющий фактор. Дело идет о такой политике пролетарской диктатуры в области хозяйства, культуры и пр., чтобы носитель этой политики, пролетарский авангард, мог во все возрастающей степени осуществлять ее путем свободного обсуждения, контроля над аппаратом и выборности его. Совершенно очевидно, что если промышленность, т. е. база социалисти-

ческой диктатуры, отстает от народнохозяйственного развития в целом; если распределение народнохозяйственных накоплений не совершается на началах, обеспечивающих дальнейшее возрастание социалистических тенденций над капиталистическими; если вытекающие отсюда трудности ложатся, прежде всего, на рабочий класс; если рост его заработной платы задерживается при общем народнохозяйственном росте страны; если такие исключительные фискальные средства, как водка, ложатся своею тяжестью в возрастающей степени на рабочих, – то партийный аппарат все в меньшей степени может проводить эту политику мерами внутрипартийной демократии. Бюрократизация партии является в этом случае выражением нарушенного и нарушаемого в ущерб пролетариату социального равновесия. Это нарушение равновесия проходит через партию и давит на ее пролетарский авангард. Отсюда возрастающий зажим в самых могущественных центрах пролетариата, в главных базах партии. Отбросив свободное обсуждение, коллективную выработку задач, контроль над аппаратом и выборность его, тов. Угланов сводит задачу к тому, чтобы на "настроениях " пролетариата проверять партийную политику, т. е. эмпирическим аппаратным путем прощупывать, в каких пределах рабочий класс и его авангард готовы и способны выдерживать нажим, вытекающий из всей хозяйственной и социальной ориентировки партийного руководства. Отсюда-то и вытекает замена методов демократии методами просвещенной бюрократии.

Ослабление идейного центра как дополнительная причина партийного зажима

Всякий режим развивает свою внутреннюю логику, а бюрократический режим развивает ее быстрее всякого другого. Совершенно естественно, если источником отпора неправильностям как хозяйственной политики, так и дополняющего ее партийного режима являются крупнейшие промышленные и культурные центры страны. Естественно, если этот отпор находит свое выражение также и внутри руководящей верхушки партии. И опять-таки вполне закономерно в условиях господства аппаратного режима, что всякие разногласия обнаруживают тенденцию превращаться в борьбу замкнутых фракционных группировок. Что правящая партия в условиях революционной диктатуры не может мириться с режимом борющихся фракций, это совершенно бесспорно. Нужно только добавить, что аппаратный режим с абсолютной необходимостью порождает из себя фракции. Более того, при замкнутом аппаратном режиме, который только командует, но не допускает над собою контроля, возникновение группировок есть единственная вообще возможность внесения поправок в аппаратную политику. Об этом также с полной отчетливостью говорила резолюция 5 декабря 1923 года, осуждавшая бюрократический режим именно за то, что он "считает всякую критику проявлением фракционности" и этим толкает "добросовестных и дисциплинированных партийцев на путь замкнутости и фракционности". С того времени, как эта резолюция была единогласно принята, прошло два с половиной года,

в течение которых аппаратный режим углублялся и обострялся, а следовательно, усугублялась и порождаемая аппаратным режимом тенденция к фракционным группировкам. Результатом этого является дробление партийных кадров, систематическое отметание от руководства партией ценных ее элементов, представляющих значительную долю накопленного ею опыта, и систематическое сужение и идейное обеднение руководящего ядра. Что этот именно процесс происходит на наших глазах, притом с возрастающей скоростью, и что он далеко еще не завершил своей разрушительной работы, в этом не может быть сомнений ни для одного серьезного коммуниста. Сосредоточение полновластного партийного аппарата в руках все более суженного руководящего ядра порождает новое и чрезвычайно острое противоречие: между ростом аппаратного могущества и ослаблением идейной силы руководящего центра. При этих условиях страх перед уклонами должен прогрессивно возрастать, с вытекающими отсюда последствиями, в виде так называемых организационных выводов, которые еще более сужают круг призванных к руководству и еще более толкают их на путь бюрократизации партийного режима.

На каждом этапе этого дробления руководящих кадров аппаратное руководство охватывается иллюзиями: только бы справиться с новой помехой, а дальше можно будет уже беспрепятственно "ставить вопросы", "втягивать массы", "проверять" и "направлять". Но на самом деле, в обстановке бюрократического сдвига партийного руководства, каждый новый аппаратный разгром оппозиции автоматически вызывает новые трещины и новые опасности. Что на ленинградской группе процесс не закончился, это совершенно и полностью очевидно. Трещины, которые имеются в руководящем ядре, не развертываются открыто, поскольку аппарат продолжает борьбу против старой (1923) и новой (1925) оппозиций. На известном и не столь отдаленном этапе новая часть аппарата неизбежно будет ходом вещей отброшена в оппозицию – со всеми вытекающими из этого последствиями. Не видеть этого могут только слепцы.

Диктатура партии или диктатура класса?

На последнем пленуме снова поднят был – правда, лишь вскользь – спор о диктатуре пролетариата или диктатуре партии. В абстрактной постановке спор этот легко может сбиться на схоластику. Разумеется, основой нашего режима является диктатура класса. Но этим самым предполагается, что этот класс не только " в себе", но и "для себя", т. е. что это класс, пришедший к самопознанию через свой авангард, т. е. через партию. Без этого не может быть диктатуры. Изображать дело так, что партия только учительница, а диктатуру проводит класс, значит подмалевывать то, что есть. Диктатура есть наиболее концентрированная функция класса, и поэтому основным орудием диктатуры является партия. В самом основном класс осуществляет диктатуру через партию. Вот почему Ленин говорил не только о диктатуре класса, но и о диктатуре партии, *в известном смысле* отождествляя их.

Правильно ли такое отождествление? Это зависит от реального разви-

тия самого процесса. Если развитие диктатуры допускает и вызывает развитие демократических методов в партии и в рабочих организациях вообще, с сохранением необходимой "пропорции" между рабочей демократией и крестьянской, тогда исторически и политически отождествление диктатуры класса и диктатуры партии оправдывается полностью и целиком. Если же между крестьянством, вообще частным хозяйством и промышленностью наблюдается диспропорция; если эта диспропорция возрастает; если она находит свое политическое выражение в том, что демократия в крестьянстве развивается до известной степени за счет рабочей демократии, – то диктатура получает неизбежно аппаратно-бюрократический уклон. В этих условиях аппарат командует над партией и через нее пытается командовать над классом. Приведенная выше формула тов. Угланова дает законченное выражение такого рода режиму. Кто говорит, что диктатура класса не есть диктатура партии, тот, казалось бы, должен, прежде всего, понять, что диктатура класса не есть диктатура партийного аппарата. Диктатура партии не только теоретически, но и практически не противоречит диктатуре класса, а является ее выражением, если режим рабочей демократии получает все большее и большее развитие. Наоборот, возрастающее аппаратное засилье, которое само по себе является результатом давления противодействующих классовых тенденций, ставит партию неизбежно перед возрастающей опасностью сдвигов с классовой линии. Вот эту опасность аппаратный режим маскирует, поскольку пытается отождествить себя с диктатурой класса. Партия служит аппарату только для прощупывания "настроений" рабочего класса, чтобы "на основе такой проверки" "выправлять линию". Между углановским определением сущности внутрипартийной демократии и между отрицанием диктатуры партии есть, таким образом, глубокая внутренняя связь. Бюрократический режим стремится к теоретическому оформлению. Теория бюрократизма всегда отличалась скудостью. Бюрократизм всегда тяготел к формуле: "государство – это я", партия – это я. Углановская постановка вопроса, в сущности, ликвидирует партию, растворяя ее в "настроениях" рабочего класса и заменяя ее централизованным самодовлеющим партийным аппаратом. Сталинская постановка вопроса о диктатуре класса, противопоставляемой диктатуре партии, ведет неизбежно к диктатуре аппарата, ибо класс с дезорганизованным авангардом (отсутствие свободного обсуждения, контроля над аппаратом, выборности – и есть дезорганизация авангарда) только и может, что стать объектом руководства централизованного аппарата, который, в свою очередь, отдаляясь от партии, все больше и больше должен подпадать под давление враждебных классовых сил.

Выводы

Рисуя эту тенденцию, мы, разумеется, ни на минуту не думаем, что она станет реальностью. И в рабочем классе, и в партии, и в самом партийном аппарате есть могущественные силы противодействия этой исторической тенденции, которая неизбежно вытекает из бюрократизма. Чем раньше и

полнее партия осознает угрожающую тенденцию; чем смелее и открытее лучшие элементы партийного аппарата помогут партии осознать опасность и повернуть руль, – тем меньше будет потрясений, тем ровнее и безболезненнее пройдет изменение партийного режима. Из всего сказанного выше совершенно ясно, что изменение режима в сторону рабочей демократии неотделимо от изменения хозяйственного курса в сторону действительной индустриализации и выправления линии партийного руководства в сторону его действительной интернационализации.

Дальнейшее развитие бюрократического режима ведет фатально к единовластию со столь же фатальным снижением идейного руководства. Демократизация партийного режима не только допускает, но и требует восстановления коллективного руководства на более высоком культурно-политическом уровне. Курс на индустриализацию, курс на обеспечение за пролетариатом надлежащего места в хозяйстве и культурной жизни страны, курс на рабочую демократию и, прежде всего, внутрипартийную, и, наконец, курс на коллективное руководство партией сливаются, таким образом, в единую задачу.

Л. Троцкий

6 июня 1926 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ К СТЕНОГРАММЕ

В нашей партийной жизни аппаратные легенды получают все бóльшую роль. Одной из таких легенд является систематически распространяемый бессмысленный слух о моей "боязни" урожая. На том же идейно-политическом уровне стоит новая аппаратная легенда о том, что я считаю британскую компартию чем-то вроде реакционной организации, тормоза на пути рабочего класса и пр. Кто хоть раз заглянул в мою книжку "Куда идет Англия?", тот поймет без труда, как вздорны, как бессмысленны эти утверждения, цель которых – не выяснить существо вопроса, а *противопоставить меня британской компартии во что бы то ни стало.* Накануне величайших событий в Англии в письме в Политбюро я выражал *опасение,* что британская компартия, подобно болгарской, в критический момент массовых действий может занять слишком пассивную или выжидательную позицию – тем более, что против нее будет гигантский напор буржуазного государства, буржуазного общественного мнения и всех *старых* аппаратов рабочего класса. Какой я делал отсюда вывод? А вот какой: *"одной из важнейших задач является – помочь британской компартии понять и продумать насквозь эту перспективу".* Нужно – писал я – помочь ей отбирать и группировать вокруг себя те элементы, *"которые способны понять неизбежность больших классовых боев, не бояться их, идти им навстречу".* Вот вывод, который я делал из своих опасений и предостережений. Неужели же он направлен против британской компартии? С какого это времени предостерегать перед большими

боями против опасностей пассивности, рекомендовать отбор более активных элементов — значит выступать против компартии? Не чудовищна ли такая постановка вопроса? И это в партии Ленина?!

На расширенном пленуме Исполкома некоторые британские товарищи предостерегали против переоценки кризисного характера британского капитализма. Они обнаруживали этим, что *недооценивают глубины кризиса* и близости социальных потрясений. Несравненно более мелкий факт, именно, издание моей книжки с предисловием Брэльсфорда, был для меня также симптомом *недостаточной идейной непримиримости* известной части британских коммунистов. Опыта руководства массовыми действиями у них еще не было. Все это вместе внушало совершенно законные опасения насчет чрезмерной осторожности, недостаточной решительности и даже пассивности при могущественном аппаратном торможении всех *старых* руководящих организаций рабочего класса. А между тем именно молодой британской компартии, ввиду чудовищного консерватизма британской общественной жизни, нужна удесятеренная непримиримость, удесятеренная критика, удесятеренная сила противодействия давлению буржуазного общественного мнения и его "рабочих" органов. Неужели же элементарный революционный смысл не подсказывает, что в этих условиях надо было именно подчеркивать, повторять, преувеличивать опасность того, что надвигающаяся стачка встретит во всей старой организационной надстройке противодействие, торможение, саботаж, а со стороны коммунистической партии — недостаточную решительность? Я считаю, что главная задача нашей партии в Интернационале состоит в том, чтобы предупреждать до действия, а не резонерствовать задним числом и не карать бюрократическим путем после действия.

В отчетном письме британской партии мы читаем:

"К сожалению, в некоторых наших районных организациях можно было отметить, что в партии еще сохранились сектантские пережитки, организации эти еще не пустили достаточно глубоких корней в профсоюзы, чем в известной степени и объясняется тот факт, что во время стачки они плелись в хвосте масс". (Письмо тов. Стюарта в Секретариат Коминтерна от 21 мая 1926 года.)

Таким образом, из слов самих же британских коммунистов вытекает, что недочеты обнаружились именно по той линии, по которой можно и должно было опасаться. Говорить в связи с этим, что для меня британская компартия — тормоз движения — нелепо, безграмотно, неумно, если это не делается просто для отравления партийной атмосферы. К счастью, революционная активность партии в целом была достаточно высока. Это есть наше общее завоевание, которое, однако, нисколько не говорит против необходимости предостережения. Без отпора некоторым британским товарищам на Исполкоме Коминтерна, без дружеских, но настойчивых и твердых предупреждений и предостережений элементы пассивности и нерешительности могли бы оказаться более значительными, чем они, к счастью, оказались на деле. Но и сейчас преступно изображать дело так, будто британская коммунистическая партия справилась со всеми задачами. Несоответствие ее сил, средств и приемов с теми

объективными задачами, которые все ближе и ближе надвигаются, имеет гигантский характер, и об этом нужно открыто говорить, не заменяя революционного воспитания аппаратными легендами и комбинациями.

Л. Троцкий

9 июня 1926 г.

Совершенно секретно

ВОПРОСЫ КОМИНТЕРНА
В ДЕЛЕГАЦИЮ ВКП (б)

Бюрократизм как источник оппортунизма

1. Одна из основных черт оппортунизма, особенно его центристско-дипломатической разновидности, состоит в его готовности принимать радикальные резолюции, относящиеся к другим странам. Этим оппортунизм дает известное удовлетворение революционным настроениям рабочих масс, не налагая на себя никакого обязательства. Проявлениями такого рода двойственности полна вся история рабочего движения, в особенности великобританского. В эпоху Маркса тред-юнионисты ставили вопрос об Ирландии и Индии. В наши дни независимая рабочая партия поднимает вопрос о слиянии II и III Интернационалов, отказываясь от совместных шагов с британской коммунистической партией. Генеральный совет британских тред-юнионов заключает блок с ВЦСПС с целью объединения мирового профессионального движения, а в момент стачки в Великобритании отказывается принять от того же ВЦСПС денежную помощь. Такого рода примеры, крупные и мелкие, можно умножать без конца.

2. Поскольку оппортунистические тенденции проявляются в Коминтерне, они обнаруживают ту же черту, т. е. готовность принимать радикальные решения за чужой счет, беспощадно осуждать "правые уклоны" во всех странах при готовности все время пасовать — особенно в критическую минуту — перед буржуазным общественным мнением собственной страны. Незачем говорить, что такого рода "радикализм" смертельно враждебен большевизму. Задачей Коминтерна является воспитание подлинно революционных партий путем, в частности, непримиримой борьбы со всякими проявлениями показного радикализма, политической двойственности и пр. Весь вопрос в том, в какой мере режим Коминтерна содействует этой борьбе.

3. Надо отдать себе совершенно ясный отчет в том, что одним из важнейших источников скрытого, замаскированного, но тем более действительного оппортунизма в Коминтерне является ныне аппаратно-бюрократический режим в самом Коминтерне и в его руководящей партии. Что в Советском Союзе бюрократизм является и выражением и оруди-

ем давления непролетарских классов на пролетариат, в этом не может быть никакого сомнения после опыта 1923–26 гг. Поскольку европейские коммунистические партии, т. е. главным образом их руководящие органы, организационно равнялись по аппаратным сдвигам и перегруппировкам в ВКП, постольку бюрократизм внутри иностранных коммунистических партий являлся, прежде всего, отражением и дополнением бюрократизма внутри ВКП. Именно здесь лежит корень указанной выше злокачественной двойственности. Подбор руководящих элементов в коммунистических партиях происходил и происходит, главным образом, под углом зрения их готовности принять и одобрить последнюю аппаратную группировку в ВКП. Более самостоятельные и ответственные из руководящих элементов иностранных партий, не согласные подвергаться перетасовкам в чисто административном порядке, либо выбрасывались из партии вообще, либо загонялись в правое (нередко *мнимоправое)* крыло, либо, наконец, попадали в оппозицию слева. Таким образом, органический процесс подбора и сплочения кадровых революционных элементов на основе пролетарской борьбы под руководством Коминтерна пресекался, изменялся, искажался, отчасти прямо подменялся административно-бюрократическим нажимом сверху, из Москвы. Естественно, если те из руководящих коммунистов, которые с большей готовностью принимали готовые решения и подписывали любые резолюции, получали нередко преимущества над более революционными элементами, проникнутыми чувством революционной ответственности. Вместо отбора выдержанных и стойких революционеров получается нередко отбор бюрократически приспособленных.

4. Мы видим, как бюрократизующиеся элементы коммунизма (в Германии, во Франции, в Англии, в Америке, в Польше и пр.) совершают вполне безнаказанно чудовищно оппортунистические шаги, прикрываясь покровительственной окраской в общих вопросах Коминтерна, и прежде всего, во внутренних вопросах ВКП. С другой стороны, мы наблюдаем, притом в возрастающем размере, такое явление, когда политические деятели Коминтерна гласно и официально занимают одну позицию, а тайно и секретно, за кулисами, но тем более действительно, другую, прямо противоположную. Так называемая "двойная бухгалтерия" группы Маслов-Рут-Фишер подвергалась решительному осуждению на последнем расширенном пленуме Исполкома Коминтерна. Но совершенно очевидно, что формальное осуждение, как бы справедливо оно ни было, не только не решает, но даже не ставит коренного вопроса: почему ответственнейшие коммунисты, руководители крупнейших партий, прибегают к такого рода двойной бухгалтерии? Ответ должен был бы гласить так: режим аппаратного всевластия ставит любого иностранного руководителя в случае расхождения, хотя бы временного, с ЦК ВКП перед тремя возможностями: быть немедленно же отброшенным вправо или даже исключенным из партии; переброситься в левую оппозицию или же вести до поры до времени двойную бухгалтерию, сохраняя свое положение в партии.

5. Из сказанного ни в каком случае не вытекает, разумеется, что правые или левые группировки в Коминтерне выражают правильную ли-

нию – в противовес официальному центру. Несомненно, что в правых группировках сильны социал-демократические тенденции, тогда как в левых немало "детских болезней". Было бы неправильно также считать, что официально руководящие кадры состоят из безыдейных бюрократов. На самом деле, чувство ответственности за судьбы Советского Союза удерживает многих подлинных революционеров в рамках господствующего режима, несмотря на возрастающее возмущение им. Из сказанного вытекает, однако, что внутри Коминтерна необходимы радикальные перегруппировки с целью раскрепощения Коминтерна от безыдейного, механического аппаратного засилья, что, в свою очередь, теснейшим образом связано с изменением режима в ВКП.

Чем скорее, шире, решительнее будет поставлена эта задача всеми жизнеспособными элементами Коминтерна, независимо от нынешних, в огромной степени искусственных группировок, тем с меньшими потрясениями она будет разрешена.

СССР и Коминтерн

1. Теоретическая несостоятельность и практическая опасность теории социализма в одной стране совершенно очевидны или, по крайней мере, становятся все более очевидными для всякого революционера, сколько-нибудь освоившегося с марксистской постановкой основных вопросов исторического развития. Политически говоря, теория эта является совершенно некритическим прикрытием того, что есть в СССР, и всего того, что становится во всех его противоречиях и во всей его стихийности. В этом смысле теория социализма в одной стране ослабляет и притупляет бдительность и настороженность партии по отношению к капиталистическим тенденциям и силам развития, внутренним и мировым. Она питает пассивный фаталистический оптимизм, под которым как нельзя лучше укрывается бюрократическое безразличие к судьбам социализма и международной революции.

2. Не менее фатальную роль должна была бы сыграть эта теория, если бы она была узаконена, в отношении Коминтерна. Если рассматривать советское социалистическое строительство как неотъемлемую составную часть мировой революции, как процесс, немыслимый вне этой последней, то удельный вес коммунистических партий, их роль, их самостоятельная ответственность возрастают и выдвигаются на передний план. Наоборот, если стать на ту точку зрения, что советская власть, опираясь на союз рабочих и крестьян, построит социализм совершенно независимо от того, что будет происходить во всем остальном мире, – при условии только, если советская республика будет ограждена от военных интервенций, – то роль и значение коммунистических партий сразу отодвигаются на второй план. Обеспеченность полной победы социализма в нашей стране, независимо от хода революции в других странах, означает, что главной задачей европейских коммунистических партий в ближайший исторический период, – такой задачей, которая достаточна для победы социализма, – является не завоевание власти, а противодействие интер-

венционистским покушениям империализма. Ибо совершенно очевидно, что достаточно было бы обеспечить победу социализма в нашей стране, чтобы тем самым обеспечить дальнейшее его распространение на весь мир. Вся перспектива таким образом передвигается. Вопрос об использовании до конца каждой действительно революционной ситуации отодвигается на задний план. Создается ложная и убаюкивающая теория о том, что время будто бы само по себе "работает на нас". Между тем нельзя забывать, что мы живем в условиях *передышки*, но никак не в условиях, будто бы автоматически обеспечивающих победу социализма "в одной стране". Передышку нужно всемерно использовать. Передышку нужно всемерно затянуть. Но забывать, что дело идет именно о передышке, т. е. о более или менее длительном периоде между революцией 1917 года и ближайшей революцией в одной из крупных капиталистических стран, значит попирать ногами мировые законы исторического развития, значит отрекаться от коммунизма.

3. Политику единого фронта ультралевые обвиняют в том, что она означает для иностранных партий отступление от самостоятельных революционных позиций на позиции *содействия* советскому государству путем создания в каждой стране внушительного "левого" крыла внутри рабочего класса. Теория социализма в одной стране целиком идет навстречу этой критике левых, питает и, в известных пределах, оправдывает ее. Левые уклоны, не переставая оставаться в своем выражении "детскими болезнями", получают новое питание, поскольку их вожди выступают в качестве защитников самостоятельной революционной роли коммунистических партий, с ответственностью последних не только за судьбу своей страны, но и за судьбу Советского Союза, против бюрократического оптимизма, согласно которому дело социализма в Советском Союзе обеспечено само по себе, если только ему не будут "мешать". В этой своей части, которая неизбежно будет занимать все больше места, борьба левых становится прогрессивным фактором и может соответственно перестроить лучшие элементы левых группировок.

О программе Коминтерна

Из сказанного вытекает новое и решающее подтверждение той мысли, что правильная ориентировка как для политики СССР, так и для политики каждой коммунистической партии в отдельности и Коминтерна в целом, мыслима только, исходя из мирового хозяйства, которое, несмотря на раздирающие его противоречия и барьеры, а, в значительной мере, благодаря им, является мировым целым.

Программа Коминтерна не может быть построена по типу старой социалистической программы, дающей типовой анализ экономического, социального и политического развития капиталистических стран. Необходим конкретный анализ мировых экономических связей и отношений как внутренне связанного процесса, со взаимно обусловленными перспективами для Европы, Америки, Азии и проч. Такая единственно марксистская постановка вопроса нанесет попутно смертельный удар антимарксистской теории социализма в одной стране.

Вопросы французского рабочего движения

1. Во Франции более, чем где-либо, группировки в партии создавались не столько на основе французского рабочего движения, сколько как отражение внутрипартийной борьбы в ВКП. Французские политические вопросы, вытекающие из борьбы за влияние на пролетариат во имя захвата власти, подгонялись под вопросы, вытекающие из трудностей социалистического строительства в советской республике.

2. В 1923 году, во время борьбы с так называемым троцкизмом, внутрипартийный вопрос РКП был открыто поставлен в центре группировок во Франции. Сейчас русский вопрос как бы изъят из обсуждения Интернационала. Тем не менее, группировки в иностранных партиях, особенно во французской, снова идут по линии внутрипартийной русской дискуссии, только на этот раз анонимно, глухо, без открытой идейной борьбы, обнаруживая этим до конца характер чисто аппаратной зависимости.

3. В качестве реакции все это должно неминуемо вызывать в иностраниых коммунистических партиях стремление к большей независимости от "Москвы". В этом стремлении найдут и уже находят свое выражение противоречивые тенденции: а) оппортунистический уклон, всегда ведущий к ослаблению международных связей, и б) революционно-пролетарское течение, уяснившее себе на опыте опасность бюрократического режима, при котором вожди национальных партий сменяются сверху, как чиновники. Незачем говорить, что борьба с бюрократическим централизмом не может и не должна делать никаких уступок оппортунистическому федерализму. Рост самостоятельности национальных партий Коминтерна на основе более глубокой их связи с рабочим классом собственной страны будет неизбежно означать распад старых, в значительной мере искусственных и бюрократических группировок, и перераспределение их элементов по новым, более органическим и жизненным линиям.

4. Объективная политическая обстановка во Франции (рост противоречий и перспектива больших потрясений) дает основной критерий для перегруппировки внутри партии – на основе задач, выдвигаемых развитием французской политики, разумеется, в теснейшей связи с задачами Коминтерна в целом. Каждая из старых группировок и каждый член каждой старой группировки, которые не отдадут себе теперь отчета в неизбежности и необходимости радикальной перегруппировки сил в партии, будут неизбежно отброшены дальнейшим развитием в сторону.

5. Элементарнейшим критерием прогрессивной группировки в партии должно быть стремление к добросовестному познанию того, что́ есть: реальной силы партии, действительной ее численности, действительной связи ее членов с массами, действительной жизненности фабрично-заводских ячеек как основных клеточек реорганизованной партии, действительной численности унитарных синдикатов, действительного участия их в стачках, действительного распространения коммунистической печати и пр. Борьба с бюрократизмом должна начаться с фактического уяснения того, что́ есть. Только путем беспощадного разоблачения всех фикций, всякого самообмана, можно воспитать в руководящих элементах фран-

цузской партии серьезное, т. е. большевистское отношение к вопросам организации и понимание ее значения как инструмента революции. Нужно составить партийно-политическую и синдикальную карту Франции, с нанесением на нее всех данных, характеризующих фактическое состояние всех рабочих организаций и всех ответвлений рабочего движения. На основании этой карты нужно дать себе ясный отчет в том, почему мы сильны в одних районах и слабы в других. Такой деловой и критический подход будет одним из важнейших способов проверки нашей тактики, ее революционной реальности, ее способности захватывать массы. Опираясь на такую карту, которая должна изменяться и пополняться на основании правильно собираемых свежих сведений, партия должна ставить себе конкретные задачи по завоеванию важнейших центров и районов пролетариата путем сосредоточения там лучших своих сил и конкретизации своих лозунгов и приемов борьбы.

6. Как ни важно для партии привлечение разоряемых буржуазией мелкобуржуазных элементов города и деревни, но совершенно очевидно, что если бы эта задача разрешалась партией в ущерб основной борьбе за завоевание пролетариата, — это грозило бы на известной стадии перерождением характера самой партии. Для нас важнее завоевать в северном департаменте сто рабочих, чем тысячу чиновников или мелких лавочников в Париже или в Марселе. Сказанное ни в каком случае не должно пониматься, как желание ослабить нашу энергию в борьбе за влияние на доведенные до отчаяния мелкобуржуазные массы. Необходимо только, чтобы эта борьба была сопутствующим процессом по отношению к основной работе по укреплению и сплочению пролетарского костяка партии. Не имея за собою пролетариата, способного овладеть властью и перестроить общество, мы все равно растеряем раньше или позже нетерпеливых мелкобуржуазных попутчиков, которые переметнутся на сторону фашизма.

7. Совершенно глобальный характер имеет консерватизм партии в области синдикального движения. Сближение синдикатов с партией, покупаемое ценой отрыва синдикатов от класса, не может иметь никакой цены. Тенденция, направленная на то, чтобы превратить синдикаты в слегка расширенное издание партии, должна быть решительно отброшена. Основным критерием в оценке синдикатов является их связь с движением масс, с фактически развивающимися стачками и пр. Только на этой основе важно и ценно укрепление партии внутри синдикатов.

8. В Германии и в Англии реформистские профсоюзы охватывают миллионы рабочих. Во Франции реформистские союзы так же слабы, как и наши. Серьезная борьба за единый фронт означает поэтому во Франции, в первую голову, расширение влияния синдикатов на неорганизованные массы: точный учет каждой стачки, практическое изучение условий ее возникновения и развития, завоевание связей с эпизодическими организациями, руководящими стачкой, и пр. и пр. Работа синдикатов должна опираться на тщательную регистрацию всех проявлений экономической борьбы рабочего класса, деловое изучение их и выработку методов руководства повседневной борьбой масс.

9. Внутрипартийный лозунг есть лозунг *концентрации сил* на основе революционных задач французского пролетариата. В частности, в оппозиции 23-го года необходимо произвести радикальное размежевание на основе революционной постановки задач движения, отбросив в сторону действительно оппортунистические элементы и перекинув мост к революционным элементам других группировок.

10. Надо занять правильную позицию по отношению к группировке Монатта-Росмера. Преступное исключение Монатта и Росмера из партии привело их к понятному развитию в сторону синдикализма и к новой группировке вокруг них революционно-синдикалистских элементов. Одна лишь голая критика синдикализма без фактического изменения синдикальной работы партии не может дать результатов. Независимо от того, в какой мере осуществимо и целесообразно в ближайший период возвращение Монатта и Росмера (или только Росмера) в партию, надлежит заставить Монатта и его группу понять, что в пролетарской революции они неизбежно окажутся по ту же сторону баррикады, что и коммунистическая партия, и что они должны сообразовать с этим свою политику. Только на основе такой общей линии возможно завоевание тех ценных рабочих-революционеров, которые поддерживают Монатта.

11. Сплочение истинно революционных элементов должно дополняться их отбором на основе живого опыта. Проверка поведения каждого партийца в стачке, в демонстрации, в конфликте с полицией, в столкновении с фашистами должна занять виднейшее место в формировании партийных кадров. В прошлом нередко тяжелые грехи этого рода отпускались за аппаратную благонадежность. Необходимо в этих вопросах воспитать величайшую бдительность и непримиримость партийного общественного мнения.

12. Марксизм все еще остается во французской партии в значительной мере предметом импорта. Партия питается отголосками, нередко искаженными, теоретических и иных боев в ВКП. Необходимо помочь руководящим элементам французской партии применить марксизм к освещению основных вопросов экономического и политического развития Франции в настоящий период. Нужна, в частности, коллективная работа над книгой "Куда идет Франция?".

13. Необходимо добиться для французской, как и для всякой другой иностранной партии, возможности и права составить себе совершенно свободное и независимое суждение о дискуссиях внутри ВКП. Если иностранным коммунистическим партиям нелегко составить себе правильное мнение о путях и методах единственной пролетарской партии, стоящей у власти, то отсюда ни в каком случае нельзя сделать тот вывод, что иностранные коммунистические партии не должны касаться русской дискуссии. Это ведет только к тому, что под видом внешней "нейтральности" происходит, как уже сказано, глухой аппаратный отбор.

Совершенно правилен был отказ от постановки русского вопроса на последнем расширенном Исполкоме Коминтерна: решение, вынесенное без серьезного знакомства с вопросом, без предварительной проработки его в партиях, имело бы чисто формальный характер и ничего не дало

бы ни ВКП, ни Интернационалу. Но тем важнее серьезное, всесторонне документированное обсуждение нынешнего положения в ВКП.

Л. Троцкий

28 июня 1926 г.

МАРЕЦКИЙ О ТЕРМИДОРЕ

1. Предшественниками оппозиции по вопросу о термидоре были меньшевики (Далин, Мартов, Каутский) и Устрялов.

2. Ленин "никогда, нигде, ни разу не говорил о термидоре".

3. Теория термидора – это теория неизбежной гибели нашей революции. Она упирается в отрицание возможности победы социализма в одной стране.

4. Различие между большевиками и якобинцами было следующее: "последовательность французской революции была последовательностью революционного мелкого буржуа и как таковая должна была неминуемо оказаться ограниченной буржуазным способом производства. Напротив, революционная последовательность большевизма есть "предельная" последовательность самого передового класса – пролетариата".

5. Термидор имел место на полосе хозяйственной разрухи, невероятного роста цен и падения ассигнатов. Мы стоим в полосе хозяйственного роста.

6. Якобинская диктатура оказалась не в состоянии ужиться с крестьянством.

7. Мелкобуржуазная якобинская диктатура не имела системы командных высот.

8. Термидор был противоречием между "буржуазным характером революции и ее движущими силами".

9. По сравнению с жирондистами якобинцы представляли низший хозяйственный тип.

10. 9 термидору предшествовали события ожесточенной классовой борьбы.

11. Определенными признаками Робеспьера было то, что он находился у власти. Робеспьер не был оппозицией.

12. Признать неизбежность термидора – это значит признать, что Октябрьский переворот в конечной инстанции был не социалистическим переворотом, а трагическим выкидышем мировой войны.

13. Термидор не был перерождением, а был движением вперед с точки зрения социально-экономической, хотя политически он знаменовал собою реакцию (когда мелкая буржуазия обуржуазивается, это есть не перерождение, а нормальное развитие, социально-экономический прогресс).

[автора определить не удалось]

[июнь 1926 г.]

О РАВЕНСТВЕ

Накануне введения нэпа ЦК под руководством Ленина подчеркивал "необходимость еще раз и еще раз направить внимание всей партии на борьбу *за проведение в жизнь большего равенства*, во-первых, внутри партии; во-вторых, внутри пролетариата, а затем и внутри всей трудящейся массы; наконец, в-третьих, между различными ведомствами и различными группами работников, особенно спецов и ответственных работников, по отношению к массе" (из резолюции Всероссийской конференции РКП. Сентябрь 1920 г.).

Разумеется, введение нэпа внесло большие изменения не только в хозяйство, но и в быт, и породило условия, противодействующие равенству. Это не значит, однако, что партия в этой области, как и в других, может молчаливо склоняться перед буржуазными тенденциями нэпа.

Крайне поэтому тревожным признаком явилось то, что когда к концу 1925 года, через пять лет после введения нэпа, была сделана попытка вновь поставить на очередь вопрос о большем равенстве, — попытка эта встретила самое враждебное отношение со стороны ряда руководящих работников партии. А между тем в народной массе, в гуще трудящихся, в среде самой партии вопрос о большем равенстве не сходит и не может сойти с обсуждения.

Невнимательное и даже неприязненное отношение к неквалифицированным и малоквалифицированным слоям рабочих, как к "серой массе", недоросшей до "высокого" уровня нашего бюрократа и потому мечтающей о равенстве, становится все более и более распространенным (особенно неправильны речи на этот счет тов. Угланова). Такое отношение к хуже оплачиваемым слоям рабочих является типичным признаком оппортунизма и отхода от масс — так же, как нежелание практически ставить, несмотря на условия нэпа, вопрос о систематическом проведении большего равенства.

Л. Троцкий

11 июля 1926 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мы настойчиво обращаем ваше внимание на ряд действий, — прежде всего со стороны редакции "Правды", — находящихся в явном противоречии с заявлениями о том, что ни ЦК, ни партия не хотят дискуссии. Тов. Бухарин напечатал в "Правде" свой доклад по вопросу об Англо-русском комитете, излагая — в крайне искаженном виде — прения, имевшие место в Политбюро и никак не предназначавшиеся для огласки. Не называя фамилий, тов. Бухарин, однако, принимал все меры к тому, чтобы ясно указать аудитории и читателям, с кем именно он полемизирует. Вынесение

прений Политбюро на широкое партийное собрание и особенно в печать и есть не что иное, как дискуссия, или, во всяком случае, вызов на дискуссию. Неназывание имен, но приведение цитат и всякие иные "намеки" представляют собою настолько ребяческую и недостойную маскировку, что вряд ли о них стоит серьезно говорить. К той же категории относится речь тов. Дзержинского, переносящая прения внутри Политбюро – прения, в которых сам тов. Дзержинский был то с одной, то с другой стороны, – в широкую публичность, делающую их доступными всему населению страны.

Наконец, особенно ярким выражением упорного стремления вызвать дискуссию или провести одностороннюю дискуссию является редакционный фельетон в "Правде", посвященный неизвестному партии письму тов. Медведева, написанному, по-видимому, в начале 1924 года. Если верны приводимые в фельетоне "Правды" цитаты из этого неизвестного партии письма, то следует признать, что письмо заключает в себе ряд глубоко ошибочных и заслуживающих осуждения мыслей. Но поразительно то, что письмо это извлекается редакцией "Правды" из-под спуда два с лишним года спустя после того, как оно было написано, и сопровождается целой системой политических инсинуаций, которые явно и очевидно для всех направлены против определенных членов Политбюро и не могут, следовательно, иметь другой цели, кроме как вынудить этих последних к политической дискуссии. Одновременно с этим редакция "Правды", как и ряд ответственных работников, уже открывших фактически дискуссию, не устают повторять, что "партия не хочет дискуссии". Прежде всего надо решительно и бесповоротно осудить эту систему попыток, рассчитанных на то, чтобы втянуть партию в дискуссию незаметно для нее самой и в то же время взвалить ответственность за дискуссию на ту часть партии, которая, оставаясь формально в меньшинстве, не собиралась и не собирается вызывать дискуссионную лихорадку, так как надеется, что красноречивые экономические и политические факты последнего полугодия способны побудить большинство нынешнего партийного руководства стать на путь выпрямления партийной линии.

Если, таким образом, поведение редакции "Правды" в вопросе о дискуссии стоит в грубом противоречии с обязанностью центрального органа охранять нормальное развитие партии от дискуссионных потрясений, то еще хуже обстоит дело с выступлениями "Правды", если подойти к ним по существу.

Верно или неверно, что два с лишним года тому назад в неизвестном партии письме тов. Медведев говорил о вхождении в Амстердам , – мы этого не знаем. Если это верно, то тов. Медведев распространял в тесном кругу читавших его письмо заведомо неправильную мысль. Но редакция "Правды" не может не знать, что в конце прошлого и в начале нынешнего года двадцать три профессиональных союза, входящие в состав ВЦСПС, изменили свои уставы в том смысле, что вычеркнули их них указания на свою принадлежность к Красному Профинтерну и заменили указанием на свою принадлежность к Международному объединению профессиональных союзов. Так как международных профессиональных объединений

только два: Красный Профинтерн и желтый Амстердам, то замена в уставах Красного Профинтерна Международным объединением не могла означать ничего другого, кроме того, что авторы этой замены подготовляют вхождение в Амстердам. Мы думаем, что центральный орган, обязанный охранять идейную линию профессиональных союзов, не мог не знать об этих исключительной важности изменениях в уставах, не мог не понимать их смысла и цели. Какой же характер принимает молчание "Правды" по поводу замены Красного Профинтерна желтым Амстердамом, молчание, которое длится и после того, как на эту замену было указано со всей решительностью? Здесь дело идет не о частном письме отдельного товарища, высказывающего явно ошибочное мнение, а об официальных уставах, печатающихся в миллионах экземпляров и долженствующих воспитывать миллионы рабочих в надлежащем направлении. Естественно, если такой образ действий порождает мысль, что "Правда" извлекла из архива неизвестное партии письмо тов. Медведева, написанное свыше двух лет тому назад, для того, чтобы прикрыть свое принципиальное попустительство по отношению к произведенной руководителями профсоюзов замене Профинтерна Амстердамом.

"Нельзя брататься, – пишет "Правда", – с амстердамскими ренегатами, с Макдональдами и Каутскими, не протягивая одновременно руки Шварцам, Далиным и Абрамовичам. Чем хуже, в самом деле, русские меньшевики их "пролетарско-классовых" мелкобуржуазных собратьев?" С этим утверждением можно было бы согласиться, несмотря на его преувеличенную прямолинейность: британские профессиональные союзы входят в Амстердам и, следовательно, являются амстердамцами, что не мешало нам "брататься" с ними в известных условиях и на известных основаниях путем создания Англо-русского комитета. Указание на то, что в данном случае дело шло о профессиональных союзах, а не о партии, не поможет, так как сама "Правда" выписывает в один ряд Амстердама ренегатов, Макдональдов, Каутских и Абрамовичей. Получается впечатление, что "Правда" ударяется в преувеличенный радикализм, когда дело идет об обличении ошибочной мысли, выраженной тов. Медведевым два с лишним года тому назад в никому не известном письме. Та же "Правда", однако, защищает братание с той частью амстердамцев, которая еще не остыла от предательства генеральной стачки, ибо каковы бы ни были софизмы редакции "Правды" в этом вопросе, Англо-русский комитет есть политический блок, т. е. своеобразная форма братания с одними амстердамцами против других. Опыт генеральной стачки показал, что Генсовет на время генеральной стачки и для целей генеральной стачки отбросил прочь свой блок с русскими профессиональными союзами и призвал для совместного руководства стачкой представителей парламентской фракции Макдональда и Томаса. Генсовет показал этим действием, что именно по отношению ко всеобщей стачке схоластической бессмыслицей является противопоставление экономики политике и профессионалистов политикам, ибо в предательстве генеральной стачки Макдональд действовал как парламентарий, Томас – как парламентарий и тред-юнионист, точно так же Перселль и другие члены Генсовета. Разъяснять мас-

сам, что с Макдональдом у нас не может быть никакого блока или соглашения потому, что он чистый политик, тогда как с Цитриным мы можем продолжать англо-русский блок, так как Цитрин тред-юнионист, предательство же Перселля должно быть оценено под профессиональным, а не политическим углом зрения — заниматься подобной схоластикой значит сеять смуту в умах масс и безнадежно компрометировать идею коммунизма.

Еще более — если только возможно, — безнадежными являются рассуждения о том, что мы, большевики, должны оставаться в составе Англо-русского комитета потому-де, что Генсовет не свалился с неба, а отражает "данную ступень" развития английского рабочего класса. В такой постановке вопроса сосредоточена самая суть политического хвостизма. Эта философия означает, в сущности, что рабочий класс всегда имеет таких вождей, каких заслуживает, и что поэтому бороться против вождей или рвать с ними означает бороться с массой или рвать с нею. Конечно, Генсовет есть известная ступень в развитии английского рабочего класса. Но всеобщая стачка и ее предательство потрясли эту ступень. Английский рабочий класс не однороден. Есть известные элементы, которые хотят опрокинуть эту ступень. Число таких элементов чрезвычайно возросло после предательства Генсоветом всеобщей стачки. Наша задача не фаталистически созерцать "ступени", а помочь словом и делом — в данном случае, примером — наиболее революционным элементам английского рабочего класса, для которых Генсовет есть не ступень, а помеха, препятствие, враг на пути. Такова ленинская постановка вопроса в противовес хвостистской. Именно потому, что в жизненном вопросе британского и международного рабочего движения редакция "Правды" споткнулась больше, чем кто бы то ни было, она выискивает теперь ошибки в старом и никому не известном письме тов. Медведева и поднимает вопль по поводу недопустимости братания с амстердамскими ренегетами, с Макдональдами и Каутскими. А не будет ли это — спросим мы — понято рабочими массами в том смысле, что нужно выступать из амстердамского объединения профсоюзов? А не будет ли это поощрением отзовизма? И если для нас недопустимо вступать в блок с верхушкой амстердамцев — которых "Правда" на сей раз ставит в один ряд с политикой Макдональдов и Каутских, — не значит ли это, что для рабочих недопустимо оставаться в амстердамских союзах. Или "Правда" хочет сделать различие между вынужденным по существу вхождением в исторически данные профессиональные союзы и добровольным политическим блоком ("братанием") с вождями этих профсоюзов, играющими столь же политическую роль, как Макдональды и Каутские. Но тогда не разоблачает ли "Правда" догола схоластические построения тов. Бухарина в защиту сохранения Англо-русского комитета после срыва им генеральной стачки и на основе саботажа стачки углекопов. Чем более жалко "Правда" запутывается в основных вопросах революционного руководства рабочим движением, тем больше напрашивается мысль, что обличение старого и никому не известного письма тов. Медведева притянуто к делу только для того, чтобы путем инсинуаций, намеков, криков, вопля сбить с толку

партию, запорошить ей глаза, внести хаос в ее сознание и тем замаскировать свое собственное идейное банкротство.

Если тов. Медведев действительно писал два с лишним года тому назад, что нашу промышленность надо сдать в концессию, всю или в руководящей части ее, – такое утверждение было в корне ошибочно и заслуживало всякого осуждения. Мы не знаем, в какой мере передача "Правды" соответствует действительности, – мы вынуждены заявить, что это далеко не всегда бывает так, – но во всяком случае, сейчас, в июле 1926 года, "Правда" могла бы найти гораздо более серьезные, веские и свежие факты, требующие обличения с ее стороны. Мы имеем официальные предложения Наркомзема тов. Смирнова, направленные к тому, чтобы обеспечить руководство сельскохозяйственной кооперацией в руках "производственно мощного" середняка, т. е. изъять ее, по существу дела, из рук низов деревни и передать верхам для осуществления бухаринского лозунга "обогащайтесь". Мы имеем предложение тов. Смирнова, направленное на охранение тайны денежных вкладов деревенских верхов, чтобы оградить их от наименования кулаками, тогда как наша задача состоит в том, чтобы своевременно улавливать кулацкие обороты для соответственного их обложения. Мы имеем со стороны тов. Смирнова предложение изменить существующее законодательство так, чтобы у неаккуратного заемщика, т. е. у бедняка, можно было продать необходимейший сельскохозяйственный инвентарь. Мы имеем избирательную инструкцию ЦИК, раздвинувшую избирательные права в сторону мелкой буржуазии и в ущерб пролетариату. Мы имеем результаты последних советских перевыборов, показавших, в какую сторону идет – при указанной выше политике – развитие на деле. Советские перевыборы есть неоспоримое статистическое предупреждение, что если политика дальше пойдет по тому же пути, то это означает перерождение диктатуры пролетариата в царство мелкобуржуазной ограниченности.

Редакция "Правды" не находит ни одного слова для борьбы с теми тенденциями, которые выражены в предложениях тов. Смирнова (Наркомзем), тов. Каминского, руководителя сельскохозяйственной кооперации, в инструкции ЦИК и пр. и пр. Наоборот, редакция "Правды" ведет неистовую борьбу против тех товарищей, которые внутри ЦК своевременно предупреждали, своевременно обличали и своевременно требовали изменения курса. Для целей этой своей борьбы "Правда" извлекает из архивов никому не известное письмо тов. Медведева, цитирует из него (верно или неверно – не знаем) в корне ошибочные утверждения и путем софизмов, схоластики, намеков, инсинуаций пытается представить дело так, что эти в корне неверные утверждения тов. Медведева имеют что-либо общее с точкой зрения тех товарищей, которые считают, что лозунг "обогащайтесь" не упал с неба, что он является известной "ступенью" в развитии известных элементов партии, ступенью, ведущей не вверх, а вниз, что этот лозунг теснейшим образом связан и с предложением Наркомзема, и с инструкцией ЦИК, и с отношением к вопросам индустриализации, и с позицией в вопросах заработной платы, составлял с ними хотя и бесформенную, еще не вполне определенную систему, не имеющую ничего общего с большевизмом.

Весь фельетон "Правды" можно было бы без труда подвергнуть такому же анализу, строка за строкой, показав всю его фальшь, искусственность, его схоластичность и его иезуитизм. Несмотря на явную провокацию дискуссии со стороны редакции "Правды", провокацию, проводимую полузамаскированно, путем намеков и инсинуаций, – мы по-прежнему считаем, что партия не должна идти по стопам редакции "Правды", что глубочайшей важности вопросы необходимо добросовестно попытаться разрешить нормальным путем, прежде всего на предстоящем пленуме Центрального Комитета, не дергая партию и не втягивая ее фальшивыми методами на путь дискуссионной лихорадки.

Г. Зиновьев
Л. Троцкий

11 июля 1926 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

6 р. 90 к.